

СТЕПАН СКАЗИН

**РОЗЫ ДЛЯ
ПРОСТИТУТКИ**

18+

Степан Станиславович Сказин

Розы для проститутки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67643114

SelfPub; 2024

Аннотация

Любовь поэта к проститутке... Почти «вечный» сюжет... Забитый меланхоличный студент – вдобавок раздавленный опекой со стороны не в меру активной бабушки – тянет постылую лямку, учась в университете на юриста. А в свободное время ищет утешения в стихосложении, пытаясь подражать таким корифеям восточной классической поэзии, как Низами и Навои. Судьбе было угодно, что однажды в сентябрьский день наш начинающий поэт встретил обворожительную красавицу – точь-в-точь похожую на героиню столь любимых бедным студентом персидских и тюркских стихов. Вот только Малика (так зовут девушку) вовсе не спустившаяся на грешную землю райская дева и не шахская дочка – а... проститутка. Удастся ли наивному романтичному студенту завоевать сердце продажного ангела?..

Степан Сказин

Розы для проститутки

Зачин. О луне и розах

Мой душистый цветок, моя луна. Просыпаясь утром – я вспоминаю тебя. Днем мои мысли заняты тобой – а ночью я вижу тебя в волшебных снах. Твой ангельский образ – вытатуирован у меня на сердце.

Ты кажешься мне похожей на самую яркую розу из того букета, который я подарил тебе во вторую нашу встречу. Как разгоняющая тьму золотая луна, взошла ты на небо моей жизни...

Ты знаешь: лирика Навои и Саади заменяла мне хлеб и молоко. Будто пчела нектаром – питался я стихами персидских и тюркских классиков. Я и сам поэт. Так что позволь мне с долей витийства сказать: ты достойна без забот гулять по тенистому саду, срывая цветы и слушая трели пернатых; медленно потягивать сладкое багряное вино из хрустального кубка; полулежа на застеленном бухарским ковром инкрустированном самоцветами троне – принимать дары от бьющих поклоны воздыхателей.

К сожалению, на этом свете мало места для поэзии. Мир жесток – и люди тоже жестоки. Прямоходящими потомками

обезьян движет жажда наживы и власти над ближним. Жизнь среди подобных «хомо сапиенсов» – невозможно не замараться. Я, пожалуй, атеист – и не верю в сказку о первородном грехе. Но не поспорить: каждый землянин старше четырнадцати лет – признается в этом или нет – верблюдом несет на себе груз своей вины.

Твои лепестки, о мой цветок, не могли не запачкаться пылью и грязью этого подлого мира. Но я каждый раз орошал тебя дождем своей любви – так что ты всегда была для меня чистой и свежей. Такими бывают весною на рассвете розы в цветниках твоей прекрасной родины – Восточного Туркестана.

Роза останется розой, даже если распустится на берегу зловонной – полной отходов – канавы. Тусклая луна, обложенная тучами – все равно луна.

Я это очень хорошо понимаю. И потому в моих глазах мы всегда были Фархадом и Ширин, Меджнуном и Лейли, Тахиром и Зухрой. Хотя я бросивший институт нервный юнец, убирающий туалет за кошками – а ты была проститутка и никогда по-настоящему не любила меня.

1.Неприкаянная душа

Мне только-только стукнуло девятнадцать лет. Возраст, в котором Чингисхан уже предводительствовал ватагой уда-
лых багатуров. Но мне – как до неба – далеко было не то

что до рыжебородого монгольского кагана, но и до любящего приложиться к бутылке сантехника дяди Васи. Потому что дядя Вася – в отличие от меня – обладал хотя бы толикой свободы.

А я был пушистым – не научившимся летать – птенцом под крылышком у энергичной и пышущей здоровьем (даром, что шестидесятилетней) бабушки. Бабушка была подлинная бизнес-вумен, деловая леди и современная барыня, посещавшая косметолога и массажиста. И даже перед походом в магазин за палкой колбасы не забывала опрыскать себя духами с ароматом лаванды. Занимала должность в офисе крупного банка. В другом банке имела счет с кругленькой суммой, на который регулярно капали проценты. Владела акциями транснациональной корпорации, производящей парфюмерию, и играла на бирже.

Реализовавшаяся – так сказать – «на поле общественной деятельности», бабушка была и суперской домохозяйкой. Любила вязать носок под мелодраматический сериал. Варила щи – борщи – уху и жарила котлеты. А коронным блюдом бабушки был пирог с мясом и грибами, которым я объедался до смачной отрыжки.

Бабушка опекала меня сильнее, чем могли бы папа и мама вместе взятые, если бы были живы. На каждый праздник – включая день независимости республики – охотно дарила мне немаленькие денежные суммы. Но не позволяла мне самому заработать себе на карманные расходы хотя бы промо-

утером, раздающим рекламные листовки у японского кафе или пиццерии.

Подняв палец – на котором серебрилось кольцо – бабушка с многозначительным видом говорила: «Твоя работа, дитя – это учеба».

И я учился – я без дураков учился. Ломал ногти и крошил зубы о гранитные глыбы знаний на втором курсе юридического факультета Расейского столичного социального университета. Выплесни на меня ночью ведро холодной воды и спроси что-нибудь из римского права или шестой параграф кодекса Хаммурапи – и то я ответил бы без запинки.

Если быть откровенным: душа моя совсем не лежала к юриспруденции. Иногда, когда я открывал толстый, как Талмуд, учебник – напичканный терминами вроде «презумпция невиновности», «неустранимое сомнение» и «исковые требования» – на меня девятым валом накатывало запредельное отчаяние. Хотелось запустить фолиантом в стену – а потом топтать чертову книжищу ногами. Честное слово: святая инквизиция не снискала бы в веках недоброй славы, если б сжигала на кострах не труды ученых – а сочинения всяких законников.

Но на то, где мне учиться – я мог повлиять не больше, чем на политику инквизиции. Университет и факультет выбирала многоумная бабушка. Уж она-то знала, как обустроить будущее единственного внука.

«Юрист – профессия, которая всегда будет востребован-

ной», – бородатым Конфуцием внушала мне бабушка.

Она так и видела меня молодым преуспевающим адвокатом в безукоризненном сером пиджаке и в брюках со стрелками. С поблескивающей от геля прической. Арендатором комфортабельного офиса на двадцать пятом этаже делового центра в самом сердце мегаполиса.

Что мне оставалось делать?..

Не знаю, боялся ли я не оправдать бабушкиных надежд. Но я прилежно – утирая с лица пот – корпел над пыльными сводами законов. Просиживал штаны на лекциях. И даже отвечал что-то на семинарах. Так ишак под тяжелой кладью – хочет, не хочет, а бредет вверх по узкой горной тропе.

Замечали ли товарищи по студенческой скамье, что я чувствую себя не на своем месте – хуже рыбы в кастрюле?.. То ли им не нравились мои чуть взлохмаченные волосы цвета соломы, моя походка, моя привычка часто-часто моргать?.. Или дело – банально – было в моем неумении общаться?.. (Когда мне надо было к кому-нибудь обратиться – хотя бы попросить карандаш – я краснел и фыркал).

Так или иначе – на курсе меня (я мягко скажу)... не привечали. Я был мишенью для издевательств и ядовитых насмешек. Когда я появлялся под подпертым белыми колоннами потолком нашего университетского корпуса – обязательно находился весельчак, который выдавал: «Глядите: наш трубадур собственной персоной!..». Или: «Ого, сам беспокойный призрак отца Гамлета пожаловал!..».

Почему трубадур?.. Почему призрак отца Гамлета?.. Я понятия не имел. Я только сутулил спину и, как филер, втягивал голову в плечи.

Когда на семинаре я, задыхаясь, что-то мямлил в ответ на вопрос преподавателя – какой-нибудь одноклассник резко перебивал меня. И – на пальцах – доказывал, что я говорю несусветную чушь, цена которой не больше, чем срезанной с картофеля кожуре. Самое худшее, что учитель одобрительно кивал наглему – а меня переставал замечать. Будто я становился прозрачнее родниковой воды.

На всем факультете ко мне хорошо относилась только бодрая, не обделенная вниманием парней девчонка Снежана – с рыжими и густыми, как лисий мех, волосами. Тоже из нашей группы. Стоя на заплеванном, засыпанном пакетиками из-под чипсов и фольгой от шоколадок дворе корпуса – Снежана курила тоненькую белую сигаретку (обычно, с ароматом манго), задумчиво глядела на меня и говорила:

– А ты ничего. Умный парень. Только малость зажатый.

Отдушиной для меня было поехать после занятий в парк, раскинувшийся на берегу реки. Там я стелил куртку на траве и сидел, любуясь синим потоком. Наслаждался своим горьким одиночеством. Со мной были баночка пива или коктейля «вертолет», томик стихов Навои или Джами, блокнот и ручка.

Тут я должен сказать о трех моих страстях.

Выпивка. Живя в расейском обществе, девятнадцатилет-

нему мальчику трудно не привыкнуть к алкоголю. Даже если речь идет о таком замордованном и, вдобавок, придавленном бабушкиной гиперопекой юнце, как я. Уже от половины литра восьмиградусного напитка мне делалось хорошо. Я пил аккуратно – так, чтобы ненароком не дыхнуть на бабушку перегаром.

Классическая персидско-таджикская и тюркская поэзия. Я запоем читал Низами, Саади, Хафиза, Рудаки, Омара Хайяма и еще целую плеяду выдающихся стихотворцев. Мне непросто сказать, как у меня началась эта любовь к восточной лирике. По-моему, еще школьником я откопал дома в книжном шкафу неизвестно откуда там взявшуюся книгу «Фархад и Ширин» Навои и сборник стихов Рудаки. Я был покорен!..

В связи с государственным курсом на традиционные русские ценности, которые признаются скрепами нашего общества – авторов с Востока если и издают, то микроскопическими тиражами. А многие произведения иранской и тюркской классики можно достать только в старых – времен Конфедерации – изданиях.

Я осаждал букинистические магазины. На «досках объявлений» в интернете отыскивал пенсионеров, распродающих свои библиотеки. Только на книги Саади, Лутфи, Зебуннисо я и тратил (ну еще, правда, на пиво и коктейли) деньги, которые так щедро дарила мне бабушка.

С чем сравнить удовольствие, испытываемое мною от чте-

ния восточной поэзии?.. Пожалуй, с опьянением великолепным вином. Тонкие средневековые лирики Средней Азии и Ирана создали целый сказочный мир, в котором я забывал о серых буднях.

В этом волшебном мире влюбленный соловей пел над розой, а мотылек опалял крылья в огне свечи. Полный высокого чувства поэт мечтал занять место сторожевого пса у дверей прекрасной тюрчанки и только утреннему ветерку жаловался на жестокость красавицы. Возлюбленная сравнивалась с луной, нежным цветком, стройным кипарисом. Губы обворожительной пери – алые, как рубин, а волнистые косы – чернее ночи. Славя в песнях свою ненаглядную Лейли – несчастный Меджнун самумом мчался по пустыне. А царь всех ремесленников и строителей Фархад – во имя любви к ослепительной Ширин пробивал в граните русла, по которым потекут белое молоко и прохладная кристально-чистая вода.

Я и сам пытался писать стихи в подражание восточным лирикам. И это была моя третья страсть. Я всюду носил с собой блокнот. Туда я записывал рождающиеся у меня строчки. Но я должен был признаться себе: поэт из меня был... не блестящий.

Одно только следование метру и поиск рифмы представляли для меня невероятные трудности. Я пыхтел, как самовар, чтобы выдавить из себя хоть одну складную строфу. Мои упражнения в жанре рубаи, газели и мухаммаса оборачивались

чивались только тем, что я беспощадно марал бумагу. У меня почти не было законченных стихотворений – только отдельные более или менее удачные строки. Когда стихосложение утомляло меня – я рисовал в своем блокноте солнце, луну, цветы, кошек, драконов и профили красавиц. По крайней мере – по моему замыслу это должны были быть красавицы.

Так я и жил. Тихий бабушкин внучок с неприкаянной душой. И, клянусь, так бы и жил долго-долго. Возмужал бы – то бишь, стал бы ездить не в университет, а на работу.

Вряд ли – вопреки мечтаниям бабушки – из меня получился бы полновесный адвокат. Но младший специалист юридической консультации – точно. Я бы протирал в офисе брюки, стаканами глушил капучино и латте, резался бы на компьютере в «Тетрис» и «Сапера» и иногда давал бы клиентам разъяснения, в каких случаях применима та или другая статья гражданско-правового либо семейного кодекса.

Моя жизнь была бы похожа на жизни других мелких клерков – как неотличимы друг от друга шоколадные конфеты из одной коробки. Меня выделяло бы (незаметно для всех окружающих – ха!..) только то, что я почитываю Низами и Лутфи, сам карябаю жалкие стишки да рисую змей и розы.

Казалось: такое будущее уготовано мне лукавыми богами. Закончив университет, я получу свой синий диплом. Пять дней в неделю буду кряхтеть на работе. В субботу – заливать глаза «вертолетом», «отверткой» или «кровавой Мэри». По воскресеньям – дрыхнуть до часу дня; а проснувшись – гло-

тать аспирина от сверлящей голову боли.

Но поток моей жизни круто изменил русло, когда я увидел – да, просто увидел!.. – Малику.

2.Малика

Это была вторая неделя сентября. В университете нам только-только выдали учебники. По всему факультету были расклеены стенгазеты с «напутственным словом» господина ректора – и с огромными фотографиями сего дородного мужа, смахивающего на императора Нерона.

В тот день – после занятий – я, погруженный в меланхолию, бродил по окрестностям университета. Сегодня я получил от сокурсников долю колкостей и шпилек. Одна только Снежана разговаривала со мной, как с человеком. Домой абсолютно не хотелось. Не в меру сердобольная бабушка – считающая, что имеет право все обо мне знать – будет настойчиво у меня выпрашивать: «А все ли у тебя благополучно в университете, золотой мой?». А мне придется – не краснея – лгать: мол, мои делишки обстоят хорошо. Не стану же я признаваться, что для других «студиозусов» я моральная груша для битья. И что от юриспруденции – от всех этих параграфов и статей – мне хочется порою проблеваться.

Так что домой меня сейчас было не приманить даже бабушкиным мясным пирогом с пылу, с жару. Притом, что в моем пустом желудке урчало. Я собирался двинуться в парк

– и засесть там под ветвистыми деревьями, расстелив куртку на траве, на моем любимом месте с видом на синюю реку, по которой иногда пробегают прогулочные теплоходы. Но сначала решил заморить червячка в каком-нибудь заведении общепита.

Ветер мел по асфальту фольгу, бумажки и шелуху от семечек. Серый мегаполис с громадинами многоэтажек сливался с таким же серым небом. Только на западе золотился тускловатый кусочек солнца. Унылый урбанистический пейзаж как нельзя лучше сочетался с моим невеселым настроением.

Я не долго мерил шагами улицу. Передо мною вырос белый параллелепипед с вывеской: «Закуски от дяди Вани» – на которой был грубо намалеван сияющий улыбкой повар в белом колпаке, держащий блюдо не то пирожков, не то пельменей. Не раздумывая – я дернул за ручку стеклянную дверь и переступил порог забегаловки.

Я попал в длинное и узкое помещение – точь-в-точь в склеп для анаконды. По одну сторону – витрины с горами разнообразной выпечки, пельменями и жареными куриными ножками на подложках; супами и салатами в пластиковых контейнерах; бутылочками кваса и морса. По другую – стойки, за которыми можно умять свой заказ. Звучала популярная эстрадная песенка – в куплетах которой рифма была еще более сомнительная, чем в моих, с позволения сказать, стихах.

Я подошел к кассе, чтобы купить салатик и выпечку. И...

как жена Лота, застыл соляным столбом, встретившись глазами с продавщицей. Казалось: в это мгновение всколыхнулся мировой океан, громогласно расхохотался косматый Иегова, а индийский озорной бог любви Камадэва отпустил тетиву лука – метнув свою цветочную благоуханную стрелу.

Юная продавщица была... прекрасна. Я увидел ее нежно-смуглое лицо так близко!.. Как бы нырнул в омуты ее темных лучистых глаз. Сказать, что эта девушка была подобна весеннему солнцу, полной луне, распустившемуся цветку жасмина – значило ничего не сказать.

Я читал у Рудаки, Низами и Саади о прелестной тюрчанке – нежной пери, ангеле. Гурии, спустившейся на грешную землю из тенистых райских садов. А сейчас я увидел идеал восточной, тюркской красоты прямо перед собой. Точно сама поэзия – вспыхнув волшебным самоцветом – ворвалась в обыденную скучную реальность.

Как жадный шмель, прильнув к цветку, сосет нектар – так и я впитывал взглядом облик чудесной красавицы. Я не знал, чему больше поражаться. Черному, как вороново крыло, потоку густых волнистых волос – струящемуся до середины спины?.. Стройной точеной фигурке?.. Губам – напоминающим лепестки алой розы?.. Длинным ресницам?.. Похожему на серп полумесяца изгибу бровей?..

Я чаще задышал. Сердце – разгоняя бурлящую кровь по венам – гремело янычарским барабаном. Челюсть у меня отвисла. Я стоял глупым зайцем и без стыда (я забыл папу с

мамой, не то что стыд) пялился на привлекательную продавщицу.

Этой тюрчанке быть бы наряженной в тонкое парчовое платье, перехваченное золотым поясом. Но наряд ее состоял из блузки и брюк. Что, конечно, не умаляло красоты девушки. На груди у продавщицы был приколот бейджик с именем: «Малика».

Малика!.. Нежную гостью из рая зовут Малика!.. Я знал: это популярное у тюрков и таджиков арабское имя переводится как «царица». Что ж. Такое имя вполне подходило обворожительной красавице!..

– Малика... – чуть шевельнув губами, прошептал я.

– Молодой человек, – чистым, как журчание ручейка, голоском, заговорила девушка. – С вами все в порядке?.. Вы окаменели, будто Медузу Горгону увидели. На вас напал столбняк?.. Будете что-нибудь заказывать?..

– Я.. Да... Извините... – беспомощно забормотал я, чувствуя, что краснею.

Слова красавицы насчет «Медузы Горгоны» и «столбняка» были хлесткими, даже язвительными. Но – как это и описано в персидско-таджикской и тюркской поэзии – горький яд с губ пери кажется сладким медом. Я будто примерил чалму и халат лирического героя стихов Низами или Джами. Безумец хочет целовать пыль у ног прелестной тюрчанки – дерзкой и невоздержанной на язык.

– Ну-у?.. – спросила девушка, приподняв полукружия

своих черных бровей.

– Ах, да, это... я...

Я понимал, что выгляжу смешно – и оттого еще больше терялся. Дрожь проняла меня до корней волос. Я был точь-в-точь перебирающий лапками мышонок, который только глубже проваливается в вязкое желе.

Черт возьми, надо просто выпрямить спину и равнодушно отчеканить: «Мне, пожалуйста, два пирожка с капустой и крабовый салат». Боже, как я сейчас жалел о том, что я не развязный мачо и не вшивый пикапер, способный стрелкнуть номерок телефона у понравившейся девушки. Зачем я только родился рохлей, лузером и задротом?.. Вот я закидаю себе в глотку пирожки и салат... и мне останется только вытереть рот салфеткой и отчалить.

Точно в насмешку, судьба не несколько минут столкнула меня с восхитительной красавицей – с которой мы разойдемся, как в море корабли. Возможно, я еще не раз заверну в это бистро – чтобы только бросить взгляд на милую тюрчанку. Но я никогда, никогда не заговорю с ней иначе, чем как покупатель с продавщицей. Потому что я не знаю, как должен вести себя юноша – который хочет привлечь внимание девушки. Свои представления о взаимоотношения полов я черпал только из поэтических книг.

– Дайте мне, пожалуйста... салат «мимоза» и... две сосиски в тесте... – наконец выдавил я.

Малика рассмеялась – как звенит маленький декоратив-

ный колокольчик. Подозреваю: дело было в том, что я имел чрезвычайно глупый вид. Моя тюрчанка из стихов Саади шустро собрала заказ. Мне оставалось только взять поднос и переместиться за стойку. Ковыряя вилкой салат и помаленьку откусывая от сосиски в тесте, я – нет-нет – да и поглядывал через плечо на Малику.

О, как странно!.. Посмотреть на меня со стороны – я просто парень с рюкзаком на спине, закусывающий в дешевой забегаловке. А на деле – мое сердце квакало лягушкой и рвалось по швам. Казалось: я факелом вспыхну от внутреннего огня.

Меня так и подмывало: утереть вымазанные в салате губы, пасть перед нежной тюрчанкой на колени, протянуть руки, процитировать строчку Джами и взмолиться: «Выходи за меня замуж!...».

Вот такой я пылкий Меджнун. Но прекрасная, как молодая пальмочка, Лейли – хотя бы отвечала своему страстному возлюбленному взаимностью. Малика же – в ответ на мой бурный порыв – только покрутит пальцем у виска. Время Фархада и Меджнуна прошло. В наш похабный век, чтобы завоевать девушку – нужно сводить ее в фешенебельный ресторан поесть хрустящих французских булок и суп из акульных плавников. Подарить абонемент в массажный салон, серебряное колечко и модные духи. Стишками не соблазнишь ни одну дурочку. Сегодня общество – это рынок. Всегда есть продавец и клиент. Когда юноша и девушка затевают

шуры-муры – между молодыми людьми заключается сделка. Брак – тоже сделка, большей степени надежности.

Приходится признать: самая честная женщина – проститутка. Подобная конфете без ярко разрисованного фантика. Проститутка без лишних слов продает тебе свое тело, принимая наличные или перевод на карту. И не требует от тебя плясать вприсядку – выдумывать что-то с поездкой на море или с обедом в элитном кафе под сверкающими круглыми люстрами.

У меня задрожали веки и задергался кадык. Ну вот еще!.. Не хватало только расплакаться за поеданием «мимозы»!.. Мозг обожгла мысль: а если бы Малика и впрямь была... путаной?.. О, тогда бы я знал, куда потратить деньги, которые дарит мне на праздники бабушка!.. Я бы снял Малику на ночь. Забыв обо всем на свете, мы отдались бы пьянящей бесстыдной страсти. А под утро – когда усталая Малика уронила бы голову на подушку – я сказал бы, запустив пальцы в длинные черные волосы тюрчанки: «Тебе не обязательно заниматься проституцией. Будь моей женой».

Ха!.. Как будто моя энергичная бабушка – по пунктам и параграфам расписавшая мое будущее – спит и видит, что бы я притащил в качестве невесты нерусскую девушку (очевидно, без расейского гражданства). Нет!.. Бабушка сразу же заверещит: мол, внучок, «это же невыгодная партия!..».

Я горько вздохнул. И подумал, комкая в кулаке жирную салфетку: я ухоженный и сытый, но несвободный. Гудящий

муравейник мегаполиса – это царство тотального рабства. Каждый муравей при деле: один тащит хвоинку, другой – личинку, а третий – доит тлю. Людям-муравьям, с детства подчиняющимся тысяче условностей и заданным алгоритмам – просто некогда задуматься об утраченной вольной волюшке...

Стеклянная дверь раскрылась – в кафешку вошел новый посетитель. Мужчинка лет под сорок пять, ростом с пожарную каланчу. Длинный плащ мужчинки был распахнут – так что виден был черный пиджак с приколотой брошкой. Крючковатый нос придавал гостю сходство с хищной птицей – да и в выражении лица было что-то напоминающее о стервятнике. На носу – очки. Серые шевелюра и усы – аккуратно подстрижены. Ни один волосок не топорщился. От дядечки распространялся резковатый запах мужского одеколona. Кажалось: этот аромат окутывал очкастого стервятника густым облаком.

«Метросексуал», – подумал я, косясь на серебряную брошку на груди мужчинки. Не знаю отчего – но дядечка мне сразу не понравился.

Маленькими шажками – стуча лакированными туфлями – метросексуал подошел к кассе и, что называется, через губу сказал:

– Девушка. Порцию пельменей по-нижегородски.

Потихоньку я наблюдал за Маликой и господином в плаще. Мне было неприятно уже оттого, что «господин» вообще

обращается к моей тюрчанке. (Ха!.. Когда она успела стать моей?..).

– Минуточку.

Проворная Малика щипцами выудила с витрины – один за одним – пять здоровенных пельменей, сложила на одноразовую тарелку и поставила в микроволновку греться. Метросексуал торчал прямой, как трость – и корчил недовольную козлячью мину.

– Возьмите. С вас сорок червонцев.

Бодрая, ловкая Малика достала из микроволновки пластиковую тарелку с пятью жирными пельменями.

– Девушка... – грозно, как тигр Шерхан, прохрипел дядечка в плаще. За стеклами очков у «благородного господина» точно полыхнули молнии.

– Да-а?.. – поправляя длинные волосы, спросила Малика. Ее агатовые блестящие глаза смотрели без страха.

Забыв про свою «мимозу» и недоеденную сосиску в тесте, я – не скрываясь – наблюдал за разгорающимся конфликтом Малики и усатого мужчинки. Я горячо сочувствовал моей тюрчанке. В сердце закипал гнев против седого дурака. Что тебе надо от девушки?.. Расплатись – и жри свои пельмени. Желательно – где-нибудь в отдаленном месте. Хоть за полярным кругом.

– Девушка... Что... Что вы мне положили?..

Не прикрывая паскудный род ладонью – покрасневший, как перезрелый томат, мужчинка захлебнулся яростным

кашлем.

– Я положила вам пельмени по-нижегородски, – не моргнула глазом храбрая Малика. – Блюдо такое. Пять пельменей. Стандартная порция.

– Де-ву-шка!.. – чуть не захлебнулся слюною «очкастый стервятник».

Противники стояли друг против друга, разделенные только прилавком. Малка – прекрасная, как цветок; с заколкой в виде бабочки в красиво вьющихся темных волосах; хрупкая и миниатюрная. И дядечка – длинный, как мачта, на которой модный плащ висел, как парус. Весь холеный, лощеный и прилизанный – аж с души воротило. И хоть бы волосок выбился у дядечки из щетинки аккуратно подстриженных усиков а-ля Эркюль Пуаро. Я подумал: не удивительно, что такой породистый крысеныш, заботящийся о своих волосах и коже не хуже иной дамочки – и ссору в дешевой кафешке затевает, как бешеная баба. «Хуже женщины, ведущей себя, как мужик – только женоподобный мужчина», – сказал кто-то из классиков мировой литературы.

– То, что вы мне даете – это что угодно, но не нижегородские пельмени!.. – со скрежетом зубовным выдал седусый метросексуал. – Где вы учились кулинарии?.. Нижегородские пельмени подаются с зеленой веточкой укропа, кусочком сливочного масла и с несколькими горошинами черного перца. Пер-ца!.. Слышите, девушка?..

Мужчинка плевался словами, все повышая тон – пока не

сорвался на отвратительный визг.

– Ой, вы только не кричите, уважаемый. Я же вас не режу, – рассмеялась дерзкая Малика. – Кулинарии я училась у своей мамочки – которая, пока не поддалась болезни, такие беляши жарила, что любой итальянский шеф-повар со своей пастой плакал бы от зависти. . . И что вы заладили: «девушка, девушка»?.. Я знаю, что я не парень – представьте себе. А по поводу перцев-укропов я вам так скажу: на каждое блюдо у меня есть технологическая карта. Я подаю вам пельмени не абы какими, а строго в том виде, какой прописан в карте. Так вот, дедуля: в рецептуре блюда «нижегородские пельмени» – про перец, масло и укроп не сказано ни полслова. Что делать: такие порядки в нашем кафе. А если вам принципиально уплетать пельмени по-нижегородски со всеми добавками – поищите более продвинутый ресторан или приготовьте эти пельмени сами дома!..

Малика оперлась маленькими ладошками о прилавок и чуть подалась вперед – с вызовом глядя в глаза прилизанному усачу. Ее нежно-смуглое личико лучилось боевым задором. Я отметил, как красива родинка у краешка губ кудесницы.

Мне хотелось смеяться и аплодировать. Настолько меня восхитила бойкая бесстрашная Малика. Речь шла о такой приземленной форме материи, как пельмени. Но мое пылкое воображение и сюда приплело сюжеты из персидско-таджикской поэзии. Вспомнились строчки Саади: красавица – даже

одетая в рубище – притягивает взоры. Не будь я совсем бес-
талантным поэтом – сложил бы рубаи о том, что гурия оста-
ется гурией, даже если, волею судьбы, подает пельмени раз-
ным недовольным скотам.

Усач покраснел, как рак в кипятке. Затем пожелтел. По-
бледнел. Даром, что не позеленел. И – наконец – изрыгнул
поток ругательств:

– Ах ты, тварь!.. Малолетка!.. У тебя давно-то мамкино
молоко на губах обсохло?.. Азиятка понаехавшая!.. – (Мет-
росексуал произнес именно так: «азиятка»). – Да как ты сме-
ешь, уродка, оскорблять русского человека, который нахо-
дится у себя в стране?.. Шлюха!.. Пиявка!.. Ползучая гади-
на!..

У меня уши в трубочку свернулись от забористой брани
«интеллигента». Мелькнула мысль: надо бы заступиться за
девушку – заткнуть разбушевавшегося «усатика». Даже оку-
нуть его мордой в остатки салата «мимоза». Но, видимо, я
трусливый зайчишка. Я только вдохнул, выдохнул... и остал-
ся на месте. Пальцы у меня тряслись.

Малика сначала отшатнулась от очкастого хама – как от
ядовитого насекомого. Но затем снова подалась вперед. По
ее красивым губам змеилась нервическая ухмылка. Глаза
сверкали. Не было сомнений: своей площадной руганью дя-
дечка в плаще только на несколько мгновений выбил краса-
вицу из равновесия. Сейчас Малика соберется и даст «усам и
плащу» достойный отпор; смешенный с грязью очкарик ты-

саячу раз пожалеет, что переступил рамки приличия.

Но дело приняло неожиданный оборот.

Бросив взгляд на улицу – за стеклянную дверь – я увидел только что припарковавшуюся роскошную иномарку. Из авто вышел нестарый кавказской наружности мужчина в поло-сатом пиджаке и в брюках со стрелками. Через секунду кавказец уже вошел в бистро, со словами:

– Так-так-так. Что у нас здесь происходит?..

Я догадался: важный кавказец – хозяин заведения и работодатель Малики.

– Скандальчик тут у нас, Омар Османович, – доложила Малика. – У гражданина подгорает.

Омар Османович. Я мысленно окрестил хозяина забега-ловки «два О».

– Вы владеец кафе? – пыхтя и щурясь, спросил усатый очкарик. – Что за сброд вы нанимаете?.. Ваша девушка – она...

Разве что горячий пар не вылетал из ушей «очков и пла-ща». «Два О» театрально поднял руку:

– Я вас понимаю. Сейчас во всем разберемся. Я хотел бы с самого начала послушать, что здесь произошло.

– Ну, в общем... – заговорила было Малика.

– Молчи. – Омар Османович прислонил холеный палец к губам. – Клиент всегда прав. Пусть рассказывает клиент.

Ободрившийся дядечка потерябил себя за ус. И – со стра-стью художника, густыми красками пишушего картину –

принялся ябедничать на бедную Малику. «Очки и плащ» вдохновенно врал, как жестоко был оскорблен и растоптан хрупкой продавщицей. И конечно – гнал пенную волну возмущения по поводу того, что пельмени по-нижегородски должны подаваться с перцем, укропом и маслом.

– Простите нас. Простите, – покорным холопом отозвался «два О», опуская голову и прижимая руку к сердцу. – Мы ориентируемся на европейские стандарты обслуживания – и не потерпим дурного обращения с нашими дорогими покупателями. Задевшая вас сотрудница, – (Омар Османович скосил глаз под кустистой бровью на Малику), – будет уволена... Что же касается пельменей по-нижегородски – то в нашей рецептуре действительно не предусмотрено добавление масла, укропа и перца. Я понимаю: это ранит вас как тонкого ценителя, гурмана. Извините нас!.. В качестве компенсации я предлагаю вам большой стакан капучино. Уж по части напитков на основе кофе – нам равных нет.

– Что ж... – снова подергав себя за ус, очкарик в плаще издал фыркающий звук, который должен был обозначать удовлетворение.

Омар Османович повернулся к Малике и резко бросил:

– Ты слышала. Капучино «ноль пять» для господина.

– Ах, для господина?!.. – едко рассмеялась Малика.

Нервно покусывая губы и беспощадно комкая в кулаке салфетку, я наблюдал за безобразной сценой.

Какой-то дурак взбеленился оттого, что в пельмени не по-

ложили масла. Совсем некстати нарисовался то ли директор, то ли владелец заведения. Скользящий, как налим. Готовый стелиться перед денежным клиентом, как шакал перед тигром. И вот уже нежная смугляночка-продавщица – которую сделали во всем виноватой – лишается работы.

Я еще никогда не зарабатывал самостоятельно на кусок хлеба. Но имел достаточно воображения, чтобы уловить: потеря места в кафешке – страшный удар для Малики. У бедняжки явно нет продвинутой бабушки, щедро дарящей внучке деньги на карманные расходы. Малика – вдобавок – нерусская. По всему видать: иностранная гражданка откуда-нибудь из Восточного или Западного Туркестана. Это создаст девушке дополнительные трудности в поиске новой работы – при свойственной нашему обществу ксенофобии.

В котелке моего сердца булькала ярость против Омара Османовича и «усатого-в-плаще». Того и гляди – хлынет через бортик. Но, как я и говорил: я трусливый зайчишка. С открытым ртом, вращая глазами – я только следил за происходящим.

– Малика. Капучино!.. – требовательно повторил «два О».

– Ах, да, да!.. Для сахиба!.. – с издевкой отозвалась Малика.

Глаза красавицы пылали огнем. Нежные губы по-прежнему кривились. Гордая девушка не собиралась рассыпаться бисеринками в извинениях перед очкастым уродом или униженно молить Османовича: «Оставьте, оставьте меня на ра-

боте!...».

Грациозная, как пава – Малика довольно проворно (хотя и явно без спешки) налила в картонный полулитровый стакан ароматный капучино, прикрыла белой пластиковой крышкой и поставила на прилавок.

Омар Османович обеими руками взял стакан и – чуть ли не приседая, как евнух перед халифом – протянул усатому. Сказал елейным тоном:

– Угощайтесь, пожалуйста!.. Капучино за счет заведения. Надеюсь, это достойная компенсация за моральный вред, который нанесла вам наша нерадивая сотрудница. Еще раз приношу вам извинения... Я буду счастлив, если вы дадите нам второй шанс вам угодить – снова нанесете нам визит...

– Хорошо. Я подумаю. Подумаю, – почти миролюбиво ответил очкастый метросексуал. Видимо, благословенная халыва (стакан капучино) чуть размягчила стальное сердце интеллигента.

Красавица Малика вставила шпильку:

– Только, господин хороший, когда будете лить капучино в глотку – не опрокиньте стаканчик себе на штаны. А то представляете, какой будет конфуз, если вы посадите пятно на свои великолепные брюки?.. Вы же – не иначе – восемь тысяч червонцев за них отвалили!.. Хуже всего, если горячий напиток брызнет вам между ног. Я даже не говорю о том, что вы обожжете ваши самые драгоценные органы... Расположение пятна будет такое, что со стороны покажется, что

вы – пардон!.. – обмочились.

– Малика!.. – рявкнул, нахмутив косматые неандертальские брови, Омар Османович.

– Что – Малика?.. – дерзко бросила девушка. – Мне бо-
гаться нечего: ты меня уже уволил.

Успокоенный подарком в виде стакана капучино – «уса-
тый-в-плаще» по-джентельменски раскланялся с «двумя О»
и исчез со сцены, выйдя в стеклянную дверь. Я по-прежне-
му исполнял роль безголосого зрителя. Хотя мое сердце –
как искромсанное ножом – кровью истекало от сочувствия
к Малике.

Не стирая с лица лакейской улыбочки – Омар Осmano-
вич проводил «господина клиента» долгим взглядом. Затем
– грозный, как туча – повернулся к Малике:

– Ну, Малика!.. Я – конечно – знал, что ты отмороженная.
Но такого... такого я даже от тебя не ожидал. Покупателю
надо служить, как богу. А не демонстрировать свой каприз-
ный норов необъезженной кобылицы. Я не пошутил: ты уво-
лена!.. Доработаете сегодня смену – а завтра к одиннадцати
часам дуй в офис. За расчетом.

– Да пожалуйста!.. – едко ухмыльнулась Малика. – Дума-
ешь, я работу не найду?.. А ты – продолжай лизать задницу
каждому недовольному клиенту!..

Я задрожал сильнее – как хвост у овцы, которая слышала
волчий вой. Сердце дико стучало. Со лба сбегали струйки
пота. (Я часто потею, когда нервничаю).

Мне хотелось заступиться за Малику. Сказать что-то веское – что сразу ее обелит. Эх, не быть бы мне позорным трусом, для которого не то что защитить малознакомую девушку, но и спросить у прохожего дорогу к метро – непосильная задача!..

Но – неожиданно не только для Османовича и Малики, но и для самого себя – я распрямил спину, положил в тарелку недоеденную сосиску в тесте, утер лоб рукавом и хриплым голосом выдал:

– Девушка не виновата... Этот клиент в плаще и очках первый начал хамить... Девушка сказала только, что пельмени подаются – согласно рецептуре – без масла, зелени и перца. А очкастый... принялся грубить и буянить... Вот и все!.. Девушка не виновата. Не виновата. Не виновата.

Несколько раз – как заклинание – я повторил: «Не виновата». На этом силы и отвага меня оставили. Не дожидаясь реакции на мои слова и даже не решившись бросить прощальный взгляд на Малику – я на подгибающихся ногах бросился вон из кафешки.

Я шел – качаясь, как пьяный – и не смел обернуться. Сердце долбило в грудную клетку – а голову переполнили шумы, похожие на звук радиопомех. Я очнулся только в метрах трехстах от «Закусок...» – у киоска «Пиво – чипсы – сигареты». Руки у меня тряслись, а веко над левым глазом подергивалось – когда я расплачивался за коктейль «вертолет». На ходу хлебая из баночки с яркой этикеткой – я двинулся в

свой любимый парк на берег реки. Я чувствовал, что сейчас заплачу.

В парке я расстелил куртку по жухлой траве, сел и уставил взгляд на темно-синюю реку, медленно текущую под серым небом.

При каждом вздохе ветра с деревьев сыпались желтые и ржаво-коричневые листья; рябь пробегала по реке. Я глушил свой «вертолет» – а из глаз моих лились слезы, которые я размазывал по щекам тыльной стороной ладони. Мне хотелось застонать в голос, как раненному оленю.

Ну почему я такой нерешительный?.. Такой рохля?.. Ничтожный червь?.. Надо было не ждать появления «двух О» – а вступить за Малику, как только проклятый метросексуал начал перегибать палку. Подойти пружинящими шагами, выпятить грудь и – тоном Ильи Муромца – огорошить забияку: «Эй!.. Уважаемый!.. Вы чего прицепились к девушке, как репей?!..». Метросексуал в модном плаще – ретировался бы. А я – на правах рыцаря-защитника – стрельнул бы у Малики номерок телефона.

Но нет!.. В силу собственного малодушия я упустил шанс познакомиться с нежной тюрчанкой – настоящим цветком. Господи, да что со мной не так?.. В кого я такой слабак и растяпа?.. Я настолько погружен в поэзию и розовые мечты, что от реального мира получаю только звонкие щелбаны. Не удивительно, что все и всегда за меня решает бабушка: сам я не способен в жизни ничегошеньки добиться – да и вообще

плохо представляю, чего на самом деле хочу.

Девушка вроде Малики – не для такого жалкого слизня, как я. Малику завоюет «классный», немножко наглый парень в стильной куртке, у которого хорошо подвешен язык. Такой парень способен и в морду дать за свою подружку. С ним Малика будет чувствовать себя, как за надежной стеной.

Или мою красавицу увезет на роскошном лимузине богатый «папик». У олигарха нет рельефных мускулов «классного парня» – а только волосатая грудь и арбузное брюшко. Но золотая банковская карта придает «папику» – хотя бы и лысыму – гонору и самоуверенности. «Папик» будет в фешенебельных ресторанах кормить Малику стейками из акулы и лососевой икрой. Задаривать брендовыми шмотками, серебряными цепочками и золотыми колечками. Слетает с Маликой на неприлично дорогой курорт – куда-нибудь в Гоа или на Мальдивы, где зеленые метелочки пальм и белый песок.

«Расплачиваться» Малика будет – естественно – в постели. Я представил: в номере люкс пятизвездочного отеля – «папик», бросив на пол полосатые трусы, самоваром пытит на моей девочке, которую придавил необъятным животом. Зад денежного воротилы ходуном ходит. От такой картинки меня потянуло блевать.

Чтобы отвлечься – я достал из рюкзака и открыл наугад томик стихов Джами. Смахнув слезы – начал читать.

Лирический герой персидско-таджикского поэта – захлебываясь рыданиями, смотрел вслед луноликой тюрчанке, ко-

торая стрелю умчалась на лихом коне. Влюбленный безумец целует камни на той дороге, по которой пронеслась прекрасная пери. Караван надежд страдальца-дервиша – верблюды за верблюдом – уплывает в раскаленную пустыню...

Я читал – и мне казалось: волшебник Джами писал о нас с Маликой. Буквы у меня перед глазами начали размываться – потому что взгляд мой вновь заволокли слезы. Горло забил ком. Разве не умчал от меня Малику хрипящий – закусивший удила – скакун обстоятельств?..

Если бы «два О» не уволил Малику!.. Я бы каждый день заходил в «Закуски от дяди Вани», чтобы просто увидеть мою сказочную красавицу. И в этом черпал бы горькую радость. Но завтра Малика возьмет расчет. Она больше не появится в забегаловке. Пылающей кометой Малика блеснула на темном небе моей жизни – чтобы исчезнуть навсегда. А я – как слепой – остался в крошечной тьме. Потерянный, с опустошенным сердцем.

Всхлипывая, дрожащими руками я вынул свой заветный блокнот и принялся карябать строчки. Что-то про «черные омуты глаз», «губы, как вишни» и про «боль, разрывающую грудь».

И пусть завтра эти родившиеся у меня угловатые стишки мне разонравятся – так что я перечеркну негодные строфы жирным крестом. Все равно. Сейчас кривоватые вирши давали выплеснуться клокочущим во мне чувствам: тоске, отчаянию и жажде любви.

Я тер глаза, слизывал с уголков губ соленые слезы. И шептал:

– Малика. Малика. Малика.

3.Снежана

Поболит и пройдет?..

Я думал так первые две-три недели. Но тупая ржавая игла только глубже всаживалась в сердце. И не было пинцета, чтобы ее вытянуть. Рачьей клешней меня схватила и не отпускала мучительная тоска. Я понял: после того, как я увидел Малику – моя жизнь не будет прежней.

Я был неприкаянным демоном, скитающимся между мирами. И меня задел крылом ангел в короне огненных лучей. С тех пор – опаленный – я не могу смириться со своей участью отверженной тени. Предпринимаю бесплодные попытки вырваться из паутины душной мглы – к воздуху и яркому солнцу.

Несколько раз я ездил в «Закуски от дяди Вани». Мною двигала надежда: «два О» только погрозил Малике, но увольнять не стал. Клянусь: мое сердце было до того наэлектризовано, что я – как рыцарь перед прекрасной дамой – встал бы перед Маликой на колени и признался бы в любви.

Трудно сказать, как бы отреагировала Малика. Просто посмеялась бы надо мной?.. Или бурные излияния малознакомого парня: «Я люблю!.. Я люблю тебя!..» – напугали бы де-

вушку?.. Я не мог это проверить: как в знаменитом стихотворении Хафиза – идол навсегда скрылся.

Без Малики все утратило смысл. Я и раньше-то с трудом высиживал нудные лекции в университете. А теперь от блестящих гладких лысин профессоров меня просто-напросто воротило. А когда я – преодолевая брезгливость – открывал толстенный талмуд-учебник, мне казалось: черные буквы на белой бумаге – это зубы оскалившейся щуки.

«Товарищи» по учебе – с нюхом шакалов – без ошибки учуяли произошедшую во мне перемену. Выпадающие мне на долю насмешки стали более многочисленными и колючими. Меня будто преследовала и жалила стая шершней. «Трубадур!..» – «Призрак отца Гамлета!..» – «Арап Петра Великого!..» – «Недоделанный Д'Артаньян!..».

Хорошо, что одноклассники не знали ни о моем увлечении восточной поэзией, ни о том, что я и сам упражняюсь в стихосложении. Иначе я давно удостоился бы прозвища «азиатского рифмолета», «раскосого куплетиста», «университетского акына» – или что еще за язвительные прозвища способна изобрести зараженная расизмом и национализмом расейская молодежь.

Еда стала для меня безвкусной, как туалетная бумага. Какие румяные пироги ни готовила бабушка – я с трудом мог заставить себя проглотить несколько кусочков. Бабушка удрученно качала головой на длинной сухой черепашьей шее:

– Уж не заболел ли ты, внучок?..

Что я мог ответить?.. Что у меня болит не тело – но душа?..

Я каждую ночь видел Малику во сне. Я обвивал руками тоненькую талию милой, целовал алые лепестки губ. Красавица лианой изгибалась в моих объятиях. Обнажала передо мною наливные яблочки груди. А я играл с потоком распущенных черных волос прелестной тюрчанки.

Но я открывал глаза – и снова оказывался один под потолком своей комнаты, в мятой постели, на скрипучей кровати. Прекрасные видения улетали – как стая вспугнутых птиц. Я – в одних трусах – подходил к зеркалу. И долго смотрел на своего двойника. На парня с чуть взлохмаченной шевелюрой, опухшими глазами и выпирающими ребрами. Он часто моргал и нервно покусывал нижнюю губу. Мы адресовали друг другу невеселый вопрос на двести тысяч червонцев: «В кого ты такой никчемный страдалец?..».

Ответа – увы!.. – не было. Мне оставалось только вздохнуть и топать в ванну умывать лицо. А на кухне меня ждала кастрюля с бабушкиными пирожками – которыми я мог позавтракать, прежде чем ехать в университет.

Я пытался одолеть свою тоску. Средства для этого были привычные. Чтение восточных классиков. Попытки самому писать стихи. Алкоголь.

После лекций я спешил – с баночкой пива, «вертолета» или «отвертки» – на берег реки. Палые листья шуршали под

вздохами ветра. Я пьянел от коктейля и от страстных звонких газелей Навои.

Убитый разлукой лирический герой тушил гудящее в сердце пламя красным искристым вином. Темной ночью напрасно ждал возлюбленную, в насмешку обещавшую свидание.

Впитывая чарующие строки, я думал: чем я не безумец Меджнун?.. Малика сразила меня одним взмахом ресниц – как Лейли несчастного Кайса. Измученный влюбленный – я тоже достоин быть увековеченным в стихотворениях и поэмах.

Но нет!.. Я все-таки отличаюсь – и это мягко сказано!.. – от Меджнуна и Фархада. Один из них слагал волшебные песни, которые подхватывала вся Аравия. А второй был великим богатырем и тружеником – прорубавшим в скалах русла каналов и воздвигавшим дворцы. Страсть легендарных влюбленных была возвышенной и красивой. Моя же – просто смешной.

Сидя под ветвистым деревом, на расстеленной по траве куртке, с блокнотом и ручкой – я пытался и сам сочинять стихи. Рождались отдельные строчки. Что-то вроде:

Твои волнистые косы – как ночь глухая черны...

Я усиленно подражал Низами, Рудаки и Саади – писал про розу и соловья. Про лицо возлюбленной, подобное луне и

про губы-рубины. Про мотылька, летящего на огонь свечи.

Если б я верил в буддийские перерождения, я бы решил: в прошлой жизни я был кем-то из когорты средневековых восточных поэтов. Я смутно припоминаю свое бывшее существование и усиленно пытаюсь слагать газели, рубаи и тарджибанды. Но то, что получалось у меня на тюркском или фарси – не удастся мне на великом и могучем русском языке.

Впрочем, реинкарнация тут не причем. Я просто бесталанный графоман.

Так или иначе – я думал о Малике образами восточной поэзии. Все эти «косы, черные, как ночь», «родинки – зерна для птицы сердца» затмевали реальную Малику, о которой я – на самом деле – мало что знал. Тоска по красивой продавщице из бистро перерастала в тоску вообще по девушке, по женской ласке. Во мне пробудился половой инстинкт – который может быть очень могучей силой. Мне хотелось кричать, как мартовскому коту. Тебя не освежает сон, и еда становится поперек горла – пока ты не утолишь пробудившееся желание.

Сгорающий, как на медленном огне – я смотрел в интернете фото обнаженных красоток. А проходя по улице – оборачивался на каждую стройную длинноволосую девушку. Все более или менее симпатичные барышни казались мне похожими на Малику. Признаюсь без стыда: притянувших мой взгляд юных дам я представлял себе голыми или в одних только кружевных чулках. Разгоряченное воображение

рисовало мне: очередная краля сладко стонет подо мной на широкой кровати, проваливаясь в белоснежную перину.

Много девушек было на факультете, который в пору было назвать цветником. Казалось бы: что естественнее, чем завести отношения двум студентам – парню и девушке?.. Но мои сокурсницы были заносчивыми и спесивыми, как индюшки. А я – слишком неуверенным в себе и трусоватым, чтобы попробовать подступить к той или другой прелестнице.

Приветливой со мной была только пушистый лисенок Снежана. Сами боги подталкивали меня обратить на нее пристальное внимание. Правду сказать: Снежана была не то что б в моем вкусе. Как вы уже поняли: мне нравились смуглые брюнетки с жарким блеском в агатовых глазах. Но, видимо, я полуосознанно следовал афоризму: «На безрыбье – и рак рыба».

Снежана была все-таки недурна собой. У нее были длинные ресницы, ясные глаза и по-детски пухлые губки. А цвет волос напоминал пламя. Неудачливый стихоплет, я сказал бы поэтическим языком: «Ты рыжая, как эта осень!..». Но не только с художественными сравнениями – я и с каким-нибудь приземленным вопросом («А когда у нас коллоквиум с профессором Дыниным?») не отваживался к Снежане «подкатить». Лишь смотрел робко, как она – стоя во время перемены на замусоренном дворе факультета – курит легкую сигаретку с ароматом манго.

Но нас – что называется – связала сама судьба. Однажды

после занятий Снежана подошла ко мне и попросила:

– Я тут пропустила пару лекций. Дашь конспекты по уголовному праву переписать?..

– Д-да... Кон-нечно... – с небольшим заиканием ответил я, чувствуя, что краснею до ушей.

Из всех студентов нашей группы у меня были самые аккуратные конспекты.

Через два дня – возвращая мне тетрадь – Снежана вдруг спросила:

– Слушай. А какой твой любимый фильм?..

На сколько-то секунд затормозив – так как не ожидал вопроса – я ответил:

– «Эхнатон и Нефертити».

Я не особо фанат кинематографа (как это ни странно для молодого городского парня). И не сказать, что фильм «Эхнатон и Нефертити» мне до мозга костей нравился. Но не так давно я посмотрел эту драму из древнеегипетской жизни, изобилующую эротическими сценами и великолепными пейзажами нильских берегов – и лента показалась мне неплохой.

– Класс!.. – Снежана игриво щелкнула пальцами. – Тоже люблю этот фильм. Да и вообще обожаю историко-приключенческое кино. Ты смотрел «Мечь Асархаддона»?.. Потрясная вещь!..

– Смотрел, – сказал я. – Мне понравилось...

Мы глянули друг на друга, как заговорщики – и тихонько

рассмеялись.

«Месть Асархаддона» – это была неизвестная широким зрительским массам историческая диалогия о завоевании ассирийцами Египта. В фильме были не только картины баталий – но и сильные характеры, и сложные чувства. Подняты непростые моральные вопросы. Если я что-то и смотрел – то что-нибудь в таком роде.

Мы не заметили, как увлеклись беседой. С исторических лент переключились на фильмы вообще. С фильмов – на книги. Снежана поразила меня. Она интересовалась эпосом разных народов, зачитывалась японскими сказаниями о лисах-оборотнях, прекрасно разбиралась в греческой мифологии. Признаться: не ждешь такого от девятнадцатилетней барышни с синими накладными ногтями, которая красит губы в вишневый цвет и балуется фруктовыми сигаретками.

Я думал уже поделиться со Снежаной, что я страстный любитель персидско-таджикской и тюркской средневековой поэзии – но сдержался. Вместо этого поддержал разговор об Эсхиле и Софокле. Два студента-«юрика» (юриста), обсуждающие античную трагедию!.. Ситуация, достойная пера романиста.

«Снежана – тепленький пирожок. Надо брать», – стукнуло у меня в голове. До конца перемены оставалась пара минут.

– Снежана... – начал я, пряча дрожащие руки в карманы. Сердце так и долбило в грудную клетку. – В театре на Тополиной улице ставят «Антигону»... Может... может сходим?..

Как кстати я вспомнил рекламный щит, на котором пестрело извещение о премьере!..

Выдавлив свое «может сходим?» – я язык прикусил от собственной дерзости. Сердце застучало еще сильнее. Казалось: оно расколется. Если б мне надо было сейчас поднять с асфальта монетку – я не смог бы этого сделать. Настолько тряслись у меня пальцы.

Я великолепно изучил пери-тюрчанку из стихов Низами и Джами. Но живую девушку звал на свидание впервые. Я боялся, что Снежана посмеется мне в глаза: «Ты хочешь замутить со мной – да?.. Ты?.. Такой рохля?..».

Но Снежана улыбнулась и легко согласилась:
– А давай. Сходим.

Я аж ушам своим не поверил. Так просто я одержал на пути к завоеванию сердца Снежаны первую победу.

Через интернет я приобрел билеты. (Пригодились деньги, которыми по праздникам так щедро одаривала меня бабушка). И в воскресенье мы со Снежаной отправились в театр. Слов нет передать, до чего я смущался и волновался. Я чувствовал, что краснею до корней волос. Ну еще бы!.. Впервые я вел куда-то девушку.

Настоящую девушку!.. Да – совсем не похожую на сказочную тюрчанку из газелей Хафиза. Но, жизнь, видимо – не поэзия и даже не романтическая проза. Известно: лучше синица в руке...

Снежана – по крайней мере – приятная и симпатичная ба-

рышня. Не то что б парни увивались за Снежаной табунами. Но и остаться без молодого человека ей не грозило. А она обратила внимание на меня... Череп мне изнутри буравил вопрос: на каком по счету свидании мы впервые поцелуемся?..

Должны же мы дойти до поцелуя?.. Правильно?.. А потом... потом и до чего-то большего?.. Такой уж я был нетерпеливый парень: мысленно гнал коня событий.

Занятый своими переживаниями – я не очень внимательно следил за происходящим на сцене. Иногда пыхтел и фыркал. Хорошо, что зрительские ряды были погружены в темноту. Иначе Снежана увидела бы: я – то бледнею, то заливаюсь свекольной краской.

Снежана – в отличие от меня – не отрывала взгляда от перемещающихся в ярких лучах прожектора актеров и вслушивалась в торжественный белый стих.

После спектакля – когда мы вышли на улицу под серые курчавые облака – я, робея, как прыщавый мальчишка, предложил:

– Снежана... Хочешь – зайдем в ка... в кафе?.. Посидим...

– Хорошо, – приподняв бровь, согласилась Снежана.

(А чертик, сидящий у меня на левом плече издевательски пропищал мне в ухо: «Хозяин. А, хозяин. Как думаешь: эта твоя дамочка догадывается, что и театр, и кафе – лишь этапы, которые надо пройти, чтобы ее раздеть?.. Интересно –

правда?..).

Я заказал нам морс в больших стаканах, салат «цезарь», круассаны и пончики. Кафешка была на два ранга повыше, чем те бистро, куда я обычно заглядывал заморить червячка. Из расписных вазонов торчали метелочки пальм, под потолком серебрились какие-то здоровенные декоративные шары. Лилась расслабляющая музыка.

Зажав между двумя пальцами тоненькую сигарету – Снежана задумчиво глядела в большое окно, по внешней стороне которого сползали головастиками капли несильного дождя.

– Ну как... – запинаясь, спросил я. – ...Тебе понравилась постановка?..

Снежана пожала плечами:

– Актер, исполнявший роль царя Креонта, хорошо играл. А вот актриса, изображавшая Антигону – не совсем справилась...

Повисло неловкое молчание. Чтобы как-то поддержать разговор – я поинтересовался насчет семинара у доцента Летунова и насчет лекций по семейному праву. Снежана отвечала лениво – как бы нехотя. Снова возникали паузы – которые я не знал, чем заполнить.

Морс был выпит, салат и круассаны съедены. Покинув кафешку – мы двинулись в сторону метро. Капал мелкий дождик. Я раскрыл над Снежаной зонт – который так удачно захватил с собой.

В метро нам надо было ехать в разные стороны. Посадив Снежану в электропоезд – я несколько минут торчал соляным столбом на платформе. В голове гудел пчелиный улей.

Вот и закончилось первое в моей жизни свидание. (Да – я настолько растяпа и лузер, что в старших классах у меня не было подружки). Как-то все прошло... не знаю... не так. Конечно – не следовало ожидать, что мы будем взасос целоваться в заднем зрительском ряду. Есть негласное правило, которому следуют порядочные дамы: не отдаваться кавалеру раньше, чем на двенадцатом свидании. Поцелуи не возбраняются – по-видимому – с шестого или седьмого свидания.

Все так. Но между мной и Снежаной не вспыхнула та самая искорка. И сейчас – стоя на платформе – я чувствовал облегчение (как все-таки вкативший камень на гору Сизиф) оттого, что Снежана уехала.

«А с Маликой было бы не так», – посмеялся надо мной внутренний голос.

Да. С Маликой было бы – наверное – по-другому. Она была для меня гурией – за родинку которой, по выражению Хафиза, не жалко отдать Бухару и Самарканд. Пригласи я в кафе Малику – я трепетал бы, как мотылек. Ловил бы каждый взмах ее ресниц. Счастливый уже от самого присутствия красавицы – любовался и любовался бы своим нежным цветком. А со Снежаной я только ерзал на стуле и боялся показаться дураком.

Быть может: сладко грезить о волшебной розе, на три чет-

верти созданной моим пылким воображением – было для меня проще, чем общаться с реальной девушкой.

Со дня похода в театр на «Антигону» – у нас со Снежаной установились странные отношения. Как ни неопытен я был в «делах сердечных» – а понимал: это не отношения парня и девушки.

Каждый раз, когда я встречал покуривающую на заму-соренном дворике университетского корпуса Снежану – та улыбалась мне. Вроде бы – по-особенному тепло. Мы – как аристократы – обменивались вежливыми репликами:

– Как спалось?..

– Да как-то не хватает сна. Ненавижу, когда лекции начинаются в восемь тридцать...

– Я тоже... терпеть не могу... Я в интернете на кинематограф.ком читал, что скоро на экраны выходит драма про вторжение Александра Македонского в Индию. Сходим в кинотеатр посмотреть?..

– Было бы здорово... Нам пора: лекция через две минуты.

Иногда нам случалось поговорить об античной или о мировой литературе. Снежана изумляла меня. Она – как свои пять пальцев – знала греческих героев: Персея, Тесея, Геракла... Так что я чуть дрожал от страха опозориться – перепутать Клио с Медузой Горгоной. Еще Снежана прекрасно разбиралась в творчестве западноевропейских писателей – от Мопассана до Голдинга. Тут я был полным профаном. И только слушал – открыв рот и хлопая глазами.

Я мог бы тоже блеснуть – заговорив о писателях турецких и иранских. Но я удерживался от этого. Повторю: в нашем отравленном ксенофобией обществе не привечали все восточное. Даже в киосках быстрого питания продавали исконно славянские кулебяки – а не беляши, как когда-то. Вдобавок, мое увлечение стихами Навои, Физули и других – казалось мне чем-то интимным. Это был прекрасный мирок – оазис нежности и любви среди пустыни жестокости и делового расчета. Мирок, куда я не хотел пускать посторонних...

Да – не настолько меня тянуло к Снежане, чтобы я приоткрыл перед ней душу.

Мы ходили еще на четыре свидания. Я сводил Снежану в кино – на тот фильм о войне Александра с индийским раджей Пором. Побывали в театре: на «Медее» Еврипида и на водевиле современного раскрученного драматурга. Разок просто посидели в кафешке.

Я думал: пока мы полулежим на мягких диванчиках за квадратным столиком, пьем душистый зеленый чай и налегаем на крабовый салат и хрустящие булочки – мы разговоримся. Получше узнаем друг друга. Между нами установится тесная связь.

Но на деле все получилось совсем не так. Слова приходилось тянуть, как тонкие – то и дело рвущиеся – нити.

– Какой твой любимый цвет?.. Зеленый?.. А у меня – голубой. Тебе в детстве нравилось какое-нибудь животное?.. Бурундук?.. Оригинально!.. А мне тигр и – ты будешь сме-

яться – баран. Как тебе «Медея»?.. Да, по-моему, тоже ничего...

После каждой встречи со Снежаной – вернувшись домой – я, как верующий Библию, открывал томик Низами или Джами. И читал, вздохнул читал стихи о прекрасной тюрчанке – представляя личико Малики.

К развитию отношений со Снежаной я относился как к своего рода долгу. Так я был воспитан, что верил: жить – это отдавать долги. Ты обязан выучиться в университете, устроиться на работу, жениться на девушке своего круга.

Я видел, как на экране: мы со Снежаной обвенчаемся в старинной церкви при большом скоплении гостей. И заживем, как порядочная семья из не самой нижней прослойки среднего класса. Я буду трудиться (просиживать штаны) в какой-нибудь юридической консультации. Возможно, получу права на вождение – буду ездить на работу на взятом в кредит авто.

Снежана тоже будет работать – пока не забеременеет. Мы произведем на свет парочку глазастых спиногрызов. Дальше – стирка пеленок, приучение деток к горшку. А там и тревоги, когда чада первого сентября энного года пойдут – с цветами и пузатыми ранцами – в первый класс.

Жизнь – как сериал с заранее известным сюжетом.

А Малика?.. Она растаявший мираж. Кубок сладкого вина, который ты едва пригубил. Как я говорил: лучше синица в руке... Но мечтаешь-то даже не о журавле, а о жар-птице!..

Пусть мы со Снежаной наплодим деток. И пусть потом у нас будут пухлые щекастые внуки. Все равно – даже скрюченным дедом с дряблой кожей, у которого торчат из ушей и ноздрей седые волоски – я буду помнить Малику. Мне не надо носить на груди узорный мешочек, куда зашита мягкая черная прядь моей тюрчанки. Я сохраню образ милой в своем сердце. Может и хорошо, что мы с Маликой никогда не увидимся. Она останется в моей памяти вечно юной – подобной опрысканной росой алой розе.

В сто тридцать шестой раз перечитывая Рудаки, Низами или Джами, я – дряхлый старик – снова почувствую себя пылким молодым Медждуном. И мне покажется, что восточные классики писали о Малике.

Мне по-прежнему снились яркие эротические сны. В двух снах из десяти я срывал лифчик со Снежаны. А в остальных восьми – предавался дикой огненной страсти с Маликой. Мое мужское естество бунтовало. Требовало утolenия. Очнувшись после таких сновидений – я чуть не плакал. Почему, почему жизнь не сказка?.. Почему я не могу быть с девушкой, чьи блестящие агатовые глаза и родинка у нежных губ меня околдовали?..

Иногда мне хотелось стать грубым косматым неандертальцем с крепкими ручищами. За волосы схватить Малику – одетую в символическую юбку из пальмовых листьев – и уволочь в пещеру.

Но – увы!.. Я не был троглодитом. Я и Малика – не сво-

бодные дети природы, а два атома постиндустриального общества. Мы опутаны – как сетями – тысячами условностей, на которых держится лицемерная цивилизация.

Оставалось встать с постели, сунуть ноги в шлепанцы и топтать в ванную. Умыть лицо и почистить зубы. Потом подкрепиться на кухне разогретыми в микроволновке вчерашними бабушкиными пирожками. Влезть в брюки, свитер и ботинки. Накинуть куртку и ехать в университет, бормоча под нос мантру: «Учеба – твоя работа».

В университете – Снежана. Я немножечко цинично скажу: в моих глазах она не стоила одного ноготка Малики. Но зато Снежана была здесь, реальная. Тогда как Малика – которую мое воображение наделило всеми мыслимыми достоинствами – пропадала неизвестно где. Я и Снежана – оба были студенты из зажиточных семей. И, несмотря на всю непонятность наших отношений – вроде бы нравились друг другу. Я надеялся: взаимная симпатия со Снежаной будет лекарством от заставляющего бурлить кровь чувства к Малике.

Но со Снежаной надо было объясниться.

Мы уже пять раз ходили на свидания. А сколько говорили о греко-римской мифологии и литературе!.. По-моему, этого было достаточно, чтобы перейти к поцелуям. Слиянием губ скрепить наш союз. Чтобы мы не уподобились парню и девушке из бородатого анекдота. Лет пятнадцать они ходили вместе. А когда девушка – наконец – сказала: «Не пора ли нам пожениться?» – парень сокрушенно ответил: «Ну ты

сама подумай. Кто нас возьмет?».

Как-то после лекций я – проявив не свойственную мне решимость – зазвал Снежану на аллею, пролежавшую недалеко от университетского корпуса.

Был уже ноябрь. Черные деревья – сбросившие листву – стояли, присыпанные белым снегом. Лавочки были мокрые – не присядешь. Так что мы медленно прогуливались – как философы-перипатетики из любимой Снежаной античности. Снежана зажала между пальцами тоненькую сигаретку. Рассеяно скользила взглядом по сторонам. Рыжие – как пламя – волосы девушки ярким пятном выделялись на фоне унылого пейзажа.

– Ты хотел о чем-то поговорить?.. – прервала Снежана затянувшееся молчание.

– Снежана... – начал было я и дважды нервно сглотнул. Куда девалась моя с таким трудом накопленная смелость?.. Язык заплетался. Я дрожал, как маленький олененок – уловивший запах гиены или волка.

– Снежана... Как ты думаешь?.. Может быть, мы будем встречаться?..

Снежана обворожительно улыбнулась:

– Встречаться?.. Мы видимся в институте каждый день.

Снежана кокетничала?.. Зачем она делала вид, что не понимает, какой глубокий смысл вложен в простое слово «встречаться»?..

– Ты не поняла... – едва на заикаясь, пустился я объяс-

нять очевидное. В горле стало сухо, как в занесенном песком колодце. – Я имею в виду: не вступить ли нам в отношения?..

– От-но-ше-ни-я?.. – по слогам произнесла Снежана, подняв правую бровь.

– Отношения, – подтвердил я, чувствуя, как трясутся поджилки. Отступить было поздно. – Да. Отношения. Как парень и девушка...

– Иными словами, – спросила Снежана, – ты предлагаешь мне спать вместе?..

От стыда я чуть не провалился сквозь асфальт. Вопрос был задан в лоб. Вспыхнув, как спичка – я прямодушно ответил:

– Да...

Что-то похожее на огоньки на секунду зажглось в глазах Снежаны:

– А когда закончим университет – сыграем свадьбу?.. Так?..

– Да. Я...

Брови Снежаны взлетели и опустились, как крылья мотылька. Она запрокинула голову и звонко рассмеялась. Я как-то сразу учуял: это недобрый смех.

– Мы?.. С тобой?.. Встретаться?.. Вместе спать?..

Снежана смеялась. А я стоял, закусив губу. Будь передо мною зеркало – я бы увидел, что стал краснее помидора.

– Ты хороший парень, – отсмеявшись, сказала Снежана. – Но...

Она щелкнула зажигалкой. Подпалила кончик сигареты и затянулась.

– Что «но»?.. – хрипло спросил я.

Странно: я испытывал горькое удовольствие оттого, что Снежана меня отвергла.

– Ты хороший парень, – повторила Снежана. – Приятный собеседник. Правда. Так здорово обсуждать с тобой греческую драму... Но (я как есть скажу. Без обид – ага?) я не представляю нас с тобой в постели. Извини, но ты растяпа и рохля. Что за будущее меня с тобой ждет?.. Ты станешь клерком в какой-нибудь средней руки конторе – большее ты не потянешь. Твоей зарплаты не хватит на все мои хотелки. Туфли. Шмотки. Рестораны. Ты не знал – но все это стоит денег... Девушки ценят в парнях перспективность, дружок. Пер-спе-кти-вность. Я хочу, чтобы мой любимый баловал и защищал меня. И чтобы впоследствии смог содержать меня и моих детей. А ты... ты ведь неприспособлен к жизни!..

Помолчав, Снежана обронила:

– Мне пора домой.

И – выдохнув голубоватый ароматный дымок – зашагала прочь по аллее.

Я половицей каменной бабой застыл под корявым – раскинувшим руки-ветви – деревом. По губам моим змеилась ядовитая улыбка. Я шурил глаза.

Меня точно поразила молния. Грудь разрывали противоречивые чувства.

Как?!.. Снежана отказала мне?!.. Что воображает о себе эта расфуфыренная девица – которую я и красивой-то не считаю?!.. Я – видите ли – для нее недостаточно пер-спе-кти-вный!..

Да уж, как часто под овечьей шкурой таится подленький шакал!.. Похоже, для Снежаны высокие страсти – изображенные в трагедиях Эсхила и Софокла – хороши лишь чтобы развлечься в выходные. А по будням она дамочка «себе на уме» – ловкая и знающая, чего хочет от жизни.

Пожалуй, мне стоит поблагодарить Снежану. За откровенность. Не каждая барышня как на духу выложит, по какой причине оставляет тебя с носом.

Я стоял под деревом – спрятав озябшие трясущиеся руки в карманы – и ухмылялся. Едко ухмылялся. А по щекам моим стекали непрошенные слезы.

И еще я думал вот о чем. Я сказал Снежане, что хочу «встречаться», «вступить в отношения» – чтобы мы были «парень с девушкой». А если бы вместо этого я произнес бы краткое: «Я тебя люблю»?..

Но нет. Я не умею врать. И я не люблю Снежану. Сказать: «Я тебя люблю» – я мог бы только Малике.

4. Я изменю свою жизнь

Я не думал, что отказ Снежаны переломит меня, как сухую тростинку.

Странное (или вовсе не странное?) дело: получив от Снежаны «от ворот поворот» – я сильнее затосковал по Малике. Горел, как в костре. Простите мне грубое сравнение: голодный, у которого отняли миску пресной каши – только сильнее мечтает о жирном мясе с картошкой, колечками лука и мелко порубленным укропом.

Сравнение, впрочем, действительно никуда не годное – потому что аппетит у меня отшибло начисто. Даже вкуснейшие бабушкины пирожки с грибами я запихивал в рот через силу. Для сердобольной бабушки это было тревожным сигналом.

– Что-то с тобой не то, внучок. Плохо кушаешь. Да и бледный какой-то. Точь-в-точь простыня.

Что я мог ответить?.. Да, со мной и правда было «что-то не то». Но не рассказывать же бабушке, что за отчаянные мысли бродили у меня в голове.

По ночам мне снилась Малика. Как мы – отбросив мещанский стыд – предаемся сладостным утехам. Но чем волшебнее и восхитительнее были сны – тем поганее были пробуждения. Будто похмелье после веселого пира с распитием рубинового и золотистого вина. Открыв глаза – я снова переносился в серенький мир, где был лузером, неудачником, навозным жуком. Где у меня не хватило смелости стрельнуть телефонный номерок у красавицы-тюрчанки. И где меня отшила не столь красивая девушка с волосами цвета лисьего меха.

Я лежал – натянув одеяло по самый подбородок. Вспомнил соблазнительные эротические картины из своих снов. И спрашивал себя: «Почему?.. Почему у меня этого нет?..».

В моем сердце точно булькала горячая похлебка. Тело – по которому волнами пробежала дрожь – было как бы наэлектризовано. Я грезил о Малике. Или о девушке, похожей на нее. Иногда днем, когда я был занят привычными делами – просиживал ли штаны на лекции, листал ли (в безнадежных попытках сосредоточиться) толстый фолиант со сводами законов – с губ моих вдруг слетало:

– Малика!..

На меня оборачивались и смотрели как на тронутого.

А во мне бушевал – властно требуя удовлетворения – могучий половой инстинкт. Казалось: индийский бог любви Мадана поразил меня сразу десятком своих цветочных стрел. Я был молодой мужчина – и я хотел Женщину. Я мечтал целовать ее влажные губы-лепестки. Стискивать ее в жарких объятиях. Щупать и мять ее груди...

Но эти пламенные мечты были как запертые в клетку голуби – тщетно бьющиеся о решетку. А то и вовсе бескрылые – издающие тоскливое курлыкание. Дикий огонь пожирал меня изнутри.

Способы как-то унять мучительное томление были у меня прежние: стихи и алкоголь.

Я запоем читал и перечитывал Саади, Джами, Навои. Звонкие газели о всепоглощающей страстной любви удара-

ми молота отдавались у меня в голове. Я пил, пил глазами строчки. А время от времени – подняв взгляд от страницы – мысленно проговаривал стих, который давно знал наизусть.

Я читал своих любимых поэтов даже на занятиях в университете – пряча на скучных лекциях книгу под стол.

Бывало – идя из университета к метро или закрывшись у себя в комнате (чтобы, якобы, уткнуться в учебники), я начинал бормотать волшебные двустишия Алишера Навои или Хафиза Ширази. О мотыльке, влюбленном в горящую свечу. О соловье, поющем над розой. О несчастном дервише, который пирует в майхане (питейном доме) в надежде утопить в вине тоску по красавице.

У меня точно помутился рассудок. Я всерьез боялся: когда на семинаре преподаватель задаст мне вопрос про уголовно наказуемые деяния или когда бабушка за ужином спросит: «А как у тебя обстоят дела в университете?» – я, вместо ответа, выдам что-нибудь вроде: «Пери, ты похитила мое сердце!» – «О, луноликая!.. Я хотел бы быть псом твоих рабов и рабом твоих псов!..» – «Твои губы краснее рубина и слаще меда и сахара».

Гениальные строки восточных поэтов я разбавлял собственными кривыми строчками. Вроде бы, я использовал те же образы: роза, луна, каменотес Фархад, глаза-нарциссы. И все равно Низами был богом, а я – от силы – младшим бесом, в обязанности которого входит подкладывать дрова в огонь под котел с варящимися грешниками.

Я записал в блокнот несколько газелей и дюжину четверостиший. Еще больше было набросков – которые я закалял, перечеркнул. Не было дня, чтобы меня не подбивало спустить блокнот в унитаз и признать наконец: я обделен литературным талантом. Запредельная тоска схватывала меня рачьей клешней.

Тем усерднее я заливал глаза пивом и коктейлями. Похолодало. Я уже не сидел на куртке, расстеленной по жухлой траве. А ходил вдоль реки – присосавшись к бутылке или баночке.

Пока я ехал домой – прицепившийся ко мне запах алкоголя рассеивался. Так что бабушка и близко не догадывалась, что ее милый внучок тратит карманные деньги на горячительные напитки.

Я ел меньше, чем воробей – а алкоголь лакал, как пантера кровь. Походка моя стала нетвердой, а взгляд – бегающим. Меня шатало на ветру – как узника Бухенвальда. Будто я полгода питался хлебом из опилок и пил гадкую вонючую воду. Я стал тормозным и рассеянным. Когда ко мне обращались – я сначала не слышал, а потом поднимал голову и переспрашивал: «А?».

Я перестал следить за собой. Забывал чистить зубы. Ходил с копной непричесанных волос – как троглодит. Воротнички моих рубашек были помяты.

Бабушка не могла не заметить, в каком я состоянии. За кухонным столом, подперев руками подбородок, она присталь-

но глядела на меня – пытающегося перемолоть хотя бы один пирожок – и вздыхала:

– Что-то неладное с тобой творится, внучок.

Бабушка была человеком дела. Не зря она так высоко вскарабкалась по карьерной лестнице. Пробивная, напористая, с зорким глазом – бабушка следовала простой логике: есть проблема – найди решение.

Проблемой было мое апатично-меланхоличное состояние.

Однажды в воскресенье – когда, сидя с ногами на кровати, я читал Абдурахмана Джамии – бабушка без стука вошла в комнату. Распорядилась:

– Собирайся. Возьми трусы, носки, зарядку для телефона. Полотенце не забудь. Ты едешь в санаторий.

Я ошалело заморгал глазами. Но я привык слушаться бабушку – так что без разговоров начал складывать вещи в пакет. Помимо тапочек, коробочки ушных палочек и прочего барахла – я захватил книжку «Фархад и Ширин» Алишера Навои.

Бабушка снизошла до объяснений только когда мы колесили в такси. За стеклом проплывали улицы с громадинами многоквартирных домов и рекламными щитами. Флегматичный водитель в кепке – вертел баранку.

Бабушка сказала: мол, золотой мой – мне в последнее время не нравится, как ты выглядишь. Таешь, будто снеговик в третью неделю марта. Я решила устроить тебя на полмесяца

в санаторий «Голубой дельфин».

– Директор санатория – мой давний приятель, – добавила бабушка. – О тебе будут печься, как о принце. Здоровое питание, тишина, заботливый персонал – все это должно благотворно на тебя повлиять. Будешь крепче спать, наберешь килограммов шесть (а то сейчас ты прямо глиста в скафандре!). И к зимней сессии в университете будешь – я надеюсь – как огурчик...

Я слушал молча. Меня удручало, что для бабушки я – плюшевый зайка. Захотела – отправила меня учиться на юриста. Захотела – повезла в санаторий. Мне девятнадцать лет. Возраст, когда надо бросать к ногам прекрасных сверстниц охапки роз и совершать подвиги. У меня уже растут волосы на подбородке и над верхней губой. А я?.. Я не имею собственной воли. Вот уж действительно: неприспособленный к жизни внук своей бабушки!..

С другой стороны – я был доволен, что пятнадцать дней проведу в санатории. Я не прочь был отдохнуть от института – где сокурсники кололи меня насмешками. И где мне приходилось видеть Снежану – как ни в чем не бывало курившую свои сигаретки со вкусом ананаса или манго и даже улыбающуюся мне. Буду валяться на кровати, читать Навои и писать стихи.

В «Голубом дельфине» нас принял сам директор – веселый и с круглым пузом. Долго обнимался и любезничал с бабушкой:

– Сколько лет, сколько зим, моя дорогая!.. Как работа?.. Как сама?.. Не болеешь?..

– Привезла внучка тебе на попечение, – сказала бабушка.

Директор – наконец – переключился на меня:

– Ну-с, молодой джентльмен...

Директор подробно расспросил меня о том, как мне спится, о настроение и об аппетите. Я – без тени бодрости – что-то отвечал. У меня было ощущение, что своими вопросами директор раздевает меня догола. Особенный дискомфорт я испытывал из-за того, что при этом допросе присутствовала бабушка.

Лысый директор похлопал меня по плечу:

– Хороший ты парень!..

Улыбнулся моей бабушке:

– Ни о чем не беспокойся, родная. Будет у нас твой хлопец, как олень на пастбище. Нагуляет жирок.

(Ох, не люблю я людей, которые пытаются казаться остроумными!..).

Поцеловав меня – бабушка уехала.

Сотрудница проводила меня в палату. Здесь меня ждала кровать с белоснежной постелью. На других четырех кроватях располагались дедки: кто – в лоскутной пижаме, кто – в подштанниках и водолазке. Один дедок разгадывал кроссворд, периодически скреб себе затылок и хмыкал. Другой – размешивал ложечкой то ли чай, то ли кофе, и время от времени издавал крякающие звуки.

Я переоделся в футболку с изображением тираннозавра и в спортивные штаны, лег на выделенную мне кровать и – подложив руку под голову – усталый взгляд в потолок...

...«Голубой дельфин» оказался не таким плохим местом. Двери палат выходили в просторный коридор с развешенными по стенам картинами: натюрморты, пейзажами и зарисовками из жизни зверей и птиц. Можно было посидеть на мягких софах и диванчиках. Розеток хватало, чтобы сразу человек пятнадцать заряжали свои гаджеты. На низеньком столике всегда стояли два чайника: один – с настоем шиповника, другой – с чем-то вроде компота. Подходи с кружкой – и наливай.

Коридор выводил в обширную рекреационную зону. Здесь был стол для бильярда с разноцветными шарами. На стеллаже – доска и фигуры для игры в шахматы и шашки, воланы и ракетки для бадминтона, карты, домино. Всегда работал телевизор. Передача про обитателей саванны – слонов и гепардов – сменялась популярным сериалом «Молодые мамы» или ток-шоу, на котором полоскали грязное белье звезд эстрады.

Нашлось место и для полки с книгами. Напрасно было надеяться раскопать в библиотеке санатория произведения дорогих моему сердцу восточных авторов. В нашей истинно православной республике, где правительство насаждает церковно-славянскую духовность – Низами, Навои и остальные почти не издаются. За книгами любимых поэтов мне прихо-

дилось охотиться – обегать букинистов.

Зато я обнаружил на полке два недурных приключенческих романа и «Русские народные страшилки». Так что у меня было что почитать и кроме «Фархада и Ширин».

Этаж просыпался в девять утра. По коридору проплывала дородная пожилая дама в синей униформе – работница санатория. И возвещала:

– Завтракать, ребятки!.. Завтракать.

Народ – в основном сухонькие старички да леди почтенного возраста – как вереница верблюдов тек в столовую.

На завтрак давали манную либо овсяную кашу. Бутерброд с маслом, сыром или докторской колбасой. Желтоватый чай на запивку.

После завтрака «старшее поколение» заваливалось досматривать сны или тянулось к телевизору. А более молодой контингент – включая меня – под присмотром сотрудницы (как детсадовцы под бдительным оком воспитательницы) шел на прогулку.

Эти прогулки на свежем морозном воздухе способны были вдохновить и такого плохого поэта, каким был я. Здание санатория стояло посреди большого ухоженного парка. Красноватые сосны эффектно смотрелись на фоне искрящегося под солнцем снега. Здесь и там были устроены кормушки для птиц. Тропинки – с которых каждое утро тщательно сгребали снег рабочие в комбинезонах – вились между сугробами.

Вернувшись с прогулки – я падал на кровать читать русские страшилки, поэму Навои или «рожать» собственные вирши. Либо топал развлекаться в рекреацию – где катал шары по зеленому сукну (играть в бильярд я не умел) или смотрел с дедками и бабками телеящик. Старики хорошо ко мне относились. Ласково звали «сынком».

На обед нам подавали: на первое – уху, щи, гороховый суп или борщ; на второе – картофельное пюре с котлетой, несоленый плов или макароны с фрикадельками. В качестве десерта – печенька или мандарин. И – наконец – завершалась трапеза кружкой сока либо компота.

После обеда «постояльцы» проваливались в сон; смачно храпели некоторые старички и мужички. Я – конечно – не спал. А в энный по счету раз перечитывал «Письмо Ширин к Фархаду», отчего у меня ходуном ходило сердце.

В тихий час меня проведывала моложавая приятная докторша. Она интересовалась моим самочувствием. Измеряла мне давление и пульс.

Раз в два-три дня ко мне заходил сам господин директор. (Кого-кого, а этого толстозадого типа мне совсем не хотелось видеть). Ламповый свет отражался в директорской лысине – которая казалась гладко отполированным зеркалом.

Директор покровительственно похлопывал меня по плечу:

– Ну что, олененок?.. Нагуливаешь жирок?..

Ко мне приезжала бабушка. Она привозила апельсины,

бананы и финики.

Докторша прописала мне массаж. Упитанная немолодая массажистка знала свое дело на пять с плюсом. Ее руки, гуляющие по моей спине, были как руки повара, месящего теста. Я закрывал глаза и только мурчал, как кот, от удовольствия.

Если выразиться метафорически: мой «отпуск» в «Голубом дельфине» тоже был массажем – моральным.

На сердце у меня и впрямь стало легче. Я даже перестал обижаться на Снежану, которая так жестоко меня отшила. В конце концов: не такой она аппетитный ломоть пирога, чтобы из-за нее переворачивать стол. Она вообще рыжая лисичка. А мне нравятся темненькие девочки.

Я не прекратил думать о Малике. Но теперь я любил ее, скорее, как звезду – которая прекрасна тем, что недосягаема.

«Возможно, Вселенная на несколько минут свела меня с Маликой, чтобы пробудить во мне стремление к любви, – рассуждал я. – Я обязательно найду себе девушку, похожую на Малику. Таковую же восточную красавицу».

Как это сделать – я плохо себе представлял. Реалии унитарной республики на западном берегу Волги были таковы, что «туземцы» (белобрысы славяне) с одной стороны и мигранты (таджики, тюрки, сибиряки) с другой – жили как в параллельных мирах.

Расеяне просиживали штаны в офисах, заказывали салат с вареной курицей или с крабовыми палочками в приличном

кафе. Катались на персональных авто японского и немецкого производства. Мигранты убирали снег совковыми лопатами. Чинили канализацию. Мыли окна.

«Параллельные миры» соприкасались только когда на кассе в супермаркете таджикская девушка пробивала продукты гордому «сыну славян» со скидочной картой. Или когда какой-нибудь опрысканный одеколоном клерк-метросексуал (лакированные туфли, блестящие от геля волосы) заруливал в бистро эконом-класса и покупал кулебяку у продавщицы-тюрчанки. Увидеть на улице влюбленную парочку «абориген» плюс мигрантка или мигрант плюс «туземка» – было чудом чудным, дивом дивным.

Но у меня появилась мечта – которая согревала сердце, как согревает ладони теплая чашка кофе...

На ужин давали солянку с порубленной на кругляшки сосиской или запеканку. Да стакан кефира. После ужина оставалось еще два часа до отбоя. Народец лениво прохаживался по коридору или скапливался у телевизора. На софах и диванах сидели дядечки и тетеньки, уткнувшиеся в свои смартфоны.

А для меня часы после ужина были временем стихов. В «Голубом дельфине» я переживал нечто вроде творческого подъема.

Правда, из-под моего «пера» выходили – по-прежнему – в основном наброски и отдельные строчки. Как бы «огрызки» стихотворений. И все-таки я сочинил два десятка четверо-

стиший-рубайи про «тюркские глаза», «волосы, темные, как ночь», «губы-лепестки» и несколько газелей все о том же.

А на седьмой день пребывания в «Голубом дельфине» я разродился вот каким стихотворением:

*Шумит, свистит метель –
Я буду ждать весны.
Удобная постель,
Лазоревые сны.*

*И что мне ветра вой?..
Пусть город замело.
Я снах моих – герой.
Мечом караю зло.*

*Косматым дэвом был
Изранен я в бою –
Но все ж освободил
Красавицу мою.*

*Убит был грязный дэв.
И в этом сладком сне
Ты – лучшая из дев –
В любви призналась мне.*

Льет дождь из облаков –

*Я дожил до весны.
Но что мне марта зов?
Я выбираю сны.*

*Тебя я встретил в снах.
И захотелось мне
Забить тоску и страх –
Всю жизнь прожить во сне.*

Я не знал, как относиться к этим строкам. Восточного в них только и было, что дэв. (Дэв, или див – страшилище из иранских и тюркских сказок). А я – как поэт – желал лишь идти по стопам Навои и Джами. Разрабатывать традиционные для персидско-таджикской и тюркской поэзии образы – такие как соловей и роза, свеча и мотылек.

Но «Шумит, свистит метель...» было – по крайней мере – цельным стихотворением с четко выраженным настроением. Так что я не стал зачеркивать эти куплеты беспощадной шариковой ручкой.

Да, в «Голубом дельфине» я действительно отоспался и «нагулял жирок». Ослабло напряжение в нервах. И я принял важное решение, которым ни с кем не поделился. Я изменю свою жизнь.

Я. Изменяю. Свою. Жизнь.

Довольно – мне не двенадцать лет. Сколько можно – как солдат под окрик майора – «строиться» по команде не в меру

энергичной бабушки?.. Как подачки ждать карманных денег с бабушкиной банковской карты?.. В конце концов: бабушка – пожилая женщина, пережившая свой расцвет. Никакая косметика и тональные кремы не вылечат бабушку от старости.

А я?.. Мне девятнадцать. Я не сопляк какой-нибудь – а молодой мужчина. Налившийся соком плод. В моем возрасте в пору совершать геркулесовские подвиги.

Чингисхан в девятнадцать лет водил в бой ватагу удалых багатуров. Я – конечно – не претендую на лавры монгольского хана. Но у меня должно хватить пороху на то, чтобы быть самостоятельным. Действовать без оглядки на бабушку. Самому определять, чего я хочу – а чего не хочу.

Я плохо представлял, как добьюсь своей – высоким слогом говоря – эмансипации. Пошагового плана у меня не было и в помине. Но достаточно было принять решение – чтобы за спиной отросли крылья. Как Икар – я был готов к полету.

Я понимал: тем, что сейчас я хотя бы грежу о свободе – я обязан Малике. Это Малика пробудила во мне могучий половой инстинкт – с которого все и началось.

Иногда сердце мне колола грусть, что я таки упустил Малику. Точно уловил сладкий аромат – а розу не сорвал. Но грусть моя была светлой. Я думал о Малике как об ангеле, который меня направил.

Я покинул «Голубой дельфин» с пятью дополнительными («нагулянными») – как выразился бы остряк-директор с по-

лированной лысиной) килограммами, относительно успокоившейся душой, новыми стихами и твердым сердцем.

5. Я хочу здесь работать!..

Я не блеснул на зимней сессии. К великому неудовольствию бабушки, которая считала: набравшийся сил в «Голубом дельфине» – я покажу на экзаменах высший пилотаж.

Получилось – однако – не так. Мою зачетку украсила всего одна пятерка. На экзамене по семейному праву я вообще тонул. Преподаватель нарисовал мне «удовлетворительно» только памятуя о том, что я имею репутацию прилежного студента.

– Получайте свою тройку, – вздохнул профессор. – Вижу – вы здорово расслабились в эту сессию. Надеюсь: летом вы будете более собранным.

Бабушка ругала меня – на чем свет стоит. Вспомнила моих покойных родителей. Мол, они были бы страшно разочарованы результатом моих экзаменов.

В другое время бабушкины упреки довели бы меня до слез и заставили каяться. Но теперь мое сердце точно обросло защитной корой. Я думал о свободе – которую, не знаю как, скоро обрету.

В зимние каникулы я спал до полудня – а то и до часу дня. Без зазрения совести набивал живот бабушкиными пирогами. Читал Низами и Физули. Кропал собственные вирши.

У меня родилось еще несколько стихотворений в духе «Шумит, свистит метель...» – в которых, не пытаясь подражать иранским и тюркским классикам, я прямо и бесхитростно выражал свои мысли и чувства.

Мечта о вольной воле пьянила. Казалось – достаточно шевельнуть мизинцем, чтобы разом избавиться от всего, что меня тяготит. От душающей бабушкиной опеки. От подколок со стороны товарищей (да уж, тоже мне, «то-ва-ри-щи»!) по учебе. От нудных лекций, которые читал – скрипучим, как старые половицы, голосом – какой-нибудь яйцеголовый профессор или доцент в квадратных очках.

Так уютно было с чашкой молочного кофе сидеть у себя в комнате, листать томик Навои или Хафиза. Да поглядывать в окно на медленно падающие снежинки – воображая, каким ты будешь, когда обретишь вожаделенную самостоятельность.

Но каникулы кончились. Снова я каждый день ездил в полный гула университет. Втягивал – как черепаха – голову в плечи, когда сокурсники дразнили меня «менестрелем» и «рыцарем печального образа». Прятал под столом книжку тюркской поэтессы Надиры – пока лектор в пиджаке и при галстукe, чуть ли не прыгал по кафедре заправским артистом или козлоногим сатиром.

Я чувствовал: меня опять засасывает привычная рутина. Аж опускались руки. Я по-прежнему был вымуштрованный, как прусский солдат, студентик; послушный внук своей бабушки.

Когда – после нерадостных дневных трудов – я ложился в постель, грудь и голову мне будто сдавливали железные обручи. Я задыхался. А мозг как бы расплющивался. Мне хотелось бросить – как мячик – в темноту вопрос: «Что?.. Что я должен сделать, чтобы изменить свою жизнь?..».

Мучил меня – даже рвал и терзал – неуголенный половой инстинкт. Нет чувства более властного, чем то, которое пробуждено цветочной стрелой бога любви. Я ощущал себя волком с отвисшим хвостом и тощими боками. С пеной из пасти рыщущим по бесплодной степи в поисках хоть какой-то добычи.

Часто посреди ночи я просыпался. Вылезал из-под одеяла. Включал ноутбук. И – надев наушники – запускал ролик, в котором обнаженные японские девушки обнимались и целовались, изгибались в соблазнительном танце или (чего уж греха таить) мастурбировали.

Но после просмотра порно мне хотелось плакать. Ты не будешь сытым оттого, что повертелся возле сверкающей витрины – где выставлены гамбургеры и кровяная колбаса. Рот наполнится слюной – а пустой желудок сильнее заурчит, как бы возмущенный обманом.

После каждого эротического видео – во мне разгоралась унявшаяся было острая тоска по Малике. Как будто кто-то кинул листок бумаги на тлеющие угли.

Я вырубал ноутбук и снова забирался в постель – жарко шепча:

– Малика. Малика. Малика.

Пока не заснул – в голове моей складывались достойные самого Саади стихи, восхваляющие красоту и обаяние тюрчанки из бистро. Но я не записывал эти мелодичные строфы – а к утру уже не помнил ни строчки.

В моих снах я и Малика предавались любовным утехам. А когда я просыпался – подушка была мокрая от слез.

Чуть ли не кусая себя за пальцы, я бился над вопросом: как мне все-таки изменить свою жизнь?.. Пока я отъедался в «Голубом дельфине» – самостоятельность и завоевание женского внимания были лишь мечтой, с которой я забавлялся, как девочка с куклой. Теперь пришло время осуществить мечту. И тут-то я ткнулся носом в бетонную стену.

Решение пришло внезапно. Точно стукнуло меня по затылку. Я сидел на скучной лекции по семейному праву, когда мозг выдал мне: «Работа!.. Ты должен пойти на работу!..».

Я разве что не подпрыгнул под потолок. Какое изящное и простое снятие проблемы!.. Ну конечно!.. В нашем обществе – пляшущем вокруг золотого тельца – свободно распоряжается собой только тот, у кого водятся денюжки.

Буду получать зарплату – стану уверенным в себе. Возможно, настолько, что буду смело – не обливаясь ледяным потом и не трясясь, как овечий хвост – подкатывать к красивым девушкам. И мне не придется ждать подачек от бабушки, чтобы сводить барышню в кафе – поесть круассанов.

Работу!.. Конечно – я должен найти работу!..

– Основные пункты брачного контракта... – бубнил лектор – казалось, искренне увлеченный галиматьей, которую лил в уши студиязусов.

А я – не дожидаясь переменки – достал смартфон и скачал приложение по поиску работы. Быстренько заполнил анкету: пол – дата рождения – вредные привычки – желаемый размер заработной платы. Загрузил пару своих фотографий – на которых я был, по крайней мере, с приглаженными волосами.

Дальше оставалось только листать вакансии.

«Курьер. Доставка корреспонденции и мелких грузов по удобному для вас району. Шесть рабочих дней в неделю. Понедельник – выходной. Оплата – две тысячи семьсот червонцев за смену».

«Оператор на телефоне. Не продажи!.. Работа с входящим потоком звонков. Оформление заказов для клиентов. Требования: грамотная речь, хорошая дикция, стрессоустойчивость...».

«Расклейщик объявлений...».

Я трепетал, как тонкая зеленая ветка на ветру. Скользящие по сенсорному экрану пальцы – дрожали. Голос профессора – с шутовской педантичностью разжевывающего, по каким законам разведенные супруги должны пилить диван – долетал, как с другого конца галактики. У меня шумело в голове. Сердце громко стучало. Я нервно сглатывал.

А что?.. Пока другие студентики тщательно конспектиро-

вали тирады препода – я решал свою судьбу. Я был богатырем перед тремя дорогами: «Пойдешь – вернешься» – «Пойдешь – вряд ли вернешься» – «Пойдешь – не вернешься».

Все вакансии манили. За каждую хотелось зацепиться, как репей. И в то же время вакансии отталкивали. Меня с головой захлестывала паника – стоило лишь вообразить себя длинноногим курьером, официантом в белой рубашке или продавцом бургеров.

Что если – доставляя архиважные документы на подпись генеральному директору акционерного общества «Шелуха и кожура» – я, несмотря на навигатор в телефоне, заплутаю и опоздаю?.. Или – подавая в ресторане клиенту горячий суп с клешнями кальмара – споткнусь и выплесну тарелку гостю на парадные брюки?.. Наконец – что если я сложу бургер на столько неумело, что мое «произведение кулинарного искусства» развалится у покупателя в руках?.. Говяжья котлета, капустный лист, ломтик сыра и луковое колечко – разлетятся по полу.

Вот что значит быть великовозрастным ребенком, держащимся за подол своей бабушки – закармливающей тебя пирожками и пельменями ручной лепки!.. Заучив мантру: «Учеба – моя работа», – ты делишь жизнь между домом и институтом. Как натасканная собака – между прогулкой и конурой. А выйти в большой мир, к людям, сделать по собственному разумению хоть шаг – тебе не достает смелости. Ты боишься: тебя не примут всерьез, как неуклюжего ско-

мореха в пестром костюме с бубенчиками.

От таких мыслей – жужжащих осиным роем – я весь покрылся испариной.

Нет. Нет. Нет. Я выйду из пресловутой зоны комфорта – хотя бы мне пришлось процарапывать путь ногтями и пробивать головой. Я четко осознаю: свобода – это ответственность. Прежде всего – ответственность за самого себя. И – черт подери – я буду свободным. Буду. Буду. Буду.

Я пролистал еще несколько вакансий.

Курьер. Курьер. Официант. Раздатчик рекламных листовок... Ох, что называется: и хочется – и колется. По крышке моего черепа колотили тяжелыми градинами вопросы – вызванные позорной неуверенностью в себе.

Вдруг ты пролетишь на собеседовании – как фанера над Парижем?.. А что если после трех дней работы – поджав заячий хвост – ты сбежишь, поняв, что не справишься с обязанностями?..

Я закусил губу. Хотелось плакать. Вот так страх неудачи парализует нашу волю. Не дает оторвать зад от дивана, а глаза – от кружащихся в аквариуме разноцветных рыбок. Ты сам – такая рыбка. Тебе некуда уплыть из своей стеклянной тюрьмы. Но зато тебе три раза в день сыплют корм и время от времени меняют воду.

Смотритель в кошачью гостиницу.

Ну-ка!.. Это что-то особенно интересное – как конфетка в ярком фантике.

«Уважаемые соискатели!.. В нашу гостиницу для кошек «Рыжий пушистик» требуются смотрители или котоняни. Что такое гостиница для кошек – и что вам предстоит делать?..

У хозяев милых лапочек-котеек бывают ситуации, когда приходится на несколько дней покинуть питомца. Речь может идти о новогодней поездке в горы – покататься на лыжах. Или о командировке на другой конец страны. Но как поставить четвероногого приятеля без присмотра?.. Кошки ведь так нуждаются в заботе и не выносят одиночества!..

Можно попросить соседку тетю Мотю приглядывать за хвостатым усатым товарищем. А можно довериться профессионалам. Стать такими профессионалами – это ваша задача, друзья!..

Все покажем. Всему научим. С вас – только энтузиазм и горячее желание реализоваться в должности смотрителя кошачьей гостиницы!..

Каждому котику-постояльцу в нашей зоогостинице выделяется уютный просторный стеклянный бокс с лежанкой, туалетным лотком и когтеточкой. В ваши обязанности входит: подкладывать котам и кошечкам сухой и влажный корм в миски. Подливать чистую водицу. Убирать за кошками экскременты и менять наполнитель в лотках. Производить уборку в боксах. Следить за состоянием хвостатых подопечных, чтобы при необходимости вызвать ветеринара.

Ничего сложного – правда?.. Главное, чтобы вы любили

животных. Тогда работа в «Рыжем пушистике» будет приносить вам не только деньги, но и удовольствие!.. В гостинице есть интернет. Можно слушать музыку и смотреть фильмы.

Звоните!.. Номер телефона:...».

Мое сердце забилося в новом ритме. Казалось: эту вакансию зрителя кошачьего отеля подбросила мне счастливая судьба. Я точно подобрал огненное перо жар-птицы.

О, я обожал кошек!.. Когда я был подростком – еще при живых папе и маме – у нас жил кот Агат. Ком черной шерсти с желтыми блестящими бусинками-глазами. Я привязывал к длинной нитке бумажку – и волок по полу. А Агат охотился – взмахивая лапками с выставленными когтями.

Потом бабушка сплавила кому-то Агата.

– Не переносу кошачью шерсть. Она у нас так и летает по всей квартире!.. – ворчливо объяснила бабушка. – И запах – запах мочи!.. Нам придется четыре раза со стиральным порошком отдраить полы – чтобы избавиться от этого «аромата»!..

Я ничего не посмел возразить. Но у меня было чувство, что я предал друга.

Я открыл сайт гостиницы. На сайте было море фотографий. Сотрудники, улыбающиеся на фоне стеклянных боксов. И конечно – четвероногие «постояльцы»: от маленьких пушистых котят с любопытными мордочками до великовозрастного голого сфинкса, лениво раскинувшегося на подстилке.

В груди у меня потеплело. Если только ты не совсем черствый сухарь – ты растаешь при виде кошки. Этого милого создания – уменьшенной копии леопарда или тигра.

«Я хочу здесь работать!.. Я хочу здесь работать!..» – загорелся я.

Только одно меня сейчас пугало. Вдруг – когда я позволю в «Рыжий пушистик» – мне ответят невинным звонким голоском: «Извините, молодой человек. Мы уже укомплектовали штат»?.. От такой мысли я взмок. Мне казалось: все «человеки» бегут наперегонки – лишь бы получить место зрителя в кошачьей гостинице. Потому что – черт возьми – какой надо быть бездушной скотиной, чтобы кошкам предпочесть офис с печенками!.

Я еле досидел – как на раскаленной сковородке – до окончания лекции. Выскочив (я пыхтел и задыхался) из аудитории в коридор – с трудом попадая пальцем в циферки на сенсорном экране, набрал номер «Рыжего пушистика».

– Алло, – раздался в трубке приятный женский голос.

Так. Соберись. Тебе ведь нужна эта работа?.. Ты не хочешь все испортить на стадии телефонного звонка?..

– Алло. Алло, – повторила невидимая женщина.

Я выпустил изо рта струю воздуха. И – с отчаянной решимостью – выпалил:

– Здравствуйте. Я хочу у вас работать!..

– Очень, очень хорошо.

Мягкие интонации женщины немного успокоили меня.

Она задала мне несколько вопросов. Об опыте работы. («Я пока нигде не работал, – признался я. – Но я очень люблю кошек»). О том, на какую зарплату я претендую. (Не мудрствуя, я назвал ровненько ту сумму, которая была указана в объявлении о вакансии). Был ли у меня домашний питомец?.. (Я рассказал про Агата).

– Замечательно!.. – нараспев произнесла женщина. – Можете подъехать сегодня на собеседование?..

– Да!.. – выдохнул я. – Я отправляюсь прямо сейчас.

И я в самом деле – с то ли тревожно, то ли радостно бьющимся сердцем – поехал в офис «Рыжего пушистика». Хотя – по расписанию – у нас как раз начиналась лекция по истории права.

6. Оперившийся птенец

Так река моей жизни круто повернула в новое русло. Иногда мне хотелось укунить себя за палец – убедиться: я не сплю, не сплю.

Собеседование прошло хорошо – я даже не напрягся. Мне предложили ароматный (жаль, без молока или сливок) кофе в изящной фарфоровой чашечке и задали примерно те же вопросы, что и по телефону. А уже на следующий день я приступил к исполнению обязанностей смотрителя.

Я работал по графику два-два. Два дня – по одиннадцать часов – возился со своими кошками. На третий день – поль-

зуюсь тем, что бабушка на работе, и положив толстый болт на университет – отсыпался. И только на четвертый день (т.е. в свой второй выходной) – показывался на занятиях.

Сокурсники смотрели на меня малость ошарашенно – как на залетного шмеля. Было чему удивляться!.. Вчерашний усердный студент, пай-мальчик стал вдруг «пропадать»!.. «Товарищи» даже меньше стали забрасывать меня язвительными насмешками. Видимо, нутром учуяли произошедшую со мной перемену. А Снежана – дымя на замусоренном дворике тонкой сигареткой – ощупывала меня долгим задумчивым взглядом.

Свою рабочую смену я начинал с того, что доверенным мне ключом отпирал дверь кошачьего отеля, занимавшего помещение в одном бизнес-центре. Расправляя плечи, я – прежде чем приступить к трудам праведным – проходил по коридорчику между двумя рядами стеклянных боксов.

В каждом боксе сидело по кошке: полосатой, пятнистой, лохматой, короткошерстной, черной, белой, черной с белыми ногами.

Мои «подопечные» приветствовали меня. Кто мяукал – кто скребся лапками по стеклу «аквариума». И только ленивый вальяжный персидский кот Бонифаций разве только приоткрывал левый глаз. На мне было девять кошек. И каждая – со своим характером.

Вооружившись веником и совком, взяв полиэтиленовый пакет для мусора, достав корм из холодильника и прихва-

тив бутылочку с чистой водицей – я подходил к боксу номер один. Там обитал роскошный желтый котяра – наполовину мейн-кун – по кличке Сяся. Я открывал дверцу – Сяся радостно бросался летать по коридору и ловить собственный хвост.

Пока Сяся носился метеором – я выгребал из номера устилавшую пол желтую шерсть, поправлял лежанку, обновлял корм и воду в мисках, подсыпал наполнитель в лоток. После этого следовало водворить Сясю на место.

Это было не так просто. Сяся – правильно оценивший, что коридорчик куда просторнее бокса – не хотел даваться мне в руки. Кот легко ускользал от меня. Только мелькали его четыре лапы и кончик хвоста.

Наконец, я закрывал Сясю в боксе. Котяра протестующе долбил лапами по стеклу двери и возмущенно мяукал.

– Не шали!.. – шутливо грозил я пальцем.

Я фотографировал Сясю на телефон – и посылал снимок хозяевам котяры, с припиской: «Сяся чувствует себя хорошо».

Далее надо было проделать те же процедуры еще с восемью боксами и котами. Пока я убирался в очередном боксе – хвостатый «постоялец» отправлялся на прогулку по помещению. Меланхоличный сфинкс Хефрен любил запрыгнуть на подоконник и смотреть через стекло на улицу. Черно-белая кошка Маша – наострив уши, пробегала по коридору, подозрительно косясь на сидящих по прозрачным «аквари-

умам» собратьев. У серой полосатой Клеопатры (откликавшейся на уменьшительно-ласкательный вариант своего имени – Клепа) была прямо-таки какая-то страсть к обнюхиванию углов.

– Кошка ты или собака?.. – смеялся я.

За два с половиной часа дело было закончено. В боксах – подметено, а ушастые чертенята – снабжены питьевой водой, сухим и влажным кормом. Теперь оставалось лишь время от времени проходить по коридорчику, проверяя: не разбросал ли тот или другой котейка по полу наполнитель из лотка?.. Не сделал ли лужу на линолеуме?.. Тогда я беру тряпку в зубы и бегом – устранять последствия катастрофы. И конечно: нужно добавить корму, если котофей опустошил и вылизал свое блюдо.

В остальном – почти полсмены – я был предоставлен самому себе. Сиди да читай Камола Худжанди, лаконичного Бедиля или прекрасную Зебуннисо. Пиши собственные вирши.

Я по-прежнему упражнялся в подражании классикам Востока – в муках «рожая» кривоватые газели и рубаи. Из меня выплескивались и иные – не подражательные – стихи, которые я не очень ценил. Они были как бы зеркалом, показывавшим мне мою же не слишком интересную жизнь. Достаточно сказать, что два стихотворения по восемь строк были посвящены глядящим из «аквариумов» котам с глазами-самоцветами.

Я не расставался с убеждением: чтобы быть поэтом – надо быть похожим на Низами. Писать исключительно о соловье и розе, о свече и мотыльке, о черных кудрях любимой. Рифмовать свою лирику по схеме: аа – ба – ва – га. Да что там говорить!.. Я даже попытался написать свою версию «Лейли и Меджнуна» – но дальше грубого наброска дело не пошло.

В промежутках между чтением восточных мэтров и собственной стихотворческой практикой – я закидывал в рот прихваченные из дому бабушкины пирожки, либо купленные в магазинчике на первом этаже бизнес-центра хрустящие чипсы со вкусом жареной курицы, которые я обильно запивал там же приобретенным сладким шипучим лимонадом.

Еще я торчал за любезно предоставленным фирмой ноутбуком. Резался в допотопную и простенькую – но затягивающую – игрушку «Эволюция». Ты управляешь рыбкой. Твоя задача: не давайся крупным сородичам и поедай мелких – с каждой проглоченной жертвой увеличиваясь в размерах. Говорят: в финале у главной героини плавники превращаются в ноги. Она вылезает на сушу. Победа!.. Но я так ни разу и не дошел до финала: меня раньше сжирала какая-нибудь акула.

Еще я читал новостные сайты.

Журналисты зачем-то передавали слова анонима, который – ссылаясь на «свои источники в высших эшелонах власти» – клялся и божился, что через пятнадцать лет в Землю вмажется астероид «размером с пирамиду Хеопса». Понят-

ное дело: «информация засекречена». «Последствия столкновения будут страшнее, чем катастрофа, уничтожившая динозавров».

Бородатый астролог пророчествовал: в марте трудности обрушатся на Львов, Стрельцов и Скорпионов. А вот Козероги и Девы – наоборот, будут купаться в деньгах и во внимании противоположного пола. «Так говорят звезды, – глазил заключительный текст под благодостной, как у святого, физиономией бородача. – Но многое будет зависеть и от ваших собственных действий...». Ха!.. Кто бы сомневался!..

Топовые интернет-СМИ звенели на весь свет о том, что такая-то популярная телеведущая снялась обнаженной на пляже в Тунисе. Тебе заботливо подкидывали ссылочку – чтобы ты мог скачать пикантные фоточки.

Раньше подобный поток информационных помоев раздражал меня до жути. Но теперь я только снисходительно улыбался. Все потому, что я почувствовал наконец: я более или менее твердо стою посреди пестрого бушующего мира. Точно меня засасывало болото – а я нащупал ногами дно.

О, я работаю!.. Я не люмпен и не иждивенец. Я работаю, работаю!.. В постиндустриальном капиталистически-бюрократическом обществе человек оценивается по занимаемой им (этим человеком) должности. Ну и – само собой – по толщине кошелька. Котоняня – это, конечно, не замминистра. И получаю я не миллион. Но я – хотя бы – не круглый нуль. Я не вне иерархии.

Через несколько смен мне на карточку капнула первая зарплата. На ахти сколько. Но как – черт возьми – было приятно по пути от работы к метро купить баночку «отвертки» на свои, а не на бабушкины, деньги.

Когда я увижу в лавке букиниста редкий томик Лутфи или роскошно изданную «Антологию персидско-таджикской поэзии» – мне не придется под тем или иным предлогом выпрашивать у бабули червонцы. Я куплю книгу на собственные деньги.

...В последние часы смены я дожевывал оставшиеся пирожки. Снова брал веник, совок, полиэтиленовый мешок, упаковки корма, бутылку с фильтрованной водицей – и обходил боксы.

За долгий день кошки успевали очистить от вкусняшек свои блюдца. Усеять «аквариумы» шерстинками. Перевернуть лежанки. А то и разбросать наполнитель из лотка.

С усердием Золушки я наводил в боксах порядок. Когда я открывал дверцу «аквариума» – очередной котейка выскакивал совершить прогулку по коридорчику. К сожалению для усатого-хвостатого – моцион не затягивался. Насыпав в одну миску корму (с горочкой – чтоб четвероногому другу до утра хватило), а в другой сменив воду – я ловил котофея и сажал обратно в стеклянный бокс.

Коты не давались в руки и яростно мяукали, демонстрируя маленькие – но острые – клычки. Особенно мучился я с Сясей. Самый тяжелый (в смысле килограммов) – он отли-

чался и необычайной вертлявостью. Мне приходилось побе-
гать – прежде чем я крепко хватал Сясю.

Закрытый в «аквариуме» – здоровяк-котяра бурно выра-
жал свое недовольство. Мог даже – вот негодник!.. – опроки-
нуть плоску с водой. Мне приходилось вооружаться тряп-
кой и открывать бокс – чтобы вытереть пол. Тут уж Сяся
глазками не хлопал – а пулей вылетал из своей «темницы».

Наконец – завершив все хлопоты и заперев по «аквари-
умам» непокорную кошачью братию – я гасил свет, покидал
помещение зоогостиницы и двумя поворотами ключа защел-
кивал за собою замок. На ночь Сяся, Шеша, Бонифаций и
прочие оставались одни.

С черного неба летел белый снег – когда я топал от
бизнес-центра к метро. Тьму прогрызали оранжевые лучи
одноногих одноглазых фонарей да желтый свет мчащихся
по трассе авто. Несмотря на морозец – я покупал в киос-
ке баночку холодного пива, «вертолета» или «отвертки».
Несколько глотков хватало, чтобы снять усталость. Я знал:
пока доеду до дома – запах алкоголя развеется. Так что у ба-
бушки вопросов не возникнет.

Мчась в вагоне электропоезда по тоннелям метро – я ли-
стал книжку восточных стихов, перечитывая любимые га-
зели Низами или Лутфи. Я видел, как попутчики – будь
то накрашенная леди с бирюзовыми сережками-гвоздиками,
скрюченная бабка в треугольном платочке или небритый му-
жик – бросают взгляды на обложку моей книги и то ли осуж-

дающе, то ли в непонятках качают головами.

Ну конечно!.. Заглавие – выведенное шрифтом, стилизованным под арабскую вязь... Рисунок: красавица – явно восточных кровей – с накинутой на черные косы прозрачной кисеи... Все это заставляло перекатываться шарики под черепной крышкой у обывателя. Выуживало на свет божий дремучие стереотипы о «дикой Азии».

Ассасин с кинжалом в зубах. Исламский фундаменталист, обязанный взрывчаткой. Женщины, с головы до ног упакованные в ткань – так что только глаза блестят. Вот что приходит на ум среднестатистического расейнина при слове «Восток».

Отец медицины ибн-Сина?.. Первый гуманист Саади?.. Астроном Бируни?.. Нет – не слышали. А если говорить о поэтах – какой-нибудь интеллигент, с лоснящимися от крема руками и при галстукe, поковырявшись в памяти, вспомнит с грехом пополам Омара Хайяма.

Но что мне было за дело до националистического винегрета в мозгах случайных попутчиков?.. Я трудящийся человек. Еду после рабочего дня домой. И читаю ту книжку, которая мне нравится. Имею право. С тех пор, как я поступил смотрителем в зоогостиницу – я обрел гордость и самоуважение и как бы отрастил буйволиную кожу. Даже насмешки однокурсников не ранили меня так, как прежде.

Дома – бабушка.

– Откуда ты так поздно?.. – спрашивала она.

Я отвечал, что засиделся за кодексом Хаммурапи и сводом римского права в библиотеке факультета. Соврать мне было проще, чем зубы почистить. Не знаю, покупалась ли бабушка на мою ложь. Вздыхая, бабушка говорила:

– Ладно. Садись ужинать.

Она разогрела мне в микроволновке тарелку ухи и отрезала здоровенный кусок пирога с мясом и шпинатом.

После ужина я закрывался у себя в комнате. Если завтра мне предстояла смена – я ложился в постель и сразу засыпал. В канун же выходного – долго-долго не гасил электричество. Читал Низами или Физули. Писал стихи. Иногда – смотрел какой-нибудь сериал.

Так изменилась моя жизнь. Я чувствовал себя птенцом, который – наконец – сменил легкий пух на перья и взмыл в небо. Первые две недели с момента трудоустройства я пребывал в какой-то эйфории – как будто вылил в себя пару бокалов отменного вина.

Я воображал: я познакомлюсь с девушкой – во всем похожей на Малику восточной красавицей. Взавшись за ручки – мы будем гулять по моему любимому парку на берегу реки. Закусывать пончиками в кафе. Обниматься и целоваться – чтобы впоследствии перейти к чему-то большему.

Но протекали дни. Мечты, которые купали мое сердце в бальзаме – начали жечь меня и мучить. Обнаружилось: лапка оперившегося птенца обмотана веревкой, другой конец которой привязан к гире. Взлететь – ты взлетишь. Но под об-

лака не поднимешься. Натянутая веревка тебя не пустит.

Одно дело – устроиться на работу. И совсем иное – завести любовные отношения. Каким бы ты ни заделался независимым и самостоятельным (ха!.. – а жрешь ты все равно бабушкины пироги!..) – девушки не начнут ложиться перед тобой штабелями. Общение с противоположным полом – это целое искусство, которому ты не обучен.

Тебя растили, как мимозу в оранжерее. Ребенком ты не знал недостатка в плюшевых тиграх и резиновых ежиках. За тобой выносили горшок и стирали твою простынку.

Но никто не заметил, какой ты тихий и нервный. Что – как от гниющей под солнцем trebuхи – шарахаешься от других детей. Ни папа, ни мамочка, ни креативная сердобольная бабушка – не отвели тебя за ручку к детскому психотерапевту.

И вот ты вытянулся молодым деревцем. Со стороны посмотреть: не такой уж хилый детина. Не чемпион по поднятию штанги – но и не инвалид... А на деле ты остался слабосильным карапузом – которого бабушка кормит, поит и оправляет в санаторий.

Девятнадцатилетний дуб – ты только-только устроился на работу. Поздравляю. Даже хлопаю в ладоши. Ты преодолел себя. Но общение с прекрасной половиной человечества – это другое. С тобой не говорили «о сексе». Взрослые держали себя так, как будто у них нет половых органов – а тебя нашли в капусте. Так что крутиться тебе придется самому.

Усвой одно. Ты не добьешься подлинной эмансипации

(ого, какое слово!), пока у тебя не будет девушки. Быть свободным – значит принять ответственность не только за себя, но и за кого-то тебе дорогого. Влюбленные парень и девушка – отвечают друг за друга. А потому – по-настоящему взрослые.

Во мне опять зашевелился могучий половой инстинкт. А я был беспомощен. Я бился, как рыба о стенку аквариума. Я не представлял – ни в малейшей степени!.. – как «закадрить» девушку. По моим венам точно пустили жидкий огонь. В сердце – как горячий пар в закрытом котле – клубилось желание обладать Женщиной.

Какой мудрец, психоаналитик или просто дядечка с багажом жизненного опыта подскажет мне: что предпринять?..

Что?.. Конкретно?.. Предпринять?..

Не ходить же мне по улицам с табличкой: «Познакомлюсь с привлекательной девушкой возрастом от восемнадцати до двадцати двух лет»!.. А может быть – каждой встречной симпатяжке совать записку: «Здравствуйте. Вы мне понравились. Позвоните мне. Номер моего телефона:...»?.. То же – так себе идея.

Плюс еще было кое-что. Я хотел не просто девушку. А непременно восточную. С волнистыми темными волосами. Черными глазами. С родинкой у нежных губ... Мои представления о женской красоте были навеяны стихами Рудаки и Хафиза о пленительной тюрчанке.

Почему я так легко отступился от Снежаны?.. Да просто

потому, что лисичка была рыжая и не имела в чертах лица ничего туранского. Кидайте в меня тапкам и тухлыми яйцами за мой «цинизм». Но мужчины – определенно – любят глазами.

В моей памяти ожил (хотя – наверное – и не умирал) образ Малики. Девочка из закуской была для меня идеальной восточной красавицей. Гурией. Сказочной пери.

О, этот светло-смуглый оттенок кожи!.. Эти черные – будто углем выведенные – полумесяцы бровей!.. Затягивающие омуты глаз!..

Малика снова и снова представляла мне в ярких эротических снах – после которых я просыпался (извините!) с эрекцией. Призрак Малики преследовал меня и когда я бодрствовал. Я видел милое личико почти так же ясно, как видит шагающих фарфоровых слоников или рогатых пауков алкоголик в белой горячке.

Будь я верующим, решил бы: Малика – нечистая сила. Морочащая меня бесовка. Хочет погубить мою душу. Но я материалист. Приходилось признать: Малика вообще не причем. Она – вероятнее всего – вообще не помнит о моем существовании. Все дело в моем воображении – которое воспалилось от неутоленного сексуального голода.

Невозможно подавить могучий инстинкт – который роднит тебя с троглодитом, за волосы тащившим самку в пещеру. Ты либо дашь выход бушующему в тебе пламени – либо сойдешь с ума. Быть тебе тогда накаченным нейрорептиками

дурачком – истекающим слюнями в палате психбольницы.

Да – мне стоило всерьез опасаться за свой рассудок. Открывая утром глаза – я шептал, как пьяный: «Малика!.. Малика!.. Малика!..». Сидя в вагоне электропоезда с томиком Лутфи – я перескакивал взглядом со строчки на строчку. Мне казалось: со страницы книжки мне томно улыбается Малика. Поэт пятнадцатого столетия сложил свои стихи будто бы о Малике.

Я и сам пытался писать о Малике в заветном блокноте. Но мой мозг расплывался киселем. Из-под шариковой ручки выходили только отдельные рваные фразы. А чаще – закусив губу от усердия – я выводил на листке почти каллиграфическим почерком имя Малики. Или пытался изобразить ее профиль. Впрочем, «живопись» давалась мне еще хуже, чем стихи.

Иногда – когда я задавал корм кому-нибудь из своих котов – меня вдруг накрывало. Я видел мою Малику – смеющуюся, стреляющую глазами. Она манила меня – как русалка моряка. Я точно вдыхал сладкий дурман. По сердцу проходила трещина. В голове шумело – будто рокотал прибор.

Я вскидывался – освобождаясь от наваждения. Ошалело смотрел по сторонам. И не понимал: почему бокс открыт, сухой корм рассыпан по полу, а полосатый Мурзик носится по коридорчику?..

Да. Передо мной маячила неутешительная перспектива совсем «поехать умом» Тогда санаторием я не отделаюсь. Не

загреметь бы в психиатричку – где моими соседями будут буйные шизофреники, привязанные к койкам.

Надо было что-то предпринимать. Пусть у тебя сломана нога – а ты выбирайся, выбирайся из ямы.

7. Мой первый сексуальный опыт

Я грешник. Я тот еще чертов грешник.

Пусть до сих пор я оставался девственником. Но я меньше всего тянул на праведного монаха – который только и знает, что бить поклоны перед иконами да перебирать четки, бубня молитвы. По своим мыслям я был грязный развратник.

Однажды на исходе ночи (комнату наполняла серая полумгла) я очнулся после очередного горько-сладкого сна про Малику. Сел на постели. Смахнул со лба холодный пот. И взялся рассуждать сам с собой.

Мне хочется девушку. Восточную девушку. Которая была бы хорошей «заменой» Малике. Нет сомнений: запах кожи и душистых волос, горящие глазки настоящей, живой девушки – легко затмят «фантомную» Малику.

Мое желание обладать женщиной обернуто – конечно – в блестящий романтический фантик. Подобно божьему интеллигенту – с мутным взглядом и всклокоченной шевелюрой до плеч, одетому в линялый дедушкин фрак – я мыслю об отношениях полов на языке высокой поэзии. Но я хочу женщиной именно что обладать. Я хочу – простите – сово-

купляться.

Поскреби мужчину – будь это хоть тощий художник с белыми ручками, не державшими ничего тяжелее кисти – и обнаружишь плечистого дикаря в наряде из шкур, бьющего себя кулаком в широкую грудь, хрипящего и высматривающего плоскими-глазищами самку.

Мне нужен секс. Мне нужно жадно щупать женское тело. Приникать губами к женским губам.

Как мне это получить?..

Очень просто, дурачок. Сними проститутку.

Я затрясся как в ознобе от такого решения. До сих пор я думал о женщинах строчками из Низами. А теперь получалось так грубо: девушка – товар, я – покупатель. Но это был какой-никакой выход.

Мне стало чуточку легче. У уравнения есть ответ!.. Я определился: когда я наберусь смелости и когда бабушки не будет дома – я приглашу «ночную бабочку». Объятия и поцелуи продажной женщины потушат гудящий во мне жаркий огонь. Плата проститутке – достойное применение моей зарплате и деньгам, подаренным мне бабушкой.

На работе – задав корм котам и подметя в боксах – я утыкался в смартфон и листал анкеты «девушек легкого поведения» на специфических сайтах. Вечером, дома – запихнув в себя кусок мясного пирога и что-то наврав бабушке – я торопился к себе в комнату, к ноутбуку, чтобы посмотреть фотографии «жриц любви» на большом экране.

Исследование сайтов типа «твоя-девушка-на-ночь-точка-ком» напоминало прогулку по запущенному саду. Где было все: от нежного жасмина и ярких роз – до торчащих здесь и там пучками ядовитых трав. От цветущих плодовых деревьев – до обвивающего эти деревья паразитического плюща.

Некоторые путаны на фото были откровенно страшными. Силиконовые губищи – как верблюжьи. А груди... непропорционально большие груди проститутка могла бы перекинуть через плечо. В сказках так делали самки дэвов – чтобы на ходу кормить молоком сидящего на спине ребенка.

Иные «девочки по вызову» были просто старыми и толстыми. Именовали себя «зрелыми цыпочками приятной полноты». Да уж. Если б такая мадам сняла передо мною лифчик – я бы, вместо того, чтобы возбудиться, бежал бы, роняя тапки, за тридевять земель.

Но среди мусора поблескивали жемчужины. На сайтах, посвященных продажной любви, попадались и хрустальные куколки – стройняшки с глазами серны и длинными волосами. В числе милашек были и восточные девушки – одна другой краше. Я точно забрел в настоящий – полный насыщенных красок – цветник, где меня опьянили волшебные ароматы.

Вот когда я порадовался, что живу не где-нибудь в Чехии или Полонии – а в «счастливой» Расее. У нас не до конца разорваны связи с Югом и Востоком. В стране работают мигранты из заволжских и центрально-азиатских республик.

А потому и среди протитуточек на сайте – хватает смуглых очаровашек. Что бы я делал в Полонии, где девяносто шесть процентов населения – славяне?..

Я сохранял страницы с анкетами понравившихся мне протитуток. А потом – с жадностью шмеля, пьющего нектар – разглядывал, разглядывал фото знойных красоток.

Лампа была погашена. Старенький ноутбук тихонько та-рахтел. А я – трясясь от прикосновения к запретному – не отлеплял взгляд от светящегося экрана. Моя огромная тень зыбилась по стене. Сглатывая обильно выделяющуюся слюну – я любовался «ночными бабочками».

Все отобранные мною восточные звездочки были привлекательными и нежными. И в каждой была своя изюминка. Они были разными. Одна покоряла милой полудетской улыбкой. В глазах другой полыхал жаркий огонь – а с полуоткрытых губ, казалось, сейчас слетит страстный стон. Третья смотрела томно – едва разомкнув веки. Ее струящиеся черным потоком волосы были немножко в беспорядке.

Наряды красавиц различались так же, как сами девушки. Кто позировал в нижнем кружевном белье. Кто был в коротеньких шортиках и в черном топики – плотно облегающем грудь. Некоторые красотки – отбросив одежду и стыд – демонстрировали изящное обнаженное тело.

Были поразительно удачные фотографии. Представьте себе: тоненькая девушка – на которой нет ничего, кроме символических трусиков – полулежит в комфортабельном крес-

ле под мягкими лучами декоративного светильника. Волосы кудесницы распущены. Глаза как бы затуманены.

Чего удивляться, если при просмотре снимков я учащенно дышал?.. Пульс у меня зашкаливал – а сердце гремело турецким барабаном. Я включал слайд-шоу – и девушки проплывали передо мной, как лебеди: прекрасные таджички – восхитительные тюрчанки – калмычки с рысьими глазами.

Красавицы были, как розы. А я – точно соловей, выводящий над этими розами трели. О, мои ясные звездочки!.. Я хотел спать с ними со всеми сразу. Мне казалось: я люблю их всех трепетной романтической любовью.

Покоренный томными глазами, длинными ресницами и похожими на маленькие спелые плодики грудями – я забывал, кто такие мои прелестницы на самом деле. Эти девушки не были ни дочерьми сказочных падишахов, ни гуриями, ни пери. В анкете каждой проститутки были крупно выписаны цифры, спускавшие меня с небес на землю. Четыре тысячи червонцев за час. Семь тысяч червонцев за два часа. Двадцать одна тысяча за ночь...

Проститутки выставляли ценник на свои услуги!.. Как курьер за количество поездок, как таксист за намотанные километры – путана получает деньги за порцию ласк в постели.

Моя феодальная куртуазность пасовала перед плотоядным оскалом капитализма. Ни одна из девушек не была царевной – сердце которой ты завоеуешь, повергнув косматого дэва или срубив двенадцать голов дракону. Нет!.. Пере-

до мной были наемные работницы, готовые лечь хоть под прыщавого юнца, хоть под полуживого истекающего слюнями старика, да хоть под верблюда. Под любого, кто заплатит деньги.

Не передать – какая буря поднималась во мне, когда я думал об этом. Сидя в темной спальне – я смотрел воспаленными глазами фотки на горящем экране. Нервно сглатывал. Руки у меня дрожали. А сердце рвалось по швам.

Эти девушки – с которыми я с такой ненасытностью любовался – по праву красоты заслуживали гораздо большего, чем быть воронками для слива спермы сексуально озабоченных граждан. Красавицам жить бы в мраморных дворцах с голубыми куполами. И принимать стихи и розы от самых отважных джигитов. Даря в ответ только мимолетный лукавый взгляд.

Но деньги, блаженные деньги поразительным образом сдувают с человеческих отношений романтический туман и «уравнивают» – да, представьте «уравнивают»!.. – людей.

Будь ты дерьмо дерьмом, хам, подлец и позор на седины родителей – а ты с гордо выпрямленной спиной встанешь рядом с честным и достойным человеком, если на банковских карточках у вас одинаковая сумма презренных червонцев.

А томная красавица – с бровями, точно нарисованными тушью, и с родинкой на нежно-смуглой щеке – с равным усердием обслужит вас в апартаментах в порядке очереди. Сначала того, кто первым позвонил.

В наши похабные времена не надо быть поэтом, мудрецом или богатырем, чтобы заслужить любовь прекрасной девушки. Достаточно заплатить. Если – конечно – тот суррогат, который ты получишь в обмен на деньги, можно назвать «любовью».

Мне хотелось – порою – плакать от цинизма и грязи, царящих в этом мире. Но скользким слизнем мне в извилины закрадывалась вот такая эгоистичная мыслишка. Я ведь тоже не озаренный светом разума философ. Не герой Рустам на выдыхающем пламя скакуне Рахше. А если поэт – то уровнем ниже луговой травинки. Мои рукописи не подходят даже для того, чтобы стирать ими пыль с копыт ишака, на котором ездил шейх Саади. Неизвестно, где бы я был – если б право на девушку надо было добывать мечом, умом или вдохновенными стихами.

А в наших подлых капиталистических реалиях – я мальчик при деньгах. Сложить заработанное мною в кошачьем отеле и червонцы, подаренные бабушкой – и хватит, чтобы не один раз вызвать проститутку.

Я находил горькое утешение в том, что постельные игры со шлюхой, оплаченные звонкой монетой – это честнее, чем женитьба какого-нибудь буржуйчика на модели с подиума.

Слепой разглядит: произнося хором со своим бизнесменом ритуальную формулу «и в горе, и в радости» – модель надеется только на радости. На беззаботную жизнь в трехэтажной вилле с видом на море. На шоппинг в Париже и на

отдых в Гоа. На элитную косметику, дизайнерские туфли и на сумочки из крокодиловой кожи.

Молодость и красота – товар с быстро истекающим сроком годности. Девушка – которой есть, что продать – заламывает цену, боясь продешевить. Брак – это узаконенная (а оттого и более отвратительная) форма проституции. В наиболее выпуклых случаях супруги заключают контракт, в котором прописывают, сколько раз за день благоверная должна назвать муженька «мой суслик». И каким сексом – оральным или анальным – надлежит заниматься, если у женщины месячные.

Бр-р-р!.. Нет!.. Если делить постель с девушкой, то только по любви – вроде той, какая была между Тахиром и Зухрой. Или... или если тебе не повезло найти свою Зухру – сними на вечер «представительницу древнейшей профессии». Тут все просто и без лицемерия. Ты проститутке – деньги, проститутка тебе – тело.

Под журчание таких мыслей я выключал ноутбук, ложился в кровать и натягивал одеяло по самый подбородок. Я отмечал еще в голове: в начале марта бабушка – по заведенному семейному обычаю – укатит в дом отдыха. Взять таймаут от управления денежными потоками; поваляться на накрахмаленных простынях и попариться в финской сауне с такими же, как сама, деловыми старушенциями (простите!..). Неделю я буду дома один. До этого я должен определиться, какую из трех десятков понравившихся мне путан я приглашу до-

мой.

И я определился. Я выбрал.

В пахучем букете восточных девочек-проституток ярче всех была одна роза. Чаровница с нежным именем Айсулу – что переводится как (влюбленный в Восток – я знал это!..) «красавица-луна». Айсулу больше всех напоминала мне Малику. Те же длинные черные ресницы – затеняющие полные блеска агатовые глаза. Тот же неповторимый светло-смуглый оттенок кожи. Губы – как алые влажные лепестки.

Я готов был побожиться, что Малика и Айсулу – сестры. Чуть ли не двойняшки. Девушки и впрямь были похожи – как две бело-розовые кувшинки на одном озере.

Засыпая – я мечтал об обеих красавицах сразу. О Малике и об Айсулу. Волшебные образы двух кудесниц наслаивались один на другой. И когда – наконец – у меня слипались глаза, я видел восхитительные сны. Иногда в этих снах я правой рукой обнимал Айсулу, а левой – Малику. Но чаще мне снилось, что я наслаждаюсь на ложе ласками прекрасной пери, про которую невозможно сказать: Айсулу это или Малика.

Грезы – конечно – не оставляли меня и днем. За чашкой утреннего молочного кофе, за работой в зоогостинице, за сытным ужином (горячая уха да пирог с мясом), во время нечастых визитов в университет – я витал в малиновых облаках эротических мечтаний.

Подумать только!.. До сих пор я видел женскую грудь разве что в интернете на фотографиях в стиле «ню». А скоро я

смогу не только посмотреть – но и пощупать, поцеловать. Да что там!.. Меня ждут божественные утехы – точно я на пару часов вознесусь в рай. Искушенная в науке страсти черно-окая гурия поможет мне избавиться от девственности.

По висящему на кухне календарю с оскалившейся лисой – ползло окошко-бегунок. Март приближался. Говорят: люди с ментальными особенностями начинают тревожиться и маяться с первыми запахами весны. Я понимал товарищей-«психов». Потому что сам был охвачен сладким томлением, перемешенным со страхом – которое возрастало с каждым днем.

Если мне не надо было на работу – я с самого утра, лениво попивая лимонный чай, подолгу глядел в окно на черно-серые стаи ворон. Типичные для городского ландшафта пернатые носились в подернутом молочным туманом небе. Садились на провода линии электропередач. И даже в карканье столь невзрачных птиц мне слышалась музыка. Звучавшая, как будто, в честь таинства любви – которое мне предстояло.

Я пересплю с девушкой!.. Я пересплю с девушкой!..

Я пытался вообразить, как это будет. Сердце мое стучало, а руки тряслись – от картин, которые набрасывала мне моя разгоряченная фантазия. Я напоминал неопытного гуляку, который – войдя в кабак – опьянел от одного запаха вина, даже не пригубив бокал. Если я так волнуюсь от одной мысли о предстоящем соитии – то что будет, когда Айсулу снимет передо мной бюстгальтер и трусики?.. О, я захлебнусь в

фонтане восторга!..

Как никогда меня тянуло писать стихи. Но из-под моей шариковой ручки выходили только отрывочные рубленые фразы – хотя и очень эмоциональные. Иногда – отдельные двустишия и четверостишия.

Не выразив себя через стихи – я принимался рисовать профиль Айсулу (или все-таки Малики?). Так – говорят – дикари, чтобы избавиться от галлюцинаторных образов, изображали на стенах пещеры свои видения (например, мамонтов и быков). Но, как я был неумелый поэт – так и живописец я был похуже троглодита.

Я не переставал думать об Айсулу и Малике ни на работе, ни в университете. Я совсем перестал замечать насмешливые взгляды однокурсников. А когда в поле моего зрения попадала студенточка постройнее, с длинными волосами – я весь подбирался, сглатывал; по спине у меня пробегали мурашки. В каждой симпатичной девушке я искал черты Айсулу-Малики.

Образ тюркской красавицы с родинкой у нежных губ – следовал за мной, как привидение. В метро я надеялся встретить... Кого?.. Малику?.. Айсулу?.. Образы двух тюрчанок перемешались в моем мозгу, как вино и вода в стакане.

Иногда я воображал: все втроем – Малика, Айсулу и я – мы пьем чай с шоколадными конфетами и кремовыми пирожными. Весело шутим, дурачимся, смеемся. Девушки ни-сколечко не видят друг в друге соперниц. Потом мы идем

в ванную. Открываем воду. И – без стыда обнажившись – садимся в ванну. Далее следует возня с поцелуями. Я глажу груди то одной, то другой девушке.

Опять же, с шумом и дурачеством – мы намыливаем друг другу тела. Пока заливающаяся смехом Айсулу трет мочалкой мне грудь – Малика обнимает меня сзади. Целует мне шею. Склоняет голову на мое плечо. Мы плещемся в пенной воде счастливыми дельфинами. И все это – прелюдия к чему-то большему. Сладкому, как мед и сахар, как персиковый сок или амброзия.

Поглощенный ожиданием «взрослых» удовольствий – я сгорал от нетерпения. Я был, как булькающая на огне похлебка. И плохо улавливал, что происходит вокруг.

Я мерил шагами помещение зоогостиницы, бормоча: «Айсулу!.. Малика, Малика!..». И забывал бы кормить своих котов – если б те не напоминали о себе, громко мяукая и скребясь в двери «аквариумов».

В метро я – бывало – проезжал свою станцию. А потом – глупым ошарашенным верблюжонком глядя по сторонам – соображал: с чего бы я оказался на платформе «Онежской», если мне надо было на «Славянский проспект»?.. Иногда в потоке пассажиров я будто бы замечал Айсулу или Малику. Лавируя среди толпы – я пытался пробиться к красавице. Но быстро терял свою звездочку из виду. Я останавливался и вздыхал: скорее всего – девушка мне только померещилась.

Погруженный в мечты об Айсулу и Малике – бродил я по

широким коридорам университета. И – хотя коридоры были и правда широкие – случалось, напарывался плечом на идущего с учебником под мышкой студента.

– Куда прешь, трубадур недоделанный?.. – шипел «обиженный», строя недовольную козлячью рожу.

Я бросал что-то нечленораздельное – что должно было обозначать «извините» – и проходил мимо. Никакая ругань не могла спустить меня с небес на землю. С небес, где я был блаженным праведником, а Малика и Айсулу – подносящими мне вино, сухофрукты и душистые плоды райскими девами.

На семинарах я отвечал невпопад. Помню: на семинаре по семейному праву я ляпнул что-то такое, от чего одноклассники заржали, как лошади – а профессор удрученно помотал лысой головой. А ведь я имел репутацию самого усердного студента!..

Влюбленный в образ прекрасной тюрчанки – то ли Айсулу, то ли Малики – я не думал о питье и еде. Перестал заглядывать в столовую факультета. И – возможно – отощал бы, как рабочая кляча, если б бабушка не потчевала меня сытным ужином.

– Ты здоров?.. – с тревогой интересовалась бабушка, внимательно глядя на меня – и прислоняла ладонь к моему лбу, пока я без особого аппетита заедал капустным пирожком грибной суп. – Бледный весь... А глаза блестят...

Я тряс головой: здоров, мол, здоров. Не хватало только,

чтобы бабушка опять засунула меня в какой-нибудь санаторий или лечебницу. Тогда бы свидание с Айсулу пришлось бы отложить на неопределенный срок.

После ужина я торопился закрыться у себя в комнате. Включал ноутбук – и долго, долго смотрел на экран, на фотографию Айсулу. Номер телефона проститутки я давно сохранил у себя в смартфоне. Оставалось только дожидаться отбытия бабушки в дом отдыха – чтобы позвонить путане: «Алло. Айсулу?.. Вы не заедете ко мне на пару часов?..».

Фантазия вводила меня далеко – как извилистая, усыпанная старой хвоей тропинка, убегающая с лесной опушки в непролазную чащу. Я надеялся: Айсулу полностью заменит мне Малику – любовные отношения с которой не состоялись.

С каждой зарплаты я буду на два часа «снимать» Айсулу. Если бабушка дома – можно встречаться с проституткой в отеле эконом-класса. Постепенно мы с Айсулу привыкнем друг к другу. И будем уже не просто клиентом и «девкой» – а, по крайней мере, друзьями. И тогда я скажу: «Айсулу!.. Тебе не обязательно заниматься сексом за деньги. Выходи за меня замуж!.. Я работаю – мы будем жить на мои червонцы».

Вот так. Я все-таки не вылезал из доспехов феодального благородства – и хотел протянуть руку, вытащить бедную девочку из болота проституции.

Я как-то не учитывал, что нам трудненько будет перебиваться на одну мою зарплату. Особенно, если арендовать жи-

лье. А привести Айсулу домой... Да даже не зная ничего о том, что моя возлюбленная была шлюхой – бабушка взбеленится, позеленеет и подпрыгнет до потолка: «Кого... кого ты приволок?..».

Для бабушки – как, впрочем, и для среднего расейского обывателя – чтобы взбеситься, достаточно того, что Айсулу нерусская. «Ах ты, драная азиатская кошка!.. Хочешь прибрать к рукам мою квартиру?.. Надеешься, я пропишу тебя на своих квадратных метрах?.. Да фиг тебе!..». (Вообще, моя интеллигентная бабушка не употребляет крепкие словечки. Но – я уверен – при виде Айсулу подняла бы волны нецензурной лексики, какой нет в словаре академика Огурцова).

Восточному человеку – чтобы быть принятым в расейское общество – надо быть владельцем миллионного бизнеса или хотя бы иметь за пазухой диплом доктора наук.

...Днем лили дожди. Так что по дороге от метро до университета или до зоогостиницы мне редко удавалось не промочить ноги и не заляпать брюки жидкой грязью. Ночью переходила в контрнаступление зима. Вылезешь из теплой постельки, посмотришь в окно на город: газоны, тротуары и криво припаркованные авто – покрыты тонким слоем чистого белого снега. Прогрызающий тьму свет фонарей со столбов – кажется ледяным. Слышно: где-то в подворотнях отчаянно кричат бродячие коты.

Конец февраля – начало марта. Самое депрессивное время в году. Не поймешь: зима ли еще на дворе – или уже чахо-

точная весна?.. Время клубящихся черно-серых туч. Сырости. Гнилого мусора и прошлогодних собачьих экскрементов – обнаружившихся под стаявшими сугробами. Бессонницы и томления. В самый раз глотать витаминки и пить чай с имбирем.

Мое нервное напряжение достигло предела. Бабушка скоро укатит в дом отдыха. И тогда... Тогда... Айсулу будет стоить и изгибаться в моих объятиях. Она сделает меня мужчиной. Конечно: мне хотелось, чтобы мой первый раз был по любви. Но что делать?.. Изнутри меня жег огонь. Моя мужская природа требовала плотских радостей.

Кто знает – сбудутся ли мои далеко уходящие мечты?.. Не загорится ли любовь между мною и Айсулу уже после того, как мы сколько-то раз предадимся взрослым утехам?.. А пока что я весь трепетал, как листок на ветру – в ожидании свидания с проституткой.

И вот настал знаменательный день... Бабушка собрала чемодан.

– Ну что?.. Отправляюсь я, внучок, – сказала она. – Ты, главное, не голодай без меня.

Она показала мне трехлитровую кастрюлю борща. И другую кастрюлю – с компотом. Пирожки – горочкой громоздящиеся на подносе. Сковородку с жареной картошкой и мясом. Еще в холодильнике были яйца, колбаса, молоко, бекон. Хватило бы прокормить не только меня – не очень-то мощного едока – но и целый батальон.

В тот день мне не надо было на работу. И в университете не было занятий. Проводив бабушку до такси – я вернулся в квартиру. Прошелся по комнатам.

В бабушкиной спальне – желтые шторы на окнах, кадка с ветвистым зеленым фикусом в углу, чучело орла наверху комода. В моей комнате – широкая кровать, письменный стол, на котором располагается ноутбук; полка с книгами. На кухне – стол, длинная скамейка, календарь с лисой, настенные часы с Амурами, стилизованные под старину.

Родное гнездышко... Здесь я агукал у мамочки на ручках. Ползал по мягким коврам – пока не научился ходить. Играл с плюшевым тигренком и резиновым верблюжонком.

И теперь знакомые с детства стены – на которых раз семь, на моей памяти, переклеивали обои – станут свидетелями того, как я пройду своеобразный обряд инициации, предписанный самой природой. Соединюсь с девушкой. Стану из мальчика мужчиной.

Как? Неужели? Сейчас?..

Кровь громыхала у меня в висках. Сердце тяжелым молотом ударяло в грудную клетку. Ноги подгибались в коленях. Я нашел в телефоне в списке контактов номер Айсулу и – тяжело дыша – опустился на диван.

Да. Сегодня. Моя жизнь расколется на «до» и «после». Если я – конечно – не струшу.

Может быть, это и нехорошо – пользоваться услугами проститутки. Но что мне делать – если иначе меня сожрет

пламя, струящееся по моим венам?.. Возможно, ночь с пуганой – необходимый шаг в моем запоздалом взрослении. И – клянусь – я не обойдусь с Айсулу как с грязной шлюхой. Я буду нежен с милой тюрчанкой, точно с фарфоровой куколкой.

Ну что, брат?.. Осталось только позвонить?.. С богом!..

Дрожащий от волнения – я нажал на сенсорном экране кнопку вызова.

Гудки. Гудки... И вот наконец:

– Алло. Слушаю, – раздался в трубке равнодушный усталый женский голос.

Мне как-то сразу подумалось, что мне ответила не Айсулу. О, ее голосок должен был звенеть колокольчиком!..

Не очень вдохновленный началом разговора – я сказал без всякой бодрости:

– Мне бы Айсулу...

– Приглашаете девушку на дом?.. Или подъедете в апартаменты?.. – деловито поинтересовалась женщина.

– На дом... – хрипло откликнулся я.

– Сколько времени вам понадобится? – спросила моя собеседница. – Час?.. Два?.. Ночь?..

– Два часа, – так же хрипло ответил я.

Я подумал: целая ночь – на первый раз – слишком круто. А часа мне может не хватить.

– Хо-ро-шо, – растягивая слоги, произнесла женщина. – Вас устроит, если девушка подъедет в девять вечера?..

– Да. Конечно...

– Два часа – семь тысяч червонцев, – сказала женщина. –

Плюс оплатите девочке такси. Вас все устраивает?..

– Д-да...

– Окей. Тогда подскажите свой адресок.

Я назвал свой адрес и даже код домофона.

– Отлично. Ждите. Девушка подъедет, – сказала женщина и попрощалась.

Отложив телефон – я несколько секунд сидел, как оглушенный.

Боже. Я сделал это!.. Я вызвал проститутку. Я. Вызвал. Проститутку. Камень сорвался с вершины и покатился по склону горы. Отступать поздно. Я не маленький мальчик, чтобы зарыться с головой в одеяло и трусливо дрожать. Потерев виски – я постарался собраться с мыслями.

Так. Айсулу приедет в девять часов. Впереди – целых полдня ожидания. Мне надо не опростоволоситься – и хорошенько подготовиться к встрече с красавицей.

«Девушка легкого поведения» будет – как-никак – моей гостьей. А гостью следует чем-нибудь попотчевать. Я подумал, что поить «жрицу любви» бабушкиным яблочно-грушевым компотом будет как-то грубо. Поэтому сходил в супермаркет и купил двухлитровый пакет ананасового сока и бутылку рубиново-красного вина. (Принять немножко алкоголя для храбрости – мне точно не помешает).

Еще я прихватил несколько мандаринов. Да грамм по две-

сти кураги и изюма. На обратном пути из магазина я завернул в аптеку. И – задыхаясь от смущения – попросил:

– Упаковку презервативов, пожалуйста.

В восемь вечера я был – что называется – на старте. На ночном столике стояли: вазочка, в которую я красиво уложил мандарины, пакет сока и бутылка вина. Блюдо с сухофруктами. Достал я и изящные прозрачные бокалы – которыми мы с бабушкой пользовались только по большим праздникам вроде рождества.

Я сидел на диване. То и дело смотрел время на часах. У меня тряслись коленки.

Скоро, совсем скоро Айсулу переступит мой порог. Надо держать пальчики скрещенными за то, чтобы все прошло, как по маслу. В интернете я читал: разное случается с парнями во время первого сексуального опыта. Кто-то (простите!..) быстро кончает. У кого-то – неожиданно – не получается возбуждаться.

ТЬфу. ТЬфу. ТЬфу. Я мысленно трижды плюнул через левое плечо – прогоняя условного бесенка.

Нечего трепетать, как кроличьи уши. Вот увидишь, приятель: все будет хорошо. Айсулу разденется перед тобой. Ты сгребешь ее в охапку и повалишь на постель. А дальше сама мать-природа подскажет тебе, что делать. Ты сорвешь на полянке любви чудесную ягоду...

Ровно в девять часов в дверь квартиры позвонили.

Я вскинулся. Шумно вдохнул и выдохнул. Собрал всю

свою решимость. Вставай!.. Отклейся от дивана. Ты же хочешь стать мужчиной?..

Сунув ноги в шлепанцы – я торопливо вышел в прихожую. Открыл дверь... И застыл, как под взглядом Медузы Горгоны. На пороге стояла девушка... Но... это была на Айсулу!.. Совсем не Айсулу!..

Что мне было делать?.. Ущипнуть себя, чтобы убедиться: я не сплю?.. Бог посмеялся надо мной?..

Передо мною была девушка – типичная славянка. С голубыми глазами и каштановыми кудрями. Довольно крупная. Таковую и в потемках не спутаешь с Айсулу – миниатюрной и стройной.

Я стоял с отвисшей челюстью. Скользнула мысль: может, Айсулу еще придет?.. А эта мадмуазель – соседка с тринадцатого этажа, хочет попросить соли?.. Но дамочка рассеяла мои сомнения:

– А я к тебе, зайчик!.. Можно войти?..

– Д-да... – я отодвинулся, давая гостье проход.

Уверенная в себе проститутка ступила в квартиру. Сняла куртку и повесила на крючок. Вылезла из сапожек.

– А где Айсулу?.. – несмело поинтересовался я.

– Какая Айсулу, зайчик?.. Я совсем не хуже!.. – мадмуазель игриво подмигнула мне, поправляя рукой в браслетах коричневую прядь.

– Э-э... В интернете была фотография... – пустился я в сбивчивые объяснения. – Фотография красивой девушки...

восточной... Я думал: эта девушка и приедет...

Я чувствовал, что краснею, как рак в кипятке. Я был охвачен растерянностью и смятением – а проститутка улыбалась, оставаясь неподражаемо спокойной. Должно быть, голубоглазая славяночка заматерела в общении с клиентами. И умеет себя держать.

– Ай, ты мой сахарный!.. – рассмеялась проститутка. – Хотел Айсулу – а приехала Маша. Меня – кстати – Маша зовут... Ты что, милый, не знаешь, что девяносто процентов анкет девочек в интернете – фейковые?.. Кто же будет светить лица настоящих проституток?.. Для анкеты выбирают фотографию какой-нибудь актрисы или порнозвезды... Ты звонишь – и попадаешь в салон. И тебе предлагают девчоночку, которая на тот момент свободна... Ох, ты ничего этого не знаешь, хомячок!.. Поди, в первый раз проститутку пригласил?..

– Да, в первый... – признался я.

– Ай, ты мой золотой!.. – снова засмеялась Маша. – Может быть, ты еще и девственник?..

Я глядел в пол. Повисло неловкое молчание.

– Ну что же?.. – спросила путана. – Мы так и будем стоять в прихожей?..

– Н-нет... Пожалуйста, проходи... – я кивнул в сторону комнаты.

Я сгорал со стыда. Вдобавок, я был донельзя разочарован: ко мне приехала не Айсулу – а совсем не похожая на нее

барышня. Настоящего удовольствия я не получу. Но я поко-
рялся развитию событий, как щепка – течению.

– Вина?.. – хрипловатым голосом предложил я.

– Я на работе не пью, – улыбнулась проститутка.

– Тогда соку?..

– Пожалуй.

Я налил себе алого – как кровь – вина, а Маше – ананасо-
вого сока. Разом ополовинил свой бокал – в надежде, что ал-
коголь поможет мне расслабиться. Путана сделала несколь-
ко глотков:

– Очень вкусный сок.

– Изюм. Курага. Угощайся, – так же хрипловато сказал я.

– Спасибо, котик.

Попробовав сухофрукты – Маша деловым тоном произ-
несла:

– Так, дорогой. У нас с тобой два часа. Сюда входят два
окончания и массаж. Ну что – поехали?..

– Хорошо... – откликнулся я.

– Тогда раздевайся, дорогой.

Проститутка сама проворно скинула одежду. Оставшись
только в трусиках – села на диван.

Я тоже разделся до трусов. Сердце громко-громко коло-
тилось. во рту пересохло. С трудом удерживая в дрожащей
руке бокал – я хлебнул еще вина. Широко распахнувшимися
глазами я смотрел на голую путану – на бедре у которой был
вытатуирован какой-то древнеегипетский иероглиф.

Маша была весьма плотного телосложения. Груды ее были, как добрые дыньки. А я-то грезил о красавице с тонкой талией и с грудями, как маленькие наливные яблочки!.. И все-таки – передо мной была девушка. Обнаженная девушка... Волнение мое зашкаливало.

Протянув руки – я слегка дотронулся до грудей проститутки.

– Смелее, солнышко, – весело подбодрила меня Маша.

Я погладил «дыньки». Провел между ними ребром ладони. Потом – набравшись наглости – поцеловал левый, а затем и правый сосок. Я дышал глубоко и прерывисто.

– Ложись на спину, – сказала Маша.

Я повиновался.

Проститутка стянула с меня трусы. Накрыла меня всем телом – и принялась тереться об меня, как огромная кошка. А напоследок чмокнула меня в шею. Я почувствовал эрекцию.

Девушка снова поправила вьющиеся каштановые волосы. Достала презерватив и ловко (сразу видно: профессионалка) натянула на мой удлинившийся затвердевший член. Обхватила пенис губами и принялась совершать головой поступательно-возвратные движения.

Я разомлел от непередаваемой неопишуемой сладости. Мускулы мои размягчились. Я запустил пальцы в коричневые волосы путаны. Головой провалился в подушку. И – в блаженстве – закрыл глаза.

Далее произошла бурная разрядка. Я дернулся и аж засто-

нал – до того мне было хорошо.

– Уже?.. – приподнялась на локтях путана. – Так быстро?..

Она сняла с меня и бросила на пол полный спермы презерватив.

– Немного отдохнем, дружочек?..

– Д-да... – согласился я, еще не отошедший после удовольствия. Сердце мое потихоньку сбавляло бешеный ритм. В мозгу никак не устаканивалась мысль, что я сейчас впервые занимался сексом. Причем не классическим – а оральным. Как, интересно, считается: лишился я невинности или нет?..

Маша осушила свой бокал:

– А ананасовый сок у тебя все-таки хорош, голубок.

Я проворно встал и подлил путане соку.

– О, спасибо!.. Ты такой галантный кавалер!..

Она тряхнула волосами и откинулась на спинку дивана.

– Ну что, мой плюшевый?.. Развлечь тебя разговором? Это – знаешь ли – тоже входит в обязанности представительниц нашей благородной профессии. А не только совокупление.

– Д-да... – робко отозвался я. – Как мне все-таки вызвать девушку... такую, как на фото?.. Мне нравятся девочки... восточные...

– Ай ты какой затейник!.. – шутливо погрозила мне пальцем Маша. – Но – гляжу – ты и впрямь новичок в общении с проститутками.

Маша рассказала мне много интересного. Она повторила, что в анкетах на сайте никто не будет «светить» фото реальных путан. Как правило, выставляются фото какой-нибудь смазливой актрисы из «фильмов для взрослых».

За каждым таким фото стоит салон. «Салон» – как я легко догадался – это толерантное наименование борделя. Когда ты звонишь по номеру телефона, указанному в анкете – трубку берет не проститутка, а оператор. Чтобы наткнуться на просторах интернета на путану, работающую в частном порядке – так называемую «индивидуалку» – должно крупно повезти.

Оператор – конечно – учтет твои пожелания. Хочешь ли ты блондинистую барышню или темненькую. Бледную или «кровь с молоком». И все же, главная цель оператора – в любом случае подложить под тебя проститутку. Оператор не скажет: «Извините. Таких девочек, как вам нравятся – у нас нет». Не удивляйся, если вместо свежей молодой девчонки тебя будет ждать в апартаментах мадам лет в возрасте сильно за тридцать, с не самой гладкой кожей. Или если вместо хрупкой тюрчанки Айсулу к тебе приедет жилистая славянка Маша.

– Иное дело салоны vip-уровня, – продолжила Маша. – Там подберут ровно такую красотку, как ты хочешь. Знойная латинка?.. Сочная мулатка?.. Восточная очаровашка?.. Шатенка с ямками на щеках?.. Пожалуйста: ассортимент широкий!.. Элитная проститутка доставит тебе сказочное удо-

вольствие. Тебе покажется, что ты побывал в раю. Только – как ты понимаешь – цены в вир-салонах кусачие. Никакой зарплаты не хватит.

– А мне так хотелось... смугляночку-тюрчанку... – с грустью обронил я.

– Ну что?.. – спросила Маша. – Я тебя еще разок обслужу – да поеду?..

– Давай...

– Тогда ложись.

Проститутка сняла трусики. И, тряхнув волосами – голая – начала теревить мой член. Я возбуждился – даже слегка застонал.

– Какой богатырь!.. – посмеялась Маша, ловко надевая мне презерватив.

Она села мне на бедра – так, что я видел ее спину и выющиеся волосы. Благодаря порнофильмам я знал: это поза «перевернутая наездница». Маша ввела в себя мой пенис и задвигалась вверх-вниз, постепенно наращивая темп.

Я издал протяжное «о-о-ох!» – когда мое семя излилось. Маша слезла с меня. Утерла лоб. Стянула с меня презерватив. И – на правах любовницы – взъерошила мне волосы:

– Вот и все. Ты хороший мальчик. У тебя будет еще море секса – пока тебе не стукнет пятьдесят.

Маша подбирала с пола свою разбросанную одежду.

Я подумал: конечно, я получил не то, что хотел. Вместо нежной Айсулу прикатила грубоватая Маша. Однозначно не

королева красоты. Вместо шоколадной конфеты тебе подсушили шпроты в масле. И все-таки – Маша старалась. Ублажала меня.

Я выразил свою признательность – наполнил бокал ананасовым соком и предложил:

– На. Выпей на дорожку.

– Спасибо!.. – обрадовалась Маша. – У тебя очень-очень вкусный сок.

Уже застегивая бюстгальтер – она задумчиво посмотрела на меня:

– Так тебе нравятся смуглые восточные девушки?..

– Да, – потупился я.

– Что же мне тебе посоветовать?.. – выпятив нижнюю губу, Маша постучала пальцем по столику. – А вот что!.. Недолгое время у нас в салоне работала дамочка из восточных краев. Скажу, положив руку на сердце: красавица. Настоящий медовый леденец. А уж если женщина хвалит красоту другой женщины – это что-то да значит... Имя нашей шемаханской царевны я – понятное дело – не знаю. У нас не принято паспорта показывать. А псевдоним у нее был Гульназ... Гульназ недолго у нас продержалась. Хотя для клиентов она была что для обжоры румяный пирожок – нарасхват. Но нервная была... И с независимым характером, как у кошки. Повздорила с сутенером – и бросила салон. Мы были как бы приятельницы. Так Гульназ шепнула мне на ушко, что попробует заниматься нашим ремеслом самостоятельно. В

индивидуалки податься... Ну так вот что. Я дам тебе номер телефона Гульназ. Вот тебе и восточная девушка. Кланяйся Гульназ от меня. Скажешь, что это Маша из салона подогнала клиента. Давай, записывай номерок...

Я вбил в смартфон циферки, которые продиктовала Маша. Затем – как был голый – проводил одевшуюся проститутку до двери квартиры. Маша влезла в куртку и сапожки. Сделала мне ручкой:

– Ну, чао, дорогой!..

Защелкнув за Машей замок – я еще торчал пару минут в прихожей в состоянии легкого шока. Наконец – на подгибающихся ногах вернулся в комнату. Обессиленный – провалился ягодицами в подушки дивана. Плеснул себе багрового винца в бокал. И... расхохотался. А из глаз моих брызнули слезы.

Вот оно как!.. Сегодня я попрощался с девственностью!.. Сколько, сколько я рисовал в воображении свой первый сексуальный контакт. Он представлялся мне неким таинством. Исполнением священного обряда.

Я фантазировал: с темноглазой красавицей – настоящей пери из стихов Низами и Камола Худжанди – я лягу на мягкую постель. Сначала мы будем долго ласкать друг друга. Я покрою тело милой поцелуями – с головы до пят. Зароюсь лицом в мягкие черные волосы любимой. Буду гладить и мять похожие на жасминовые бутоны груди. А любимая будет изгибаться в моих объятиях. Сплетать руки на моей шее.

Призывно заглядывать мне в глаза.

Наша страсть будет разгораться, как трескучий костер – в который подкладывают сухой хворост. Я подомну возлюбленную под себя. Жарко поцелую в губы. Мы соединимся в соитии. Красавица будет горячо стонать подо мной...

Так было в мечтах. А что я получил на деле?..

А на деле мой первый раз был не с восточной кудесницей – в образ которой я безнадежно влюблен – а с упитанной девицей Машей. Не то что не красавицей – но даже и не особо симпатичной.

Какие тут знойные ласки?.. Все свелось к грубой механике. Я был точно закупоренный узкогорлый кувшин с раскаленным газом. Пробку вышибло. Газ с шипением вырвался наружу. Я получил от этого некоторое удовольствие.

Но эстетического наслаждения я не испытал никакого. Не было ни чувственности, ни жгучей страсти. Ни единой искорки!.. Мы спарились, как животные.

Плюс ко всему – Маша, уверенная в себе, верховодила всем процессом. Мне оставалось только покорно лежать – пока она выжимает сперму из моего члена. Маша – опытная путана. А я ее пятидесятый или сто двадцать шестой клиент. Конечно: потрепанной шлюхе не до поцелуев и обнимашек. Не до нежного шепотка. Половой акт для нее – не больше, чем отработанные ритмические движения. У меня осталось чувство: это не я – а меня поимели.

Я шумно отхлебнул из бокала. Подлил себе еще вина и –

хлопнув себя по лбу – снова горько расхохотался.

А что ты хотел за семь тысяч червонцев, приятель?.. Ты забыл, что живешь при капитализме?.. Сколько заплатил – на столько и получил. Семь тысяч червонцев не такая большая сумма, чтобы путана разыгрывала пламенное вождение и имитировала мульти-оргазм.

Вот если бы ты выложил не семь, а семьдесят тысяч червонцев!.. Тогда бы тебе вмиг подыскали смуглую черноглазую принцессу – с которой ты осуществил бы все свои сексуальные фантазии. Вы были бы как турецкий султан и искусная в науке страсти рабыня – на широком ложе, застеленном узорным покрывалом.

Но забудь, забудь!.. Обворожительные принцессы и горячие султанские невольницы – не для лузеров. Ты ведь никогда не держал в руках семьдесят тысяч червонцев. Крохотная зарплата смотрителя кошачьего отеля и денежные подарки бабушки – это все, что у тебя есть.

Если тебя не пускают в фешенебельные рестораны – жри фастфуд в дешевой забегаловке. Бери то, что доступно. А шикарных элитных проституток – фотографии которых ты можешь нарыть в интернете – будут «сношать» преуспевающие бизнесмены и надутые, как жабы, директора. Или – на худой конец – менеджеры среднего звена, сделавшие приличные накопления.

Деньги уравнивают людей. Но только когда у тебя и у того уважаемого дядечки в безукоризненном черном пи-

джакет и полосатом галстуке – одинаковая сумма на банковских карточках. Во всех остальных случаях – деньги возвышают уродов. Нравственных горбунов. Заставляют достойных крошить зубы о камни и есть грязь...

Слышно было, как на кухне тикают настенные часы и тахтит холодильник. Даже не надев трусы – я сидел в полумраке комнаты. И – бокал за бокалом – глушил красное вино. Из груди моей вырывался нерадостный смех – переходящий в кашель и хрипы.

Можно сколько угодно поднимать кверху нос, обливая проститутку презрением за продажу тела. А сам-то ты хоть чем-то лучше?.. Если аморально продавать себя на час, на два часа, на целую ночь (что делает проститутка) – то разве не аморальнее покупать?..

И я – весь такой из себя романтик, почитатель возвышенной лирики Низами и Джами, поэт (пусть и дрянной) – я замазался грязью. Как сказал какой-то тонкий мыслитель: «Я не презираю проститутку. Но презираю себя за то, что спал с ней». И ведь я продолжу барахтаться в грязи – как поросенок.

Добрая Маша дала мне номер своей приятельницы Гульназ. Гульназ... Я ничего не знал об этой девушке, кроме имени. Да и имя-то – на самом деле – псевдоним. Но – как я ни сдерживался – меня бумажным корабликом понесло по морю воображения.

Я грезил о Малике, потом об Айсулу. А теперь в список

добавилась еще и Гульназ. Теперь Гульназ рисовалась мне идеальной восточной девушкой. «Брови, как черные полумесяцы. Глазки блестят». Немногих слов, которыми Маша набросала портрет своей подруги – хватило, чтобы разжечь в моей груди костер.

Меня захватила новая надежда. То, что я не получил от несуществующей Айсулу – мне даст Гульназ. Я буду, буду сжимать в объятиях смуглую красавицу – гурию, пери из стихов Хафиза и Саади. И я выложу за это – не жалея – хоть семь, хоть десять тысяч червонцев.

Я еще не знал, сколько берет за свои услуги Гульназ. Если плата относительно невысокая (и мне по карману) – девушка вряд ли станет особо энергично отрабатывать денежку. Не будет томных взглядов. Ни страстного шепота: «Милый, милый...». Скорее всего, Гульназ – как и Маша – попытается все свести к примитивной механике.

Но я уже приобрел какой-никакой опыт. Я не буду лежать, как покойник, предоставив девушке что-то творить с моим членом. А возьму активную роль на себя. Стисну Гульназ в объятиях. Потом прижму к кровати – и...

Я разразился очередным приступом колючего нервного смеха. Чуть не расплескав вино – поднес бокал ко рту и одним махом вылил себе в глотку.

Вот я какой. Романтик. Пай-мальчик. Стихоплет... Любитель шлюх. С «нормальными» девушками у меня ничего не выходит – я и покупаю взрослые утехи за деньги. Кабанчик,

роющийся пяточком в отбросах.

А впрочем – сильно ли отличаются так называемые «нормальные девушки» от так называемых «проституток»?.. Вопрос только в ценнике, который те и другие на себя наклеили.

«Порядочная девушка» и не посмотрит на тебя, если тебе не по кошельку угостить ее в приличном кафе. Если на день влюбленных ты подаришь ей банальные цветы – а не кулончик на цепочке из чистого серебра и не золотые серьги.

Та же Снежана дала мне «от ворот поворот», потому что я – видите ли – не достаточно пер-спек-тив-ный. Т.е., не смогу покупать ей туфли от элитных брендов и возить ее в отпуск в Западную Европу. Чем – в таком случае – Снежана лучше Маши?.. Может быть, наоборот – Маша честнее?..

«Уважающая себя девушка» потихоньку (как пиявка – кровь) сосет из тебя деньги, постоянно намекая: хочу в подарок сапожки, хочу новый смартфон, модный тональный крем. А с проституткой все просто: заплатил – покувыркались в постели – разбежались. Вот тебе и разница.

А как же настоящая любовь?.. Такая, как между Фархадом и Ширин?.. Меджнуном и Лейли?.. Что это за птица в ярком переливчатом оперении?.. На каком дереве свила гнездо?..

Нет – всему вопреки, я верил, верил в истинную любовь. И даже в то, что когда-нибудь ее обрету. Но сейчас я переваривал другие планы: позвонить проститутке Гульназ и договориться о ночи развлечений.

В моем бокале закончилось вино. Пусто было и в бутылке. Я перевернул бутылку горлышком вниз над бокалом и постучал по доньшку – в надежде, что в бокал прольется хотя бы пара капель багряного напитка. В досаде отставил бутылку на край столика.

В голове шумело. То ли от вина – то ли от переживаний. Что было делать?.. Я отправил себе в рот горсть кураги. Медленно прожевал. Потом завалился на диван, натянул на себя покрывало и закрыл глаза – в надежде уснуть.

Но блаженный сон не приходил. Скорее, я впал в полубредовое состояние. Я ворочался – а с губ моих слетало: «Гульназ!.. Айсулу!.. Малика!.. Малика!.. Малика!..».

Имя Малики я повторял чаще всего. Гульназ я не видел даже на фото. Мнимая Айсулу – оказалась какой-то порно-звездой, снимками с которой так бессовестно воспользовался салон, чтобы приманивать клиентов. Воплощением нежности и красоты для меня оставалась Малика. Темноглазая смуглянка, стоявшая за кассой в дешевом бистро.

Из глаз моих катились пьяные слезы. Сердце в груди рвалось на куски. Я горевал о том, что всего лишь раз видел Малику – а потом беспощадный вихрь раскидал нас в разные стороны.

Почему, почему я тогда не заговорил с Маликой о чем-нибудь, кроме салата и пирожков?.. Мне казалось сейчас, что достаточно было выдать: «Девушка, я хочу с вами познакомиться» – чтобы у нас с Маликой все сложилось. И была бы

у нас самая настоящая любовь, которая не знает условностей и расчета.

– Малика. Малика. Малика... – бормотал я, соскальзывая – наконец – в бездну сна.

8.Алые розы

Два дня прошли, как в тумане.

Хорошо, что бабушка была в своем доме отдыха. Иначе бы заметила: я не совсем в себе. Не дай боги – еще вызвала бы скорую помощь. Разве смог бы я объяснить облаченным в белые халаты, вооруженным тонометрами да шприцами с длинными сверкающими иглами докторишкам, что у меня болит не тело – а тонкая субстанция, называемая в народе «душа»?.. Тут не спасут никакие таблетки. Кроме – может быть – забористых «колес», с помощью которых психиатры превращают буйных шизофреников в сонных овец.

Я был точно путник, страдающий в пустыне от жажды. Настолько мне не хватало женской ласки. Я грезил наяву. Кисть воображения рисовала мне облик то Малики, то Гульназ. Впрочем, Гульназ казалась мне сестрой-близняшкой Малики; с такой же родинкой у губ. Недавно у меня сливались в одно Малика и Айсулу – а теперь я смешивал, как красное вино с белым, образы Малики и Гульназ.

Если разобраться: я совсем недолго смотрел на Малику и вовсе не видел Гульназ. В том, какими я рисовал я себе то ли

двух девушек, то ли одну – больше, чем кондового реализма, было поэтической фантазии. Возможно, на самом деле я сторал по сказочной пери – существующей только в рубаи и газелях персидских и тюркских стихотворцев.

Я надеялся найти в проститутке хоть бледное сходство с вымышленной кудесницей. Я мог записать себе в плюс: я думаю не только о том, чтобы по-звериному совокупиться. Нет – мне нужно восхищаться женщиной. Писать о ней стихи. Или – если со своими виршами не очень-то получается – декламировать Низами, воображая, что строки мастера написаны о предмете моего вожделения.

Два дня мои мысли были заняты только тем, как я позволю Гульназ. Назначу встречу. И либо буду ждать проститутку к себе в гости, либо сам поеду к путане в апартаменты.

Я был будто пьяный или накурившийся травы. На работе еле-еле справлялся с привычными обязанностями. И мне стоило огромных трудов поймать и водворить на место шустрого Сясю, который – стоило мне приоткрыть дверцу «аквариума» – выскакивал наружу и принимался летать по помещению.

Кое-как подметя в боксах, поменяв наполнитель в лотках и насыпав в миски корму – я вскрывал пакетик чипсов. Откручивал крышку пластиковой бутылочки со сладкой газировкой. И – хрустя чипсами, проливая себе в глотку «цитрусовый микс» – утыкался в раскрытый томик Саади или Лутфи.

Я читал – и все больше проникался нежностью и страстью, которыми дышали стихи. Едва сдерживал слезы. Мне казалось: я читаю волшебные строки Малике-Гульназ. Образы двух девушек сплавливались для меня в одно. И моя роковая возлюбленная будто слышала меня – несмотря на расстояние.

В конце смены я снова подметал в боксах, задавал кошкам корм и водицу, ловил неугомонного Сясю. Несколько раз проверив, закрыты ли «аквариумы» и полны ли миски у моих хвостатых подопечных – я гасил свет и запирали за собой на ключ дверь зоогостиницы.

По дороге от бизнес-центра до метро – я покупал в киоске баночку коктейля «отвертка» или «вертолет». Казалось: мне требовалось топливо в виде алкоголя, чтобы выполнять свои обычные дела, ходить и дышать. Держаться в рамках приличий.

Если б я не глушил мозг алкоголем – я кричал бы, как раненный кот, от неутоленной страсти. Меджнуном – с разорванной на груди рубахой – помчался бы вдаль, твердя имя любимой: «Малика!.. Малика!.. Малика!..».

Придя домой – я без аппетита ужинал бабушкиными супом и пирожками. Еще немного читал Навои или Лутфи. Карябал в блокноте собственные стишки. И – наконец – заваливался спать. На тот самый диван, на котором потерял девственность.

Я долго ворочался и не мог сомкнуть глаз. Казалось: про-

стыня горит подо мной. Я и сам – будто бы – был наполнен изнутри жарким гудящим огнем.

Наконец я забывался сном. И попадал в хоровод соблазнительных видений. Красавица-тюрчанка с родинкой у краешка губ – полуодетая, с распущенными волосами – томно улыбаясь, манила меня за собой. Протягивала мне кубок с рубиновым вином. Смеялась нежным смехом – похожим на журчание чистого ручейка. Я пытался обнять красавицу – а та легко ускользала. Оборачивалась, глядела: преследую я ее или нет?..

Я просыпался со слезами на глазах. Шепча:

– Малика... Малика... Гульназ...

Мне хотелось опрокинуть себе в глотку пол-литра коктейля – хоть так притупить тоску, которая штопором проворачивалась у меня в сердце. Спасало только то, что я был дисциплинированный парень. Почистив зубы и поплескав себе на лицо холодную воду – я собирался и ехал на работу.

Мое желание женской ласки, поцелуев, объятий – перерастало в какое-то помешательство. Я надеялся лишь на то, что мне станет легче, когда я пересплю с Гульназ. Только бы она и правда оказалась подлинной восточной красавицей!.. Тогда я стану частым гостем в апартаментах Гульназ. С каждой зарплаты я буду выделять деньги на то, чтобы провести время с Гульназ...

Фантазия уводила меня далеко – как петляющая среди сосен и елей лесная тропинка. Я рисовал себе в ярких красках,

что отношения с Гульназ (на месте которой я упорно представлял Малику) выйдут далеко за рамки схемы «проститутка-клиент». Я буду дарить прекрасной путане цветы и конфеты. Читать ей стихи. И, быть может, мы – как настоящие парень и девушка – держась за руки, прогуляемся однажды по берегу реки, под моими любимыми деревьями...

Так – в грезах и муках – прошло два дня, которые показались мне двумя вечностями.

Третий день был выходным. На университет я положил болт. Как раз было удобно позвонить Гульназ, договориться о встрече на вечер и – наконец – обнять свою проститутку.

Я проснулся утром с дико колотящимся сердцем. Сейчас, когда надо было сделать шаг, чтобы действительно увидеться с Гульназ – меня сковала нерешительность. Почти страх. Я лежал, натянув одеяло до самого подбородка, смотрел в белый потолок и дрожал, как от озноба.

Душа моя рвалась в клочья. Я сам не понимал – отчего. То ли меня червем грызла загнанная на периферию сознания мысль, что пользоваться услугами проститутки – нехорошо. То ли боялся, что Гульназ окажется не такой красавицей, как я себе воображаю. А может быть меня пугало, что выяснится: день у Гульназ полностью расписан. У нее будет возможность принять меня только завтра-послезавтра. Конечно!.. Если Гульназ и впрямь привлекательная девушка – клиенты должны выстраиваться к ней в очередь. И тогда еще день-два мне придется сгорать на пыточном костре ожида-

ния.

Я шумно вдохнул и выдохнул.

Вспомнил, сколько я томлюсь по идеальной восточной красавице. И как измучил меня беспощадный половой инстинкт. Господи, да я и в санаторий угодил (что бы об этом ни думала бабушка) из-за неутоленных желаний плоти!.. Неужели я останусь вращаться в кругу собственных страданий и несбывшихся мечтаний – как лошадь, бегущая по цирковой арене?..

«Нет. Просто сделай это», – приказал я себе, как удалой ковбой в каком-нибудь маразматическом вестерне. Даже зубами скрипнул.

Я свесил руку с дивана и нашарил на полу смартфон. Трясущимся пальцем потыкал в сенсорный экран – выбрал продиктованный мне Машей номер Гульназ. Нервно сглотнув – нажал «вызов».

Длинные гудки... Взвинченный до предела, точно лежащий на гвоздях – я зачем-то начал считать гудки. Шестой гудок... седьмой... Гульназ явно не торопилась брать трубку.

Пока я – как зачарованный – слушал гудки, у меня разве что волосы не поседели. Осой жужжала трусливая мыслишка: брось это дело, парень – отложи телефон!.. Достаточно того, что ты один раз замарался, проведя время с проституткой!.. Не прогуливай универ. Слушайся бабушку. И будет тебе счастье. А когда тебе исполнится двадцать пять лет (ты уже успеешь годика два проработать в какой-нибудь юриди-

ческой конторе) – женишься на хорошей девушке из своего круга... Ну и что, что не на красавице!.. Ну и что, что не на восточной!.. Зато твоя женушка будет тихая да покладистая. С лица воду не пить...

Двенадцатый гудок...

– Алло, – раздался из трубки мелодичный голосок, похожий на нежны звон маленького серебряного бубенчика.

Едва я услышал это краткое «алло» – как передо мной в блеске встал образ Малики. Малика!.. Это ее, ее голос!..

Да ну – бред какой-то. Просто последние два дня я только и делаю, что фантазирую о Малике – смешивая ее с Гульназ, которую никогда не видел. Чего удивляться, что любой сладкий девичий голос я готов принять за голос Малики?..

Я прерывисто дышал в трубку.

– Алло. Алло, – нетерпеливо повторила девушка. – Говорите!..

– Здравствуйте... – несмело произнес я. – Гульназ?..

– Да. Я Гульназ. Я слушаю.

– Гульназ... Я... Я хотел бы с вами встретиться...

Тут я запнулся, глотнул воздуха и прикусил губу. Телефон чуть не выпал из моих почти разжавшихся пальцев. Пульс у меня зашкаливал.

– Я поняла, котик, – отозвалась Гульназ. – Сегодня вечером я как раз свободна. Смотри. Два часика – восемь тысяч червонцев. Если останешься на целую ночь – двадцать одна тысяча червонцев. Количество окончаний не ограниче-

но. Оральный и анальный секс – оплачиваются как дополнительные услуги. Итак, что ты решил, зайчик?..

А у «зайчика» тряслись длинные уши.

– Х-х-хорошо... – проямлил я, заикаясь. – Я приеду сегодня в д-д-десять. На два часа – можно?.. Д-д-дополнительные услуги не требуются...

– Отлично, золотой, – сказала Гульназ. – Сегодня в десять. На два часа. Готов записать адрес моих апартаментов?..

– Погодите, Гульназ... – я сам себя как будто не слышал из-за оглушительного биения собственного сердца. – Еще один вопрос. Не поймите меня неправильно... Но... ты тюрчанка?.. Ты восточная девушка?.. И...

– Ясенько, соколик мой, – Гульназ тихонько рассмеялась. – Тебе важен типаж девушки, с которой ты собираешься развлечься. Что ж – ожидаемый запрос от мужчины. Ну слушай, мой принц. Да, я тюрчанка. Смугленькая. Черноглазая. Волосы – тоже черные. Худенькая. Миниатюрная... Размер груди тебя интересует?..

– С-спа-с-сибо... – выдавил я, чувствуя, что лицо у меня пылает от стыда.

– Я такая тебе понравлюсь?.. – кокетливо спросила проститутка.

– Очень!.. – признался я.

Если Гульназ выглядит точь-в-точь так, как себя описала – то, как сестра, похожа на Малику. На мой идеал.

– Ну, записывай адресок, богатырь, – сказала Гульназ.

...Отложив телефон – я сел на постели в позе Будды. Грудь у меня ходила ходуном; в висках гудело. Я поверить не мог: только что я договорился о свидании с проституткой. Причем с хорошенькой восточной проституткой – если верить словам самой путаны. Я подумал: было бы здорово попросить Гульназ, чтобы та прислала мне свои фотки на телефон. Но на такую просьбу мне не хватило дерзости.

До встречи с проституткой была еще уйма времени. Не кончилось утро – а мне отправляться ночью. Но нервы у меня уже были натянуты, как высоковольтные провода. Я встал – как был, в одних трусах – сунул ноги в шлепанцы и зачем-то прошелся по квартире. На кухне – постоял под якобы старинными часами, украшенными розовощеками Амурами.

Я разогрел в микроволновке и умял здоровенный ломоть бабушкиного пирога. Похлебал супу. Отметил в голове: часов в шесть или в семь надо снова основательно заморить червячка. В гости к путане следует ехать сытым. Я не на великосветскую обжорку отправляюсь – а удовлетворять совсем другие потребности.

Потом я – чашку за чашкой – лил в глотку молочный кофе, заедая печеньем и вафлями и открыв книгу «Семь планет» Алишера Навои. Но я едва не проносил чашку мимо рта. А строки стихов плясали у меня перед глазами. Тюркский поэт говорил о красавице Диларам – а я читал: «Малика» или «Гульназ».

Я разом страстно желал и до чертиков боялся увидиться с проституткой. В моих венах бушевал огонь – который (я знал) мне удастся на время потушить только разделив постель с темненькой красавицей. Это как почесать зудящее плечо. Но меня одолевали сомнения и тревоги.

Что если Гульназ окажется не настолько красивой, как рисует мое воспаленное воображение?.. Да что там!.. Мы уже проходили: вместо изящной восхитительной тюрчанки Айсулу – приехала ширококостная расеянка Маша. Как бы подобного номера не вышло и с (мнимой?) Гульназ. Ее сказанные по телефону слова – мол, я хрупкая восточная краля – могут ничего не значить. Возможно, я имею дело с потрепанной житейскими бурями белобрысой шлюхой лет под сорок, которая всеми правдами и неправдами тащит к себе клиентов.

Правда – нежный родниковый голосок в трубке... Он не вяжется с образом измученной невзгодами великовозрастной путаны...

Но пусть Гульназ – настоящая. И действительно красивая. Все равно: я находил, отчего трепетать мотыльком. Стоило опасаться хотя бы венерических болезней. Презерватив защищает – но всегда есть риск, что... Какие квадратные глаза сделает бабушка, когда веселый врач ей доложит: «Поздравляю. У вашего внука сифилис»?..

Ангел с моего правого плеча настойчиво верещал мне в ухо: «Забудь, забудь. Какие проститутки?.. Ты же добропо-

рядочный юноша. И вообще: твоя работа – это учеба. Помнишь?.. Вместо того, чтобы сохнуть по разным смазливym шлюшкам – подумал бы о том, как подтянуться по предметам, которые ты неслабо запустил!..».

Но сейчас же во мне кипучей волною поднимался протест. Нет!..

Я слишком сросся с личиной «благовоспитанного молодого человека». Так что начал забывать, какой я на самом деле. Надо сорвать маску – как отодрать бинты, приклеившиеся к зажившей ране.

Я не хочу зубрить кодекс Хаммурапи и римское право. И да – хочу играть во взрослые игры с привлекательной девушкой. Жгучей красоткой.

Таков уж я. Невыносимо загонять себя в стальные рамки – быть послушным внуком строгой бабушки и самым прилежным студентом на курсе.

Какая награда меня ждет за примерное поведение?.. А такая, что я сделаюсь чертовым клерком – до мозолей на заднице просиживающим штаны в офисе юридической фирмы. Боящимся начальства, как прайда львов-людоедов. Сплетничающим о том же самом грозном начальстве с сослуживцами.

По пятницам занимайся сексом с некрасивой женой. По субботам зависай с попкорном и бутылочкой пива перед телевизором – смотри сериал про ментов и воров. Вот и все твои убогие радости.

Нет. Нет. Нет.

Лучше быть курьером, раздатчиком рекламных буклетов. Грузчиком, поднимающим холодильник на тридцатый этаж. Но смотреть на мир широко раскрытыми глазами. Дышать полной грудью. Ни перед кем не лебезить. Не дрожать от страха при мысли, что не оправдываешь чьи-то ожидания.

И если для того, чтобы почувствовать себя собой, мне надо совокупиться с проституткой – значит так тому и быть.

Я догадался искупаться. На свидание с девушкой – хотя бы и продажной – надо отправляться чистым. Я почти с яростью драил кожу намыленной мочалкой. Как будто заодно вымывал из себя всю свою нерешительность.

После купания взялся за электробритву. Убрал жиденькую растительность с подбородка. Побрил подмышки. А немного подумав – и лобок.

Закончив гигиенические процедуры – снова читал Навои. Хлебал молочный кофе. Съел еще пару ломтей бабушкиного пирога. А то и просто метался по квартире – как лев по тесному вольеру. Нервы были напряжены. И казалось: кто-то исполняет на них – как на туго натянутых струнах – «Гаудеамус» или «Прощание славянки».

К восьми тридцати весь пол в квартире, все стулья, кровать, диван – точно засыпало горячими углями. Я не мог ни посидеть, ни постоять спокойно.

В восемь сорок пять я начал одеваться.

В восемь пятьдесят два я – уже в куртке, шарфе и ботин-

ках – застыл у двери квартиры. Только пальцы мои тряслись. Я чувствовал себя, как молодой капитан на старте регаты.

В восемь пятьдесят девять я вышел из подъезда.

Опытные «ходоки по шлюхам» легко относятся к очередному визиту к даме «с пониженной социальной ответственностью». Эти циничные дяденьки ощущают себя теми, кем и являются: клиентами, обращающимися за услугой. Для такого дядьки проститутка – и вовсе не человек. А что-то вроде резиновой куклы с натуральными волосами. Дырка для слива спермы.

Но я-то не такой. Я видел в Гульназ не куклу, а прекрасного ангела. Поэтому решил: не годится ехать к Гульназ с пустыми руками. Я должен как-то выразить ей свою признательность.

От идеи привезти бутылку хорошего вина я отказался. Возможно, Гульназ – как и Маша – «не пьет на работе». Я зашел в ближайший ТЦ и купил в цветочной лавке три ярко-алых розы.

Выйдя из ТЦ – я через мобильное приложение вызвал такси. Через пять минут прикатила желтая машина. Я открыл дверь и – протискиваясь в салон – уточнил у водителя:

– Здравствуйте. На улицу Огородникова?..

– Да, молодой человек.

Мы тронулись.

Я смотрел через стекло на проплывающий город. Оранжевые лучи одноглазых фонарей прорезали вечернюю мглу.

Блики света растекались по мокрому от недавнего дождя асфальту. Громадины многоэтажек с размытыми контурами – смотрели горящими квадратами окон.

Удивительно: теперь – когда мы летели по убегающему в сумрак шоссе – мне стало так... спокойно. Игральные кости легли на зеленое сукно. Решилось: я еду к проститутке. Не скажу же я водителю поворачивать назад.

На дорогах не было заторов. Таксист домчал меня быстро, как джинн. Высадил меня у роскошной – на века построенной – высотки. На выложенном плиткой аккуратном дворике – с деревцами в кадках и со статуями льва и тигра.

Желтое такси укатило. И тут мое сердце снова запрыгало, выбивая барабанную дробь. Я растерянно озирался.

На меня напал страх, в котором мне самому себе было стыдно признаться. Что если, раздевшись перед проституткой, я – от переизбытка волнения – не смогу возбудиться?.. Я слышал: такое бывает с парнями, только начинающими половую жизнь. Вот будет позор!.. Подходящий сюжет для трагикомедии. Гульназ – наверное – не удержится и посмеется надо мной.

Но, как говорил Юлий Цезарь: «Жребий брошен». Я буду горько-горько раскаиваться, если струшу и – не побывав у Гульназ – вызову такси, чтобы, не солоно хлебавши, уехать домой.

Я вдохнул и выдохнул.

Чуть сутулясь – как борец на арене – подошел к стальной

двери подъезда. Дрожащей рукой достал из кармана телефон и набрал Гульназ.

– Да, котик?.. – прозвучал нежный голос проститутки после второго же гудка.

– Гульназ... Я... я у подъезда...

– Вот и славненько, дорогой. Код домофона: кнопка «колокольчик» – восемь – девять – два – кнопка «решетка». Поднимайся на двадцать первый этаж. Номер квартиры...

И снова – как при первом телефонном разговоре с Гульназ – мне почудилось, что я слышу в трубке Малику. Что за чертовщина?.. Нет. Это все мое воображение. На месте Гульназ я представлял Малику – вот и...

Через несколько минут я стоял – прижимая к груди букет из трех роз – перед дверью, за которой меня ждала проститутка. Если б я был верующим – в пору было бы перекреститься и мысленно прочитать «Отче наш». Но я был материалист. Я просто позвонил в дверь.

Заскрипел, заскрежетал замок. Я потянул дверь на себя. И – потрянув зачем-то головой – шагнул в квартиру.

– Добро пожаловать, милый!..

Мне приветливо улыбалась хрупкая смуглая девушка в коротеньком платьице без рукавов и в длинных черных чулках.

И сразу рассеялись, растаяли, испарились все мои опасения и тревоги. Передо мной была не «Маша номер два». И – тем более – не задрипанная скрывающая свой возраст шлю-

ха. А пленительная темноглазая красавица – яркая, как звездочка. Настоящая перси из персидской или тюркской сказки. Гурия, сошедшая на грешную землю из цветущих садов мусульманского рая.

И (о, боги!..) эта родинка у нежных – по-детски чуть пухлых – губ, эти брови, будто нарисованные тушью, эти затевающие взгляд агатовых глаз ресницы... не только сразили меня наповал – но и показались мне... знакомыми. Наши двойники виделись в параллельном мире?.. Или... или передо мной Малика?..

Я спохватился.

– Ох!.. Это тебе.

Протянул девушке красные розы.

– Какая прелесть!.. Обожаю цветы!.. – воскликнула сияющая красавица. – А ты вешай куртку на крючок. Разувайся.

Сняв верхнюю одежду – я прошел за девушкой в красиво обставленную комнату. Здесь была широкая кровать и большой плоский телевизор. Пол – устлан узорным персидским ковром. На стене – натюрморт в резной раме. На тумбочке – статуэтка богини Исиды, пачка презервативов и бутылка минералки.

– Расслабься, дружок, – сказала проститутка, бросая на меня кокетливые взгляды. – Иди – прими душ. И тогда приступим к делу.

Я вылез из брюк, футболки и свитера. И – в одних трусах – направился в ванную. Страх, что мне не удастся возбудиться,

оказался пустым: у меня уже была мощная эрекция. И все-таки – мне хотелось знать: с кем я сейчас буду предаваться утехам плотской любви?.. С Маликой или Гульназ?..

Поэтому – выйдя из душа – я, набравшись решимости, выдохнул вопрос:

– Скажи... Как твое... твое настоящее имя?..

– А это имеет значение?.. – стрельнула глазами проститутка. – Для тебя я Гуль-на-аз.

Она так мило растягивала «а» – что сердце у меня так и застучало, будто хотело прыгнуть на маленькую ладошку продажной красавицы.

Я почувствовал, что у меня розовеют уши. Наверное, я выглядел сейчас невероятно глупо – как тыкающийся в стекло окна котенок; не понимающий, почему не может достать сидящего на карнизе воробья. И все-таки я выпалил:

– Ты... ты Малика. Осенью ты работала в бистро. Хозяин уволил тебя после того, как ты разругалась с наглым усатым покупателем...

Я прервался и нервно сглотнул. Зачем я все это сказал?.. Как будто то обстоятельство, что мы уже виделись, что-то меняет. Все равно: Малика – проститутка, а я – клиент. Грубо говоря: я солью излишки спермы – и уйду своей дорогой.

Малика (о да, это была Малика!..) переменялась в лице. Будто туча набежала на солнце. Улыбка стерлась с нежных губ. Малика села на край кровати. Подперла рукой голову. И с горечью обронила:

– Да... Я работала в бистро... Я много где успела поработать... Но настоящий талант у меня обнаружился к ремеслу проститутки.

Я стоял и молча глядел на Малику. Разговор у на складе-вался немножко не такой, какой обычно завязывается между клиентом и «ночной бабочкой».

Малика вскинула на меня свои блестящие агатовые глаза:

– Слушай. А я ведь тоже тебя помню. Ты тот парень с салатом «мимоза». Ты заступился за меня, когда крыса директор Османович меня увольнял.

От стыда мне захотелось сжаться в комочек. Как же!.. «Заступился»!..

Я не поставил наглого усача-метросексуала на место, когда тот начал словесно пердеть из-за отсутствия перца в тарелке с пельменями. Да и перед прикатившим директором – двумя «о» – я не защитил Малику. Только проямлил: девушка, мол, не виновата. По всему видать: Османович не принял мое мнение к сведению – раз Малика теперь работает не продавщицей в бистро, а проституткой.

О, настоящий мужчина с львиным характером заткнул бы скандалиста-метросексуала одним взглядом!.. А если бы усач осмелился и дальше вонять – вывалил бы негоднику на голову остатки «мимозы» и за ворот плаща уволок бы дурака за пределы заведения.

Да и перед Османовичем надо было не сопли жевать. А с мужеством солдата – четко и громогласно растолковать: уса-

тый субъект в плаще – повел себя как ослиное дерьмо, девочка – ничем не провинилась.

Вспоминая, как мне не удалось исполнить роль благородного рыцаря – я стоял с опущенной головой.

Малика поправила свои густые длинные волосы. И похлопала ладошкой по постели рядом с собой – приглашая меня сесть. Я повиновался.

– Ты хороший мальчик, – сказала Малика, заглядывая мне в глаза. Она перевела взгляд на ярко-алые розы, поставленные в расписную вазу: – Ах, а какие роскошные цветы ты мне подарил!.. Не помню, чтобы кто-нибудь дарил мне цветы. А ведь я люблю цветы. Особенно красные розы.

Мы сидели бедро к бедру. По телу моему пробежала приятная дрожь. Я был захвачен сладким томлением.

– Ты хороший мальчик, – повторила Малика. – А я умею быть благодарной. Я беру с тебя плату как за два часа – но остаться ты можешь до утра...

Я пожирал красавицу глазами.

– Ну что же?.. – сказала Малика, снимая через голову свое короткое платьице. – Приступим?..

Под платьицем у Малики были кружевные лифчик и трусики красного цвета. Я сглотнул от волнения. Набравшись смелости – положил руку красавице на грудь. Малика звонко рассмеялась и расстегнула лифчик. Ее обнажившиеся груди были точь-в-точь маленькие плодики или жасминовые бутонны.

Я покрыл жаркими поцелуями шею, грудь, темные пряди красавицы. Затем обнял Малику за талию и потянулся к девичьим губам – похожим на алые лепестки. Но красавица чуть отстранилась. Прижала пальчик к моим губам. Сказала, улыбаясь:

– Я не целуюсь в губы. Таковы правила ремесла.

Запрет на поцелуи в губы меня только распалил. Я с еще большим исступлением целовал затвердевшие соски Малики. Смуглые плечи. Стискивал проститутку в горячих объятиях.

– Пстой. Пстой, дорогой, – прошептала Малика, глядя меня по волосам.

Она нашарила на тумбочке пачку презервативов. Достала один. И ловко натянула на мой эрегированный пенис. Легла спиной на белоснежную простыню и подняла колени.

Шумно дыша – я навис над Маликой. Провел ребром ладони между ее грудями. Кровь так и грохотала у меня в висках.

– Сейчас... – Малика проворно сняла трусики и шире расставила ноги.

Мне хотелось кричать от страсти. Весь наряд красавицы состоял теперь из черных чулок – которые не закрывали ничего важного. Я – кажется – сходил с ума, глядя на треугольничек внизу живота проститутки.

Всем телом я прижал Малику к кровати. Спасибо порнофильмам: я знал, что делать дальше. Малика тихонько засто-

нала и выгнулась, когда я проник в нее. После нескольких толчков у меня произошла бурная разрядка. Я почувствовал огромное облегчение и сладость. И одновременно – сожаление, что все случилось так быстро.

– Я... могу и дольше... – как бы оправдываясь, смущенный, сказал я.

– Я знаю, дорогой, – проворковала Малика. Она красиво потянулась, прикрыв глаза.

Сидя над Маликой – я пустился исследовать притягательное тело смуглой красавицы. Я запускал пальцы в густые длинные волосы Малики. Щупал и целовал похожие на два наливных яблочка груди. Легонько пожимал ее тоненькие нежные пальчики. Ощущая волнение – клал ладонь у нее между ног или раздвигал половые губы.

Малика благосклонно принимала мои ласки. То ли нежные прикосновения ей и правда нравились – то ли это была профессиональная реакция проститутки. Малика сейчас напоминала довольную кошку. Не хватало только монотонного мурчания.

Минут через двадцать я снова почувствовал огонь в груди и возбуждение. Мигом уловив, что к чему – Малика надела мне новый презерватив.

Она охнула и тряхнула головой. Твердым, как камень, фаллосом я вошел в Малику. Она обвила ногами мои бедра. Черные, как смоль, волосы прекрасной тюрчанки красиво разметались по белоснежной подушке. Глаза Малики были

полузакрыты; ресницы трепетали. Алые губы – разомкнуты.

Я действительно «смог дольше». Я крепко сжимал Малику в объятиях – как свою добычу. Сперва я совершал поступательно-возвратные движения медленно. Но постепенно разогнался. В каком-то самозабвении я долбил, таранил Малику. Если воспользоваться выражением из «Тысяча и одной ночи»: «Как разил копьём при лихом набеге». Я чуть тигром не ревел от страсти.

Малика то горячо стонала, то протяжно вскрикивала подо мною. Воскликала:

– Да, да!.. Не останавливайся, дорогой!.. Прошу тебя: только не останавливайся!..

Я переживал неземное блаженство. Мое тело – прижимающее проститутку к кровати – двигалось как бы само по себе, без усилий с моей стороны.

О, столько дней я грезил о Малике, о моем идеале!.. Она была, как мираж в пустыне – дразнящий и неуловимый. Я думал, что, покинув ту забегаловку – потерял свою кудесницу навсегда.

Но вот теперь я стискиваю Малику в объятиях!.. Воистину: боги умеют шутить не только по-злому. Пусть все получилось не так, как в сентиментальном романе. Пусть мне пришлось заплатить за ночь с Маликой несколько тысяч червонцев. Что значат деньги по сравнению с билетом в рай?..

Кипучая кровь быстро текла – мчалась – по моим венам. Я взял под конец бешеный темп – в несколько раз усилив и

без того могучий натиск на Малику.

– О боже!.. – громко застонала красавица, царапая мне спину ногтями. – Я кончаю, кончаю!..

В этот момент и я почувствовал неотвратимость финала. Досчитав до двух – я излил семя. И тоже застонал – от невероятной сладости.

Я отвалился от Малики – и распластался на постели, охваченный приятной усталостью. Малика и я – мы оба учащенно дышали.

– Это было чудесно, – сказал я, немного придя в себя.

Малика потянулась и томно вздохнула:

– Хорошо было бы сейчас глотнуть вина.

Я отметил про себя: если Маша «не пьет на работе» – то моя ненаглядная Малика не прочь пропустить с клиентом бокальчик. Возможно, нежной тюрчанке так проще раскрепоститься в постели. Надо запомнить. Ведь я – конечно – не в последний раз «снимаю» Малику.

Пару минут мы лежали молча. Моя левая рука покоилась на чуть трепещущей груди Малики.

– Ты... живешь в этой квартире? – задал я не самый умный вопрос.

Я хотел поговорить с Маликой. Показать, что приехал не только «сношать» ее. Что она – хотите верьте, хотите нет – интересна мне и как человек. То, что значит для меня Малика – невозможно конвертировать ни в какую валюту.

– Что?.. – Малика ленивой кошкой повернула голову. –

Квартира?.. Нет – я ее арендую по часам. Специально для встреч с клиентами. – И добавила, проглотив смешок: – Жить в такой роскошной однушке не по карману даже востребованной популярной проститутке.

Мне стало неловко от слов Малики. (Хотя какая уж тут неловкость?.. Мы голые лежим на смятой постели – и только что занимались сексом). Несмело я задал новый вопрос:

– Ты... ты долго искала работу после того, как... как этот пень Османович выгнал тебя из бистро?..

Малика посмотрела на меня внимательно, прищулив один глаз:

– Давай честно, дружок. Тебе интересно, как я докатилась до такой жизни, что сплю с мужчинами за деньги?..

Она засмеялась нервическим смехом. А я почувствовал, что краснею.

– Хех. Ну слушай, – Малика села на постели, скрестив ноги по-восточному.

Должно быть, у Малики была потребность выговориться. И в качестве друга, которому можно поплакаться в жилетку, красавица выбрала меня. У меня – наверное – даже уши от гордости порозовели. Вряд ли Малика перед каждым клиентом изливает душу...

– Я родом из Восточного Туркестана, – начала Малика. – Из аула Байткурган, отмеченного не на каждой карте. Отец рано умер. Мы с матерью остались одни. Впрочем, мама все сделала для того, чтобы я не чувствовала себя бедной-разне-

счастливой сироткой. Все детство я играла в куклы и листала книжки с цветными картинками. А мать ходила по богатым домам. Мыла там посуду, стряпала. Подметала дворы. Ухаживала за скотиной. Лишь бы перепала какая-никакая копеечка...

Малика вздохнула. Поправила черную густую прядь волос.

– В школе я была не очень прилежной ученицей. На переменках скакала, как козочка. Подбивала других детей на разные шалости... Мама никогда меня не ругала за тройки или двойки. Она только качала головой и грустно улыбалась. Поверишь ли?... Мне от этого становилось запредельно стыдно. Я плакала и клялась: «Мама, мамочка!.. Прости, прости!.. Я брошу проказничать и буду старательно учиться!..». Но через пару дней я забывала свои горячие уверения. Снова запускала сложенные из тетрадных листочков самолетики. Била мальчишек портфелем по голове. Рисовала на парте...

Малика невесело ухмыльнулась.

– Не знаю отчего – но мне хорошо давался только русский язык, который факультативно преподавал старенький учитель в клетчатом пиджаке. Знала бы я, что русский язык мне действительно пригодится!.. Мне было семнадцать лет, когда я – с грехом пополам – закончила школу. Работы в нашем глухом углу не было. Учеба в ВУЗе мне тоже – разумеется – не светила. В самом третьесортном институте для дураков – надо заплатить восемнадцать тысяч дирхемов за допуск к

вступительным экзаменам... Мама ходила к одному баю доить верблюдицу. А я торчала дома. Играла с кошкой. Зависала в интернете – общалась с виртуальными подружками. Да читала книжки... Конечно: меня грызла совесть, что я – такая взрослая девочка – сижу на шее у мамы. Я, как могла, старалась облегчить маме жизнь. Взяла на себя домашние заботы: стирала, убирала. Готовила обед... Да, обед... Часто на обед и ужин у нас были только лепешки. Потому что в шкафчике на кухне ничего не было, кроме муки и масла...

Затаив дыхание, я слушал Малику – стараясь понять, что должна была чувствовать полуголодная деревенская девочка. Уж мое-то детство – в течение которого я играл с радиоуправляемым вертолетиком, заводным танком и плюшевыми тиграми – было сытым. Сколько себя помню – я до икоты объедался бабушкиными супами, пирогами, ватрушками да своим любимым абрикосовым вареньем.

Малика рассказывала:

– ...Долго так продолжаться не могло. Моя мама – моя бедная мамочка!.. – сломалась. Все чаще мама жаловалась на шумы в голове. От одного шага мама уставала так, как будто с набитым камнями мешком отмахала километр. Она перестала нормально спать. Все ворочалась, металась по постели ночи напролет. А к утру чувствовала себя совершенно разбитой... Знакомый доктор диагностировал у мамы опасную болезнь. Прописал дорогушие – точно из золота отлитые – таблетки. Маме не по силам было и дальше доить верблюдов

и подметать дворы. Она слегла. Пришел мой черед зарабатывать нам на пропитание. Да и на мамино лекарство... В поисках местечка получше, с приличной зарплатой – пода-лась я в город...

Малика снова задрожала от нервного смеха. Я смотрел на нее широко распахнутыми глазами. Было так... необычно, так странно слушать нерадостные откровения девушки, которую ты только что – пыхтя – сжимал в объятиях; и чьи затвердевшие соски щекотал языком.

– Вообрази себе, – сказала Малика, – избалованную семнадцатилетнюю девчонку с ветром в голове, не приученную к труду – которой срочно пришлось хвататься за любую работу. За три месяца я сменила четыре места: официантки, билетерши в кино, раздатчицы рекламных листовок и продавщицы одежды в бутике. И везде я показала себя нерасторопной и неуклюжей. Да вдобавок любительницей поспорить с начальством: дисциплине-то меня никто не научил...

Малика покачала головой – как бы удивляясь самой себе. Сидя напротив красавицы – я жадно слушал. «Исповедь проститутки», – как у истинного поэта родилось у меня название для печальной повести Малики.

– Моя карьера официантки закончилась тем, что я разлила горячий суп, – вернулась Малика к своему рассказу. – В ресторане тогда справлялась свадьба. Я умудрилась забрызгать жениха и невесту... За кассой в кинотеатре я тоже надолго не задержалась. Когда я продавала билет на очередной

американский блокбастер, покупатель – нарочно ли, случайно ли – не доплатил сколько-то дирхемов. Старший менеджер – обнаружив недостачу – обругал меня тыквоголовой и объявил, что недостающая сумма будет вычтена из моей зарплаты. Я вскипела и послала господина менеджера – что называется – в длительную пешую прогулку... Хех!.. Так я и вылетела ласточкой из славных рядов кассирш... А с работой в бутике и того интереснее получилось... Но ты – я смотрю – уже наготове, богатырь?..

В самом деле: я снова был возбужден.

Малика жарко мне улыбнулась – доставая из упаковки очередной презерватив.

– Попробуешь сзади?.. – предложила Малика, укладываясь на живот.

Не с первой попытки – но я проник в Малику. Проститутка лежала, подняв голову. Черные волосы Малики красиво вились по смуглой спине. Малика казалась сейчас такой слабой, беззащитной, покорной – что у меня срывало крышу.

Я провел рукою вдоль позвоночника Малики. Немного поиграл с атласными локонами путаны. Потом пристроил ладони на ее упругие ягодицы – и задвигался, потихоньку наращивая темп.

Малика постанывала в такт. Мои толчки становились быстрее и резче, вздохи проститутки – горячее. Я долбил ее в каком-то диком исступлении. Малика уткнулась лицом в подушку – а руками вцепилась в простыню.

Наконец – сделав особенно сильный толчок – я достиг разрядки. Малика вскрикнула, изгибаясь.

Я отвалился от нее – и распластался по постели, успокаивая дыхание. Малика перевернулась на спину, поправила волосы и тоже старалась отдышаться. Как древнеиндийский бог, пригубивший золотой кубок с напитком бессмертия амритой – я чувствовал себя наверху блаженства. Через пару минут мы затихли.

Я тронул Малику за плечо. «Любимая!» – хотелось назвать мне ее. Но я боялся: проститутка меня не поймет.

– Что было с тобой дальше?.. Расскажи, – попросил я. – Вот ты устроилась в бутик...

Малика зевнула – изящно прикрыв ротик маленькой ладошкой.

– Тебе в самом деле хочется знать, дорогой?..

– Очень!.. – отчего-то смущаясь, признался я.

Как я мог донести до прекрасной девушки – делящей со мной постель – что я не просто энный грубый клиент, явившийся слить сперму?.. Что меня волнуют не только волосы, улыбка и грудь – но и сокровища души нежной тюрчанки?..

– Хо-ро-шо, – протянула Малика. – Я расскажу. В бутике я продавала одежду. Оттуда я тоже быстро вылетела, как пробка от бутылки шампанского. Пришла как-то в бутик бабушка – божий одуванчик. Она присмотрела подарок сыну – полосатый пиджак. Но не решалась расстаться с пятью тысячами дирхемов. Тогда я подобрала для бабушки эконом-вариант:

точно такой пиджак – но на две тысячи дирхемов дешевле. Сделала доброе дело... Старушечка меня чуть не расцеловала: «Внученька моя, внученька!..». Администратор магазина наблюдал эту сцену. Когда бабуся ушла – подозвал меня (корча такую рожу, будто зуб мудрости у дурака болит) и принялся мне выговаривать. Если все цветастые словеса администратора перевести на человеческий язык, получалось следующее: «Неразумная ты птица, Малика!.. Ты воображаешь, что поставлена здесь для того, чтобы помочь покупателю сохранить деньги в кошельке?.. Нет!.. Твой прямой долг – заботиться о прибылях компании. Из двух пиджаков ты должна была всучить бабке более дорогой!.. А ты, ты...». И – знаешь, милый – меня это так взбесило, так взбесило!.. Я набрала полный рот слюны – да и плюнула от души в господина начальничка. В морду сеньора администратора я не попала. Зато забрызгала уродцу модный брендовый свитер. Хех!.. Ты бы видел, как подпрыгнул администратор. Как перекосилось у него лицо!.. Само собой: это был мой последний день работы в бутике...

Малика потянулась.

– Вот так, милый, я жила в большом городе – как маленькая рыбка в бескрайнем море. Денежных крох – которые мне с грехом пополам удавалось заработать – едва хватало на еду и на оплату койко-места. Какое уж тут отправить деньги маме в аул!.. И тогда... тогда, дружок, меня поманила мечта о Расее. Я слышала вокруг жужжащие разговоры. Мол, в Расее

много работы – всем хватит – и хорошо платят... Знаешь, я сама удивляюсь тому, насколько я безбашенная. По туристической визе подалась я к вам в Расею. И первым делом убедилась: ваша республика – далеко не рай. Особенно для девушки-иностранки со смуглой кожей и черными волосами...

Малика села на постели. Выпятила губку и театрально развела руками:

– Догадываешься, о чем я?.. Стоит мне пройти по улице – вслед будто гадюки шипят: «Азиатка. Нерусская. Понаехали тут!...». А как в метро или автобусе на меня косятся?.. Прямо режут глазами!.. Вот такой добрый у вас народ...

Малика хмыкнула. А по губам ее змеилась напряженная ухмылка.

– Ну и конечно: господа полицейские не обделили меня вниманием. Сколько раз какой-нибудь сторожевой пес – лейтенант с золотыми погонами – вертел в толстых пальцах мой паспорт и визу. И с тупой – похожей на булыжник – физиономией спрашивал скрипучим голосом: «Нерусская?.. Поди мусульманка?.. Свинину не ешь?». Бывало, меня затаскивали и в участок. Но – промурыжив часок – отпускали. А то!.. Кроме того, что я туранской внешности – сиятельным полицейам предъявить мне нечего!.. Я не дурочка какая-нибудь: проявила изобретательность – обезопасила себя. Через одну мошенническую контору получила фальшивую рабочую визу и такую же липовую справку о том, что якобы работаю на птицефабрике в двенадцати километрах от расейской сто-

лицы... Головы курицам рублю. (Хех!.. На самом деле я не переношу вида крови). С такими документами я могу оставаться на территории Расеи пять лет. Перед миграционными властями я чиста, как стеклышко. Как такое очень мутное стеклышко...

Малика тихонько рассмеялась над собственным сравнением.

– ...Заплатить жуликам за поддельные бумаги денег у меня не было. Так что мне пришлось переспать с директором той конторы. К слову: так я лишилась девственности...

Когда Малика с олимпийским спокойствием и даже благодушием рассказала о потере невинности – я закусил губу. Меня аж трясло. Как будто Малика – моя жена, которую у меня на глазах изнасиловала толпа отморожков.

– Красавчик, ну ты чего?.. – ласково поинтересовалась Малика, кладя ладошку мне на грудь.

– Все... все в порядке, – прохрипел я, взъерошив себе волосы.

Как я мог объяснить не привыкшей к поэтическим излипаниям проститутке, что она безмерно дорога мне, как скупцу – жемчужина?.. Что мне непереносимо больно слышать о том, как какой-то потный урод с кустами волос в подмышках порвал девственную плеву моей ненаглядной Малики?..

– Мне не продолжать, солнце?.. – нежно спросила Малика, заглядывая мне в глаза.

– Н-нет... Я слушаю... слушаю тебя... – отозвался я.

– Да что тут слушать?.. – улыбнулась Малика. – Помыкалась я, помыкалась. Месяц пахала работницей торгового зала в гипермаркете. Месяц – уборщицей; мыла полы в офисном центре. Еще месяц – оператором на телефоне. Но всегда так получалось, что я слетала с рабочего места из-за конфликта с клиентом или начальством. Наверное, я совсем не умею угождать и подчиняться. Такая я анархистка... – (Малика рассмеялась) – А потом... потом меня подобрал этот шайтан Османович. Я проработала в бистро два месяца, две недели и два дня. Мой рекорд!.. – (Малика снова засмеялась) – Надо сказать: платил Османович неплохо. Может, даже больше, чем в среднем по рынку. Впервые мне удалось отправить какую-никакую денежку милой маме – при этом особо не голодая. Я обрадовалась: жизнь налаживается. Но... но ты видел: из-за той усатой крысы в плаще и очках Османович вышвырнул меня вон, как драную кошку. Даже расчет не дал – змей подколодный. Но я не опустила руки...

– И?.. – у меня задергалось веко над правым глазом. Малика должна была перейти к самой неприятной части рассказа.

– А как ты думаешь, заюшка?.. – Малика игриво потрепала мне волосы. – Дальше я вспомнила, как телом расплатилась с директором той конторы – где мне на цветном принтере распечатали липовую визу со всеми подписями и печатями. Я подумала: как это просто – пятнадцать минут потерпеть на себе чей-то потный живот, а взамен получить чер-

ВОНЦЫ...

Я слушал, плотно сжав губы. Мне хотелось скрежетать зубами. А Малика – с улыбкой – беспощадно продолжала:

– Ну подалась я в салон. Салон – как ты понимаешь – это толерантное наименование борделя. Ха-ха!.. Время работы в салоны было временем моего ученичества. Я усваивала несложные хитрости, с помощью которых делаешь мужчине хорошо. Разнообразные позы Камасутры... Скажу без ложной скромности: я ведь молода, красива – плюс проявила к «этому делу» способности. В салоне я была нарасхват. Тогда-то я и подумала: не слишком ли большую долю заработанных денег я отдаю мадам – хозяйке салона?.. Ты пойми: я не жадная. Просто я с трудом терпела диктат наглой, грубой и ворчливой мадам – неизвестно за какие заслуги забирающей половину тех денег, что я получала от мужчин. Я по духу – вольная птица. Не переносу, когда какой-нибудь умник командует мне: то – делай, это – не делай. Кроме того – мне хотелось максимально крупную сумму отсылать маме. Мамочке же нужны лекарства... Вот мне и пришло в голову: почему бы мне не сделаться так называемой «индивидуалкой»?.. Самой находить клиентов?.. И самой же распоряжаться – до копейки – своим заработком. Ой!.. А что ты такой бледный?..

– Н-ниче-го... Продолжай... – выдавил я. Хотя каждое слово Малики каплей кислоты прожигало мне сердце.

Меня убивала мысль, что через постель ангела – вызыва-

ющего во мне сладкий трепет – прошли десятки любителей «клубнички». В список входят усатые отцы семейств, пожелавшие гульнуть налево от жены. Прыщавые юнцы – только так и избавившиеся от девственности. Убежденные холостяки – которые неделю не могут прожить без того, чтобы развлечься с новой дамой...

Чего удивляться, если я стал бледным – как простыня?..

Но – не знаю почему – мне хотелось выпить кубок с горьким настоем до дна. До конца дослушать историю Малики. Назовите это моральным мазохизмом.

– П-п-родолжай, – снова попросил я, нервно сглатывая.

Малика пожала плечами:

– Да я все рассказала. Два месяца, как я стала индивидуалкой. За неделю у меня бывает по пять-шесть клиентов. Я хорошо зарабатываю. Раньше я снимала койко-место. И могла отгородиться от буйных соседей только ширмой. А теперь – как барыня – занимаю целую комнату в коммуналке. Я бы потянула и малогабаритную однушку в непрестижном районе. Но я экономлю денежку. Хочется же и мамочке не гроши какие-нибудь перевести. Чтобы она могла не только лекарства себе позволить. Но и мясную похлебку. И кофе с молоком и сахаром. И за электричество заплатить...

– Ты любишь свою маму, – заметил я.

– Конечно люблю. Она меня родила и воспитала.

Пару минут мы молчали.

Малика остановила лениво блуждающий взгляд на розах

в вазе. И сказала:

– А все-таки какие шикарные цветы ты мне подарил!.. Они похожи на жгучее пламя. Точь-в-точь, как я люблю. Спасибо тебе, милый.

И Малика чмокнула меня в щечку. Затем вздохнула:

– А на день рождения мне никто не подарит ни розы, ни гвоздики. Закажу, наверное, роллы – так и отпраздную.

Я оживился:

– У тебя скоро день рождения?..

– Четырнадцатого апреля. Деятнадцать годков мне исполнится.

Я посмотрел – часто моргая – в лицо Малики. И – опустив глаза – запинаясь, предложил:

– На твой день рождения... сходим в кафе... если... если хочешь. Как парень с девушкой... А не как клиент... с проституткой.

На последнем слове я поперхнулся. Как горько и больно было произнести: про-сти-тут-ка. Как будто на теле Малики сразу вспыхнуло клеймо – которое я сначала не заметил.

Малика казалась мне цветком. Но цветок этот распустился у края канавы. Гадкие запахи отбросов – пропитали нежные лепестки, заглушив аромат цветка.

Я подумал: Малика – которую профессия проститутки сделала циничной – только посмеется надо мною. Над наивным дураком – приглашающим в кафешку продажную девушку. Малика умна и опытна не по годам. Жизнь ее была.

А я?.. Я инфантильный птенец-переросток.

Но Малика не посмеялась. Она только улыбнулась краешками губ. И спросила:

– Серьезно?.. Ты зовешь меня на свидание?..

– Д-да... – подтвердил я, чувствуя, что заливаюсь краской. Пульс у меня зашкаливал. Я все еще боялся, что Малика поднимет меня на смех.

Красавица посмотрела на меня долгим взглядом. Сказала раздумчиво:

– А ты, заюшка, не такой, как большинство моих клиентов.

Мне захотелось плакать. «Заюшка, не такой, как большинство клиентов»!.. По-моему, это было самое трогательное и нежное, что я слышал за свои девятнадцать лет.

Я глядел и глядел на Малику, не в силах оторваться. «Тук-тук-тук», – громко отбивало ритм мое сердце.

– Я согласна, – с сияющим лицом сказала Малика. – Позвони мне тринадцатого апреля вечером. Четырнадцатого я весь день буду свободна.

Я испугался, что сейчас сто процентов не совладаю с эмоциями – и разреву в два кипучих ручья. Малика не посмеялась надо мной. Она согласна увидеться со мной «не по работе». О, боги!.. Спасибо вам!.. Спасибо!..

– Можно обнять тебя?.. – шепотом спросил я.

После того, как Малика рассказала мне свою жизнь и ответила «да» на мое робкое приглашение – я не мог просто

сгрести красавицу в охапку, как обошелся бы с проституткой любой другой клиент. Я смотрел на Малику как на свою новоиспеченную девушку.

– Обними, – с милой улыбкой пожала плечами Малика.

Я прижал нежную тюрчанку к себе и горячо задышал.

– Готов к новому бою, рыцарь?.. – спросила Малика, обжигая меня взглядом блестящих черных глаз.

– Готов...

– Тогда ложись. Ложись на спину.

Я послушно распластался на постели. Надев мне на эрегированный пенис презерватив – Малика села на меня, приняв позу «наездницы». Уперла ладошки мне в грудь. И начала двигаться вверх-вниз. Оба мы страстно стонали от удовольствия.

Запрокинув голову, с полуоткрытыми алыми губами – Малика ускорялась и ускорялась. Я смотрел на чуть колышущиеся груди проститутки. На ее растрепавшиеся волосы. Достигнув пика наслаждения – я тихонько закричал и закрыл глаза.

Малика слезла с меня.

– Ложись теперь на живот, дорогой. Я сделаю тебе массаж.

Я повиновался. Умелые руки Малики пустились гулять по моей спине. Я почувствовал, как размягчаются мои мышцы. Приятная расслабленность разлилась по всему телу. Потянуло в сон.

Я снова перевернулся на спину и провалился головой в

подушку. Малика – с доверчивостью котенка – пристроила свою хорошенькую головку у меня на груди. Одной рукой я обнял Малику. Сладко зевнул. Глаза у меня слиплись...

...Очнулся я оттого, что Малика тормошила меня за плечо.

– Вставай, вставай, мой принц!..

Малика стояла возле кровати. Уже не обнаженная – а в своем коротеньком платице. Я продрал глаза – и сел на постели.

Малика ненадолго покинула комнату – и вернулась с чашкой кофе, распространяющего щекочущий ноздри аромат. Протянула мне:

– Попей, дорогой.

– Спасибо... – поблагодарил я, принимая чашку.

– Я тебя обслужила, как vip-клиента. Секс в разных позах. Задухшевный разговор. Массаж. И чашечка кофе утром, – рассмеялась Малика.

– А что, уже утро?.. – рассеяно поинтересовался я.

В голове слегка гудело. События минувшей ночи казались волшебным сном.

Я в самом деле сплетался на мягкой перине с моей гурией?.. Запускал пальцы в густые волосы Малики?.. Целовал ее грудь?.. О, как жаль, что ночь не длилась вечно!..

Полными обожания глазами я смотрел на Малику. А она сказала с улыбкой:

– Пей кофе, дружок – и собирайся. Мне надо искупаться

и накраситься.

Эти слова всадили ледяную иглу мне в сердце. Я будто спустился с небес на землю. Малика – конечно – ждет следующего клиента!.. А я-то вообразил: у меня с ней особая связь. Как грешница перед священником – Малика открыла передо мною свою нежную душу... Полно, братец!.. Полно!.. Малика – проститутка. Объятия, ласки, откровенные признания твоей возлюбленной – имеют цену в червонцах.

Я устало ссутулился – и чуть не расплескал кофе.

– Все в порядке, золотой?.. – игриво потрепав меня за волосы, спросила Малика.

– Да. Все в порядке, – подавив вздох, ответил я.

Допив кофе – я довольно шустро оделся. Малика проводила меня до двери квартиры. Сказала, прежде чем я переступил порог:

– Значит – тринадцатого апреля созвонимся?..

– Ага, – кисло улыбнулся я.

Малика одарила меня жгучим взглядом:

– И вообще, милый. Если вдруг заскучаешь – пиши мне или звони.

Я задержался на пороге – и глянул на Малику с восхищением и изумлением.

«Заскучаешь – пиши мне или звони»!.. Вряд ли Малика говорит это каждому, с кем переспала. Значит, я для нее – хотя бы чуть-чуть – особенный?..

Сперва Малика порезала мне сердце, намекнув, что ждет

другого клиента. А потом капнула на кровоточащую рану немного целительного бальзама.

В лифте я спускался в сметенных чувствах. Я то смеялся – то плакал. Я поверить не мог, что провел ночь в объятиях лучшей в мире девушки. Той самой, от взгляда на которую у меня снесло крышу еще в сентябре – в занюханном бистро «Закуски от дяди Вани».

Подумать только!.. Дважды встретить одного человека в безбрежном мегаполисе – редкостная удача. Как если бы прилив два раза вынес бы к твоим ногам одну и ту же ракушку. Как тут не сказать, что нас с Маликой свела сама капризная тетка-судьба?..

Мы не просто трахались, как животные. Нет!.. Малика рассказала мне о себе, о своей любимой маме. О том, как намучилась, пока пыталась найти работу.

Но только мне стоило, расслабившись, поплыть по морю таких упоительных мыслей – как сердце мое раскалывалось, точно фарфоровая чашка под ударом кувалды. Малика – проститутка!.. Проститутка!.. Проститутка!.. Пока ты отдаешься сладким мечтам – твоя возлюбленная причесывает волосы, красит губы и перестилает постель в ожидании нового клиента.

А чего ты хотел?.. Малика не клялась тебе в верности: «Навеки и до смерти твоя». Ты приехал к Малике для того, чтобы заняться сексом за деньги. Так на что ты смеешь претендовать?..

Меня выворачивало наизнанку, а сердце нестерпимо ныло – когда я представлял, как какой-нибудь сорокалетний пузач толстыми – похожими на червей – пальцами щупает грудь Малики.

Я вызвал такси. Водитель хмыкнул – увидев у меня на губах кривую улыбку, а на глазах слезы.

– Элеваторная тридцать два, молодой человек?..

– Что?.. Да, да.

Мы домчались минут за сорок. И вот я – на подгибающихся ногах – ступил в родную квартиру. Хорошо, что бабушки не было дома. Она бы непременно заметила мое ненормальное состояние.

Шатаясь, как пьяный – я дошел до дивана. Мне хотелось то ли петь, то ли рыдать в голос, то ли забыться. Кое-как раздевшись – я плюхнулся на диван. Но не пролежал и пяти минут.

Я вскочил. Достал свой блокнот и ручку. Из меня полились стихи:

*Куплю розы алые –
Поеду в желтом такси.
Тоска глухая достала –
Терпеть нету сил.*

*Промчусь по спящему городу.
Переступлю твой порог.*

*Ты утолишь мой голод –
Ты душистый цветок.*

*Я подарю тебе розы.
Потом – давай обнимать.
Попробуем разные позы –
Чтобы скрипела кровать.*

*Мне с тобою уютно,
Как у огня.
Но только ты – проститутка,
Ты не любишь меня.*

*Рассвет в окне зажжется –
Домой надо мне.
И по швам сердце рвется –
Мне тоскливо вдвойне.*

Эти тонические строки не были похожи на газели и касыды Низами или Саади – восточных мастеров пера, которым я всегда стремился подражать. Но это были стихи, родившиеся в недрах моего сердца. Передающие сладкую боль, которую я испытал на свидании с Маликой. Казалось: с кончика шариковой ручки на бумагу вытекает моя душа.

Записав стихотворение – я спрятал блокнот. Сел на диван – и заплакал. Кусая губы и утыкаясь лицом в ладони – я пла-

кал о том, что не могу быть с Маликой. Что она всего лишь проститутка – переспавшая со мной за несколько тысяч червонцев.

Вот уж правда: Малика – цветок у зловонной канавы. Забрызганный грязью – но все равно цветок!.. Малика – несмотря на ремесло, которым зарабатывала себе на косметику и маме на лекарства – была для меня прекраснее райской девы и сказочной пери.

Как бы мне хотелось сказать: «Любимая!.. Тебе незачем продавать свое тело. Я буду работать и содержать нас обоих!..». Накинуть на нее белую фату – и за руку отвести в ЗАГС. Но моей зарплаты смотрителя кошачьего отеля хватало разве что на «вертолет» и «отвертку» – да на потрепанные издания стихов персидско-таджикских и тюркских классиков. Даже на то, чтобы снять проститутку – я расходовал деньги, подаренные бабушкой.

Что бы ответила Малика на «будь моей женой?». Наверное – посмеялась бы. А если бы (вообразим невозможное) и согласилась бы – куда бы я привел молодую женушку?.. Ну не в бабушкину же квартиру!..

Представляю, как бабушка выпучила бы глаза и позеленела – если б я привел домой Малику. «Внучок, ты что за девицу притащил?.. Да она же... она вообще нерусская!». Бабушка – как преуспевающая уважаемая леди – разделяла все предрассудки сытых обывателей насчет мигрантов. По мнению бабушки: тюрчанка или таджичка способна лечь

под нашего Ваньку только для того, чтобы выправить себе прописку и гражданство – а потом отжать у дурака квартиру и пинком под зад отправить незадачливого муженька на помойку.

Как объяснишь почтенной матроне – хотя бы это и была твоя бабушка – что у тебя с восточной девушкой любовь?.. Для деловой мадам любовь – нечто нереальное из фэнтези-романов. Люди руководствуются – якобы – только выгодой.

Так я сидел – и плакал, плакал. А потом растянулся на диване и укутался в покрывало. И – несмотря на то, что за окном стоял белый день – заснул. Как бы выключился от чрезмерного напряжения.

Бумажным корабликом я поплыл по волнам сладких волшебных снов. Мне снилось: пьяный от страсти – я целую губы Малики. Чего она не позволяла мне наяву.

9. День рождения Малики

Я зажил ожиданием четырнадцатого апреля. Четырнадцатое апреля – день рождения Малики. Я решил: мы не просто посидим в кафешке. Я устрою для нежной тюрчанки настоящий праздник – разве что без огня салютов. Свое девятнадцатилетие она запомнит как один из счастливейших дней жизни.

– Уж не заболел ли ты?.. – тревожилась, глядя на меня,

вернувшаяся из дома отдыха бабушка. – Весь бледный какой-то. Глаза горят... Как – кстати – у тебя дела в университете?..

– Н-нет. Я здоров... – растерянный, как заблудившаяся в лесу Красная шапочка, отвечал я. – В... в университете тоже все нормально...

Бабушка вздыхала, глядя на меня. Особенно ее удручало, что за обедом я отказывался от лишнего ломтя пирога и от дополнительной тарелки супа.

– Вот, – бабушка складывала для меня в контейнер овальные пирожки с зеленью и яйцом или с мясом. – Поешь в университете на переменке.

– Спасибо... – без всякой бодрости отзывался я.

Бабушка только качала сокрушенно головой. Грубая материалистка – бабушка придерживалась мнения, что о моральном состоянии человека следует судить по аппетиту этого человека.

Пирожки я съедал не в университете – где (да, такой я наглец) показывался не чаще раза в неделю – а на работе в кошачьем отеле. Задав корм и налив воды четвероногим подопечным – я утыкался в смартфон. Пробивал в поисковике: «увеселительные места столицы». Я выбирал, куда сводить Малику на день рождения.

Лично мне неплохими вариантами казались палеонтологический музей и боярская усадьба в двенадцати километрах от города. Но я рассудил, что не каждой девушке придут-

ся по вкусу окаменелые кости динозавров или исторические древности. Попадалась мне и реклама экскурсий в заповедник Царский бор. Но что там делать весной – когда грязно и сыро, а на черных деревьях только-только набухают почки?.. Гулять по лесу лучше летом – когда дубы и березы шелестят под легким ветерком густой зеленой листвой. Да чирикают на сто двадцать пять ладов счастливые птички.

Я остановил выбор на парке аттракционов. Здесь Малике точно что-нибудь понравится. Катание на чертовом колесе или американских горках. Тир – где разноцветными шариками сшибаешь забавных дракончиков и получаешь за это призы. Комната кривых зеркал.

Парк располагался – кстати – всего в паре кварталов от дешевого бистро, в котором я впервые увидел Малику. Тут же неподалеку находилось комфортабельное кафе с богатым меню «Звездный тигренок»; там я планировал угостить Малику.

Я считал дни до четырнадцатого апреля – пылая, будто в огне. Увидеть, увидеть бы прекрасную Малику – и умереть. Это как прошедшему раскаленную пустыню путнику хлебнуть студеной водицы.

И одновременно я боялся встречи с Маликой. Я боялся, что, глядя на яркие губы, на темную родинку моей роковой возлюбленной, я буду страдать от понимания: эта красота не для меня.

Малика – проститутка, проститутка!.. И давно потеряла

веру в то, что любовь может быть чистой, как родник. Для Малики быть с мужчиной – это грязная работа, за которую получаешь деньги. Все равно, что рыть лопатой траншеи – только оплата выше. Если ты вздумаешь излить Малике свои чувства – красавица, в лучшем случае, просто пожмет плечами.

Но все равно, все равно – я жаждал увидеть красавицу, несмотря ни на какую боль. Если употребить сравнение из моей любимой восточной поэзии: так мотылек летит на пламя свечи.

Я не забыл, что Малика дала разрешение: «Можешь звонить и писать мне». Но я не отваживался беспокоить ее слишком часто – опасаясь надоесть ей. Тем не менее – время от времени я посылал ей сообщения. Чтобы не разорвалась тоненькая ниточка, которая (я верил) нас связывала.

На работе я фотографировал на телефон здорового рыжего кота Валтасара – который все скребся в стеклянную дверь «аквариума», просясь на прогулку. Изящную кошечку Пумку – останавливавшую на мне поразительно умный взгляд. Сфинкса Хефрена. И отправлял снимки Малике.

«Красивые кошки!» – со множеством восхищенных смайликов отзывалась Малика.

Иногда она отвечала не сразу – а часа через два после того, как я прислал сообщение. «Извини, золотой. Я с клиентом была».

С клиентом была!.. Понимала ли Малика, что эти слова –

ржавой пилой кромсали мне сердце?..

Но и когда Малика и не говорила ничего о клиентах – я все равно сгорал в жарко полыхающем костре ревности. Если Малика не упомянула о клиентах – это не значит, что клиентов не было!..

Я мучился. Я плакал по ночам в подушку. Но была в моих страданиях и какая-то сладость. Я благодарил небеса за то, что вообще встретил Малику. Что лучше: любить и терзать-ся ревностью – или всю жизнь оставаться зомби с холодной кровью, ни разу не вспыхнувшим огнем страсти?..

Приближалось четырнадцатое апреля. Встал вопрос: а что подарить Малике на день рождения?.. И тут-то выяснилось, что я не так уж хорошо знаю свою гурию. Я не мог сообразить, какой подарок ей действительно понравится.

Губная помада?.. Духи?.. Браслет или сережки?.. Но я понятия не имел: какой сорт помады и духи с каким ароматом Малика предпочитает. Еще хуже дело обстояло с ювелиркой. Мало того, что я ничего не смыслил во всех этих колечках, брошках, цепочках. У меня еще и денег едва хватило бы на самую скромную бижутерию.

Я решил рискнуть и подарить Малике книгу. В руки мне как раз попало выглядящее абсолютно как новое издание «Гуль и Навруз» – поэмы блистательного Лутфи. Это была тоненькая книжица карманного формата. С выведенным золотыми буквами – стилизованными под арабскую вязь – заглавием. И богато иллюстрированная.

Я надеялся: незамысловатая сказочно-романтическая история любви тронет сердце Малики. Верил: даже у самой циничной – потрепанной жизнью – немолодой проститутки таится в глубинах сердца желание любить. А Малика совсем юная. Она как только-только распутившаяся роза. Читая поэму – Малика будет искренне переживать за царевича Навруза и красавицу Гуль, которые стремятся друг к другу вопреки всем превратностям судьбы.

Вечером тринадцатого апреля – весь охваченный трепетом, как лист на ветру – я набрал Малику. Ох, как я боялся, что она скажет: «Ай!.. А я совсем забыла, что мы собирались посидеть в кафешке. И уже запланировала на завтра встречу с клиентом... Прости». Но нет. Малика сказала:

– Да. Я помню, зайчик. Заедешь за мною завтра в полдень?..

Она назвала мне свой адрес.

Отложив смартфон – я долго не мог успокоить дико колотящееся сердце. Кровь шумела в висках. Завтра я увижу Малику!.. Мою Малику!.. Как странно у нас получается: сначала переспали – потом идем на свидание.

Весь остаток вечера я был нервный и взвинченный. Из угла в угол ходил по комнате – как леопард по тесной клетке.

– Да что с тобой?.. – переживала бабушка. – Может, съешь тарелочку ухи?..

– Н-ничего. Нет, с-спасибо.

Я пораньше улегся в постель – чтобы хорошенько вы-

спаться перед важным днем. Но сон долго не склеивал мне веки. Окна были завешены шторами. Свет погашен. Я смотрел в темноту – и видел нежное личико Малики. Моя милая была прелестна, как алый тюльпан в брызгах утренней росы. Красива, как ангел. Кто бы, глядя в эти томные агатовые глаза – догадался, что Малика торгует своим телом?..

Я думал о Малике – и глотал слезы. Сам не замечал, как начинал неразборчиво бормотать строки Низами, в которых поэт сравнивал свою возлюбленную с луной и розой, с легендарными красавицами Ширин и Лейли.

О, сторающие от страсти таджикско-персидские и турецкие стихотворцы не знали историю, хоть на каплю похожую на историю моей любви к Малике. Фархад и Меджнун не терпели таких адских мук, как я. Даже врагу не пожелаешь отдать свое сердце проститутке.

Я – наконец – заснул. И увидел во сне: под чистым бирюзовым небом и раскаленным белым солнцем – зеленоватое колышающееся море, полоска золотого пляжа.

Я и Малика, одетая в символический белый купальник – держась за руки, шлепаем босыми ногами по самой границе воды и песка. Набегающие пенные волны омывают нам ступни. Мы беззаботно залиvisto смеемся. Собираем ракушки и отполированные морем камушки. Играем в догонялки.

Быстрая, как козочка – Малика легко ускользает от меня. А я – не лев, а неуклюжий слоненок – никак не могу мою милую настигнуть. Но не прекращающая смеяться Малика

– поджидает меня, бросая на меня кокетливые взгляды блестящих черных глаз.

И в целой Вселенной нет никаких вонючих клиентов – которые, заплатив несколько тысяч червонцев, подминали бы мою хрупкую куколку под свое жирное волосатое пузо...

...Я глянул в белый потолок, отлепил голову от подушки – и не сразу понял, что проснулся. А когда понял – сердце мое забилось сильнее. Сегодня я увижу Малику. Мою прекрасную Малику.

Нашарив смартфон – я, мобилизовав свою смелость, позвонил Малике.

– Алло!.. – раздался через два гудка ясный и мелодичный – напоминающий журчание ручейка – голосок моей зазнобы.

Вся моя отвага разом испарилась – как капелька воды с горячей сковородки. Я прерывисто дышал в трубку.

– Алло, алло, – повторила Малика тем же волшебным голоском.

– Привет, Малика... – хрипло выдавил я. – Поздравляю... Поздравляю тебя с днем рождения... Оставайся такой же... милой и веселой... Здоровья тебе...

Поздравление получилось так себе. Оригинальностью я точно не блеснул. Весь взмокший – я сопел в трубку.

– Спасибо!.. Спасибо тебе, дружок!.. – судя по интонациям, Малика и впрямь была довольна – Так ты за мной заедешь?..

– Д-да. В двенадцать... – робко подтвердил я, веря и не

веря, что в самом деле иду на свидание с красавицей Маликой.

– В двенадцать. Как раз успею принять душ и расчесать волосы. Жду, зайчик, – сказала Малика.

Отложив смартфон – я долго приходил в себя, тяжело дыша, как после беготни вверх по лестнице. Хорошо, что бабушка уехала на работу!.. А то – увидев, какой я взбудораженный, чего доброго вызвала бы врача: «Доктор, доктор!.. У мальчика нервы явно шалят!..».

В десять двадцать пять я покинул квартиру. Завернул в супермаркет и купил бутылку дорогого красного вина. Потому что вспомнил: лежа голой со мной на постели – Малика мечтала о полном бокальчике. Еще я зашел в цветочный магазин и купил три розы: желтую, белую и красную. Порадую Малику цветами. Она любит цветы.

В одной руке у меня был расписной подарочный пакет с бутылкой вина и книжицей «Гуль и Навруз». В другой – букет роз. Я сел в такси и поехал к Малике.

Такси остановилось у подъезда бело-серой многоэтажки. Где-то в этом человеческом муравейнике жила в коммуналке Малика. Поборов нерешительность – я позвонил своей роковой возлюбленной.

– Алло. Малика...

– Алло, котик. Подъехал?.. Ну поднимайся ко мне. Седьмой этаж. Код домофона... Номер квартиры...

С бьющимся сердцем я ступил в подъезд. Через несколько

минут я позвонил в дверь квартиры.

Малика открыла. В покоем на кимоно узорном халатике, с распущенными душистыми волосами – стояла она на пороге. Я сглотнул и застыл – ослепленный ее красотой. Но тут же опомнился – и протянул Малике букет и пакет с книжкой и бутылкой.

– Это... тебе. Поздравляю с днем рождения...

На лице Малики засияла улыбка:

– Подарок?.. Так мило!.. Да ты проходи, проходи... Ах, какие цветы!..

Малика пропустила меня в еле освещенную тусклой лампочкой прихожую. Здесь стояли какие-то деревянные ящики и картонные коробки, заваленные разнообразным хламом: от старых дырявых шуб до коньков и свернутых в трубочку пожелтевших газет. Под ногами – пыльный ковер.

Открылась дверь одной из комнат. Чуть ли не со скрипом – как старая баржа – выплыла преклонных лет тетушка. Огромная. Толстая. С кудрявыми – как шерсть овцы – серыми волосами.

– З-здравствуйте... – нерешительно поприветствовал я соседку Малики.

Но «баржа» только скосила на меня налитый кровью правый глаз, хмыкнула и скрылась в туалете – откуда донеслись шорох бумаги и плеск спускаемой воды.

Я посмотрел на Малику, которая посреди полутьмы, затхлости и убожества коммуналки блестела яркой звездочкой –

и подумал: «Пери в логове дэвов».

– Разувайся, дорогой, – весело сказала мне Малика. – Выпьем по чашечке кофе, прежде чем ехать.

Я вылез из ботинок. Малика взяла меня за руку и увлекла в свою комнату.

В комнате Малики было более или менее уютно. На стене – календарь с жующей бамбук черно-белой пандой. На подоконнике – кактус в горшке. Но все равно: обшарпанные обои болотного цвета, истоптанное (местами в пятнах и трещинах) напольное покрытие создавали довольно-таки унылую атмосферу. Да и обставлена комната была со спартанским минимализмом: стол – стул – кровать – небольшой шкафчик.

Малика сходила на кухню и принесла наполненную водою банку – в которую поставила розы. Прошептала восхищенно:

– Замечательные цветы!.. Спасибо, мой сладкий!..

И чмокнула меня в щечку – отчего у меня кровь прихлынула к лицу.

Затем Малика достала из подарочного пакета бутылку вина. Прищурившись – посмотрела на этикетку:

– О, зайка!.. Да ты гурман!.. Хорошее вино. Южноафриканское. Высший сорт. Спасибо, спасибо!..

Я глупо улыбнулся. Потребитель дешевых коктейлей – я на самом деле ничего не понимал в качественном алкоголе. Тем сильнее я радовался, что попал в яблочко, купив Малике дорогое красное вино из Южной Африки.

Поставив бутылку на стол – Малика взяла книжку. С явным интересом пролистала – останавливая глаза на цветных иллюстрациях:

– «Гуль и Навруз» – Лутфи. Лутфи, Лутфи... Да нам в школе про него рассказывали. Наш тюркский поэт.

Открыв страницу наугад – Малика певучим голосом зачитала несколько двустиший.

В комнате гнилой коммуналки прозвучали слова средневекового поэта о чистой, как кристалл, всепобеждающей любви.

Я был поражен артистичностью Малики. С каким выражением, с каким пламенным чувством прочла моя милая строки поэмы!.. Как будто царевич Навруз – это я. А сама Малика – Гуль, обращающаяся ко мне с признанием.

Я застыл с приоткрытым ртом. Малика заглянула мне в лицо – и весело рассмеялась.

– Котик, да ты садись. На стул, на кровать – куда удобно. А я пойду сделаю нам кофе. Тебе с молоком?.. Сколько сахара положить?..

– Д-да... с молоком. Четыре... четыре ложки, пожалуйста.

Я присел на край кровати. Малика ненадолго оставила меня одного. Она вернулась с двумя чашками дающего пары молочного кофе.

За кофе мне удалось – наконец – кое-как преодолеть смущение и робость. Я решил просто наслаждаться обществом Малики.

Я рассказывал ей про свою работу в кошачьем отеле. Про своих хвостатых подопечных. Про огненно-рыжего пушистого здоровяка Валтасара – который постоянно скребется в дверцу аквариума и требовательно мяучит, добиваясь, чтобы я выпустил хитрюгу побегать по помещению. Про игривую Пумку – любительницу покататься на спине и перевернуть миску с кормом.

Малика слушала – и улыбалась. А когда я показал ей на телефоне фотки с моими кошками – аж в ладоши захлопала от восторга. Малика долго разглядывала фото сфинкса Хефрена и заключила:

– Красивый. И все-таки кошки в меховой шубке – мне больше нравятся, чем голые сфинксы.

Кофе был выпит.

– Ну что?.. Собираемся и едем?.. – сказала Малика.

Она заплела свои густые длинные волосы в две косы. Потом сбросила японский халатик – не постыдившись остаться передо мною в нижнем белье. И – открыв шкафчик с одеждой – стала выбирать, во что бы нарядиться.

Исполненный почти священного трепета – я любовался тонкой талией Малики. А сердце мне колола острая игла.

Малика не стесняется щеголять у меня на виду в лифчике и трусиках. А с чего бы ей разыгрывать кисейную барышню – раз мы спали вместе?.. Я видел Малику обнаженной. Я занимался с ней сексом. Вот только не я один.

Сколько возбужденных – как мартовские кролики – му-

жиков прошло через постель Малики?.. Двадцать?.. Тридцать два?.. Сорок пять?.. Любой из них мог бы так же стоять и пялиться на стройняшку Малику.

«Любой – не любой, а свой день рождения Малика проводит с тобой», – шепнул мне внутренний голос.

Это было горькое – как пилюля – утешение. Я даже всхлипнул.

– Все хорошо?.. – посмотрела на меня Малика.

– Все... хорошо... – слабым голосом отозвался я.

Малика – наконец – остановила выбор на синей водолазке и черных брючках. Оделась. Приколола на грудь небольшую брошку в виде чайки с распростертыми крыльями. И украсила запястье браслетом. Обворожительно улыбаясь – протянула мне руку:

– Пойдем.

Через мобильное приложение я заказал такси. Когда мы выходили из подъезда – машина как раз прикатила. Мы плюхнулись на заднее сиденье. И помчались в сторону парка аттракционов.

...В парке аттракционов не было особенно многолюдно. Возможно – дело было в нежаркой погоде. Небо – почти сплошь обложено барашками-облаками. Только в разрывах – стылая бледная синева. Метя по асфальту мусор – надорванные пакетики из-под чипсов, бумажки, фольгу – гулял живительный прохладный ветерок.

Держась за руки – мы двинулись по аллее, мимо голых

деревьев. Малика сияла – улыбалась. Цветастыми вывесками манили павильоны: «Царство кривых зеркал» – «Комната страха» – «Лабиринт минотавра». Но начали мы с «чертова колеса».

Колесо обозрения завертелось – наша открытая кабина поплыла вверх. Достигнув наибольшей высоты – остановилась. Как на ладони – легла панорама города. Серые, белые, коричневые дома казались маленькими, как спичечные коробки. Пустыми шахматными клетками – площади. Артерией тянулась магистраль – по которой крошечными букашками ползли авто.

– Какая красота!.. – восхитилась Малика. Раскинула руки: – Я лечу-у!.. Я птица!..

И счастливо засмеялась.

Потом мы катались на американских горках. В «Комнате страха» смотрели на хлопающие челюстями светящиеся черепа. В зверинце наблюдали за возней тигрят, бодающимися ягнятами и комичным гималайским мишкой.

– Эти тигрята – совсем как твои котики из отеля!.. – сказала радостная Малика.

– Да, – улыбнулся я. – Только крупнее.

Я глаз не мог оторвать от Малики.

Она беззаботно резвилась, как детеныш сайгака. Не смолкал ее мелодичный смех. Ее агатовые глаза блестели. На щеках – горел румянец.

– Как здорово!.. Как прекрасно!.. – от избытка чувств вос-

клицала она.

Я поражался. Малика так по-детски безоглядно веселилась. Не поверить, что это ей подлая старуха-жизнь скормила пуд соли – заставив зарабатывать на хлеб, 2 помаду и на мамины лекарства продажей тела.

Поневоле я сравнивал Малику с собой.

Малик была точно юркая рыбка в безбрежном океане. Рыбке приходится бороться с течениями и избегать пастей крупных сородичей. Ей не на кого надеяться – только на гибкость своих плавников. И несмотря на это – Малика не разучилась радоваться, как ребенок. Она наслаждалась каждым мгновением, как каплей сладчайшего вина.

А я?..

Если сравнивать меня с рыбой – то с ярко-золотой рыбкой в небольшом аквариуме, никогда не видевшей моря. Дважды в день мне сыплют питательный корм – только рот разевай. А время от времени – даже меняют воду.

Мне не грозят прожорливые хищные рыбы. Мне не о чем беспокоиться: живу, как у Христа за пазухой. Я всегда могу разогреть в микроволновке приличный кусок бабушкиного пирога. Или похлебать бабушкиного же борща. Я и на работу пошел потому, что сам так захотел. А не потому, что меня погнала суровая необходимость.

И все равно: я всю жизнь – как пришибленный. В вечной глухой хандре. Хоть глотай антидепрессанты. Я точно битый слон – шагающий сквозь бело-серый туман. А блес-

нувший мне солнечный лучик – это Малика. Покинувшая родину «бродяжка» из Восточного Туркестана. Проститутка.

Дольше всего мы задержались в малиновом шатре тира. Здесь в три ряда (верхний – средний – нижний) располагались смешные плюшевые дракончики. Веселый парень-распорядитель в бейсболке набекрень объяснил нам: дракончиков надо сбивать мячиками. На двоих у нас с Маликой восемь бросков. Если собьем шесть дракончиков – получим приз.

– Ну, кто первый будет кидать?.. – спросил нас парень.

– Мужчины – вперед, – звонко рассмеялась Малика, подтолкнув меня к ящику с разноцветными мячиками.

Мой красный мячик пролетел между верхним и средним рядами. Синим мячиком я зацепил – но не сбил – дракончика в нижнем ряду. Разочарованный – я опустил руки. Похоже – не видать нам приза. Осталось шесть бросков. Вряд ли каждым мы собьем по дракончику.

– Давай-ка теперь я, – вызвалась Малика.

Она взяла мячик, прицелилась и метнула. Та-дам!.. Опрокинулся дракончик в среднем ряду.

– Отличный бросок!.. – прокомментировал распорядитель.

Второй мячик Малики свалил дракончика в верхнем ряду. А когда зеленый мячик сшиб дракончика в нижнем ряду – мы с распорядителем дружно захлопали в ладоши.

Четвертый бросок. Четвертый сбитый дракончик.

– Невероятно!.. – восхитился парень в бейсболке. – Мало кому удается четыре раза подряд не промазать.

Метнув пятый мячик – Малика сшибла еще одного дракончика. И только шестой мячик лишь задел – но не свалил – забавную плюшевую рептилию.

– Ну вот. Остались мы без приза, – как бы расстроено сказала Малика.

Но глаза ее горели задором – а губы улыбались.

Парень-распорядитель внимательно посмотрел на нас и выдал:

– Вот что, ребятаки. Я не каждый день вижу, чтобы пять бросков подряд были удачными. Думаю, я не согрешу, если немножко отступлю от правил и все-таки вручу вам приз.

– Ура!.. Ура!.. – как маленькая девочка, обрадовалась Малика, встав зачем-то на цыпочки.

Призом была золотого цвета статуэтка. Вернее – целая скульптурная композиция. Гигантская змея обвилась вокруг ветвистого дерева – и тянется к похожим на груши плодам. Вещица безвкусная, но Малика была страшно довольна – как охотник шкурой убитого льва.

Мы успели проголодаться. На территории парка хватало забегаловок и кафешек на любой вкус и карман. Хочешь – не сбавляя шаг, перекуси хот-догом. Хочешь – помечтай над тарелочкой салата «цезарь» и стаканом сливового сока. Но я повел Малику в «Звездный тигренок». Где – как я считал –

атмосфера и меню были интереснее.

Пока шли – Малика щебетала тропической птичкой. Неся статуэтку из тира, как трофей – я слушал Малику и улыбался.

Малика расспрашивала меня про мою учебу в университете. Я отвечал – не прекращая глуповато (так мне казалось) улыбаться. Упомянул про то, как скучно бывает на лекциях. Про лысого профессора с глазами, как плоски – который вместо «ч» произносит «щ» («щастный слушаЙ» – «ущастие» – «щастливчик»). И про то, как трудно бывает выпросить у библиотекарей – точно клещами вырвать – нужный тебе фолиант по международному праву.

– То есть, – с сияющим нежным личиком спрашивала Малика, – вы сидите на лекции и тихонько слушаете преподавателя?.. И аккуратно – как школьнички – записываете все, что он говорит?.. Такие большие девочки и мальчики?.. Вы протираете штаны на университетской скамье – а содержат вас папы, мамы или бабушки?..

– Да. Такие мы лошары, – не очень весело посмеялся я.

– Вы толстые-толстые комнатные котики, – сказала Малика. И продолжила раздумчиво: – Когда тебе семнадцать-девятнадцать лет – надо бороться за свои мечты. Рисковать. Влюбляться. Наконец – отрываться по полной. А не вот это все...

Я только вздохнул и развел руками. Что тут скажешь?.. Малика права. Сам будучи прилизанным студентиком – ко-

торый ходит в университет только потому, что бабушка велела – я это очень хорошо понимал.

Конечно: Малика и сама живет явно не так, как хотела бы. Она – черт возьми – проститутка. (Острый шип вонзился мне в сердце). Но и проститутка – вольная птица по сравнению с пай-мальчиком, студиозусом, боящимся не сдать зачет, прийти домой на четверть часа позже обычного или испачкать штаны.

Мы шли к «Звездному тигренку» знакомой улицей. По левую руку вырос белый параллелепипед быстро с грязноватой вывеской: «Закуски от дяди Вани». В этом бистро я впервые увидел Малику!.. Возле параллелепипеда была припаркована роскошная черная иномарка.

– Авто Османовича... – бросила Малика.

Моя гурия переменилась в лице. По алым губам ее змеилась колючая нервная улыбка.

Я вспомнил: Османович – это Омар Османович. «Два О». То ли владелец, то ли директор «Закусоч...». Это «два О» – даже не вникнув в ситуацию – у меня на глазах уволил Малику. Лишь бы угодить усатому клиенту-метросексуалу, которого – стелясь, как тюлень – задобрил бесплатным кофе.

– Знаешь что?.. – с полыхнувшим в глазах огнем сказала Малика. – Давай-ка зайдем сюда.

И Малика решительно направилась в сторону бистро. Я – на долю секунды затормозивший – еле нагнал красавицу.

Мы ступили в бистро.

Османович и правда был здесь. В своем полосатом пиджаке и брюках со стрелками – «два О» стоял и, периодически хмыкая и кивая, слушал продавщицу, которая, не отходя от кассы, в чем-то отчитывалась начальнику.

– Хо-ой!.. – развязно воскликнула Малика, подходя к прилавку.

Османович пристально поглядел на нее:

– Малика?..

Демонстративно отвернувшись от Османовича – Малика тем же развязным тоном сказала продавщице:

– Солнышко!.. Мне стаканчик кофе. Пожалу-у-уйста!..

Белокурая девчонка-продавщица только хлопала глазками. Она – очевидно – поняла: Малика не простая посетительница.

– Обслужи... Обслужи покупательницу... – не очень уверенно приказал Омар Османович продавщице.

Продавщица – все чаще моргая – налила коричневый кофе в бумажный стаканчик и поставила на прилавок. «Два О» – явно нервничая – смотрел, что будет делать Малика. У Османовича дергался кадык.

Малика – с осанкой и взглядом королевы – заплатила. Взяла стаканчик – и вдохнула кофейные пары:

– Недурной кофе. Недурной...

– Малика. Тебе что-то нужно?.. – хрипловато спросил Омар Османович. – Зачем ты пришла?..

– Так. Повидаться!.. – колюче засмеялась Малика. И – рез-

ко повернувшись – выплеснула горячий кофе Османовичу в лицо.

– Твою мать!.. – выругался «два О», складываясь пополам и прикрывая ладонями обожженные глаза.

– Вот тебе и твоя мать, псина!.. – воскликнула Малика. Она скомкала стаканчик – и кинула в Османовича. – Забыл, как меня с работы выставил – будто драную кошку выбросил за порог?..

Чуть прищуренные глаза Малики сверкали. Она походила сейчас на грациозную рассерженную пантеру.

Османович хрипел и тер глаза. По-видимому – он был совершенно растерян и обескуражен.

– В следующий раз подумаешь, прежде чем увольнять человека, не разобравшись и не расплатившись по справедливости!.. – жестко сказала Малика.

Направилась к выходу, махнув мне рукой:

– Пойдем, котенок.

Я наблюдал за всей шекспировской сценкой с немотой и неподвижностью истукана. Медленно двинулся за Маликой.

Я был поражен. От хрупкой слабой красавицы не ждешь, что она проявит характер, поквитается с обидчиком.

«Какая Малика непредсказуемая сложная натура!..» – восхитился я.

Определенно: непредсказуемость украшает девушку.

Я отметил еще: Малика так прекрасна в гневе. Она только выплеснула кофе в физиономию Османовича. А мне показа-

лась суровой молодой богиней с огнем в глазах – поднявшей карающий меч.

Я ожидал: после инцидента в бистро Малика вся будет взвинченной. Но не сделали мы от «Закусок...» и двадцати шагов – как Малика совершенно успокоилась. Ее улыбка снова стала теплой.

– Дурак он – этот Османович, – сказала Малика вполне себе весело. – Теперь он хоть напряжет извилины, прежде чем кого-то увольнять... Впрочем, я не жалею, что вылетела – как пробка от шампанского – из «Закусок...». Все равно мне там не нравилось. Целый день стоишь на ногах за кассой. Расшаркиваешься перед каждым покупателем. И получаешь за это сущие копейки. Бр-р-р!..

«А сейчас тебе нравится то, чем ты занимаешься?..» – хотелось мне спросить.

Но я только печально посмотрел на Малику.

Так мы дошли до «Звездного тигренка».

В кафешке и впрямь было красиво и уютно. Зал – погружен в приятный полумрак. Льет тихая расслабляющая музыка. Квадратные столики. Зеленые пальмочки в кадках. Народу – немного. И над всем этим – голубой купол, разрисованный белыми звездами.

Я заказал нам шашлык из баранины, политый острым соусом; печеный картофель, салат и апельсиновый сок со льдом.

– Хорошо!.. Так хорошо!.. – сказала Малика, облакачива-

ясь о спинку дивана.

Лицо красавицы разрумянилось. Агатовые глаза были полны томного блеска.

– С днем рождения, Малика!.. – почему-то дико смущаясь, сказал я – поднимая, как кубок с вином, прозрачный стакан апельсинового сока.

Мы с аппетитом ели. Пили. И развлекались разговором. Впрочем, говорила почти только Малика – а я был благодарным слушателем.

Она рассказывала забавные (и не очень) случаи из своего детства. Как, например, однажды забралась на чердак и надолго там затаилась. А бедная мама подняла на ноги весь аул и хотела вызывать полицию – чтобы нашли дочку.

В другой раз мама отругала шестилетнюю Малику за то, что та села за стол с немытыми руками. Девочка страшно надулась. Настолько, что решила сбежать из дому.

И действительно: захватив любимую куклу – маленькая Малика ушла, куда глаза глядят. На несколько километров углубилась в степь.

Аульские мужчины разбрелись в поисках малолетней негодницы. И только к ночи дяденька-пастух за ручку отвел девочку к горько плачущей маме – которую утешали мулла и все женщины аула.

Мягкосердечная мама Малики даже не могла наказать свою не по годам своенравную дочурку. Наоборот – не смахнув слезы, осыпала Малику поцелуями. Прижала к сердцу.

Дала целый кулек конфет.

Я подумал: вот какая бунтарка и хулиганка моя Малика. С самых детских лет!.. Не удивительно, что выплеснула кофе в рожу «двум О»!..

От золотого детства Малика перешла к своей – до сих пор продолжающейся – цветущей юности. Я узнал новые подробности о том, как Малика работала официанткой и продавщицей в бутике. А потом... Малика начала перебирать – как бисеринки на нитке – имена своих клиентов. Мужчин, с которыми спала за деньги.

Малика говорила о «господах-клиентах» без всякого почтения – но и без отвращения. Звонко смеялась. Легко было догадаться: она не видела ничего зазорного и трагического в том, что занимается проституцией.

Я узнал про лысого Дмитрия Дмитриевича («Дим Димыча» – как выразилась Малика), который был у Малики два раза, и в первый раз не смог кончить, а во второй – возбуждаться. Про «скорострела» паренька Жору – изливавшего сперму после трех-четырёх толчков. Про пузатого и солидного топ-менеджера Антона Иосифовича – даже во время полового акта не прекращавшего дрожать от страха, что женошкa (на которую записана половина семейной движимости и недвижимости) узнает об амурных похождениях своего благоверного и подаст на развод.

В каждом клиенте Малика находила какую-нибудь умирительную черту – и шутила, смеялась. А я сидел, как на

раскаленных иголках. Почти до крови закусив нижнюю губу. Понимала ли Малика, что каждое слово о полакомившихся «клубничкой» вонючих мужиках – было как удар кувалдой по моему сердцу?..

Вереницей проплывали перед моим мысленным взглядом любовники Малики. Необъятные жирдяи и жалкие дрищи. Великовозрастные дядечки и прыщавые юнцы. Уроды с небритыми подмышками. И мне хотелось плакать.

Наконец Малика как будто уловила, что своими рассказами причиняет мне жгучую боль. Чуть виновато улыбнулась. Ласково поглядела на меня. И сказала:

– Ну что это мы все обо мне да обо мне?.. Давай поговорим и о тебе.

И Малика стала с интересом расспрашивать меня о занятиях в университете, о кошачьем отеле. О том, как я провожу свое свободное время. О моих отношениях с бабушкой.

Сперва я очень смущался – и отвечал кое-как. Но в каждом вопросе Малики было столько участия!.. Так что я – как рубашку – распахнул перед красавицей душу.

Я поделился, что мне до зеленых чертиков надоело крошить зубы о гранит юридической науки. Что сокурсники, как обезьяны, дразнят меня – называя то «призраком отца Гамлета», то «рыцарем печального образа».

О своем неудачном романе со Снежаной. О том, как поправлял ментальное здоровье в «Голубом дельфине». Как замучила меня бабушка своей опекой... Обо всем я откровен-

но рассказал. Не умолчал даже, что пишу стихи.

– А я знала, что ты творческая натура, – стрельнув глазами, сделала мне комплимент Малика.

Шашлык был съеден, апельсиновый сок – выпит. Но нам совсем не хотелось покидать уютную кафешку. Я заказал нам шоколадный торт и чай со вкусом малины. Мы разомлели, как в сауне. Малика казалась мне сейчас довольной мурчащей кошкой – пригревшейся на лежанке у батареи.

Тихая музыка обволакивала нас сладким туманом. Пьянила. И в моей горячей голове родилась дерзкая мысль. Я признаюсь Малике в любви. Прямо сейчас!..

Мое сердце забилося сильнее.

Расслабленные, наевшиеся шашлыка и промочившие горло апельсиновым соком – мы полулежим в мягких креслах в комфортабельном кафе. Когда еще выпадет удобный случай, чтобы открыть свои чувства?.. Но, господи боже, как я волновался!..

– Малика... – начал было я. Но запнулся – и через несколько секунд повторил: – Ма-ли-ка...

– Да-а, золотой?.. – посмотрела на меня красавица.

Я закашлялся, тряхнул головой и отхлебнул малинового чаю. Выпрямил спину – пытаюсь собрать в кулак всю свою решимость.

– Ты, котик, хотел сказать мне что-то?.. – спросила Малика.

– Да...

Я зачем-то взьерошил себе волосы и выпалил:

– Малика. Я тебя люблю!..

Я вложил в эти четыре слова все свои душевные силы без остатка. Плечи у меня опустились. Я ссутулился, как старик. Затаив дыхание – я ждал, что ответит Малика.

А Малика... засмеялась. Необидным родниковым смехом.

– Ай, ты зайка!.. Какой же ты зайка!..

Я нервно теребил салфетку. Я не знал, как эту «зайку» трактовать. Благосклонна ко мне моя милая – или нет?.. А Малика – сияя улыбкой – положила свою маленькую ручку поверх моей руки и сказала:

– Дорогой. Ты не забыл?.. Я вообще-то проститутка.

Малика произнесла это спокойно. Без стеснения. Не приглушая голос. Кто-то за соседним столиком даже оглянулся на нас.

– Тебе не обязательно быть проституткой!.. – с жаром воскликнул я. – Я работаю... Моей зарплаты нам хватит, чтобы снять комнату. И...

– И тогда ты будешь сыпать наполнитель в лотки своих кошачков – а я сидеть дома и вышивать крестиком?.. – с иронией спросила Малика. – Мечтатель, ты такой мечтатель!..

– Но почему... – почти негодуя выдохнул я, но запнулся.

– Любовь поэта и проститутки!.. – по-прежнему улыбаясь, сказала Малика. – Неплохой сюжет для романа. Но в жиз-

ни... Ты пойми, хороший мой: я не оставлю свое ремесло продажной женщины. Я слишком срослась с мыслью, что я – проститутка. Ты знаешь: после того, как переспшишь с десятью мужчинами подряд – в тебе что-то меняется. Да и маме надо посылать денежку на жите-бытье и лекарства. А где я заработаю больше, чем ложаюсь с клиентом в постель?.. Мне кажется иногда, дружок: не я выбрала профессию проститутки. Это профессия выбрала меня.

– Но как же... – начал было я. И снова осекся.

Каждое слово Малики заколачивало гвоздь мне в сердце. Что я мог возразить?.. Что я вообще мог предложить Малике?..

На мою зарплату смотрителя кошачьего отеля мы – быть может – и сняли бы комнату в гнилой коммуналке. Хватило бы денег и на хлеб с маслом да на пустые щи. Но сверх того – ни капли.

Где бы мы брали деньги, чтобы отправлять какую-никакую копеечку маме Малики?.. А потом Малике понадобилось бы продлить визу – т.е., снова обращаться к мошенникам. Тут уж точно пришлось бы выворачивать карманы. Но толку-то их выворачивать – если там не завалилось и гнутой монетки?..

Конечно – Малика могла бы устроиться продавщицей в бистро. Или раздатчицей рекламных листовок у метро. Официанткой... Что ж. Тогда бы мы покروшили копченой колбасы в наши щи. Да позволяли бы себе по воскресеньям бу-

терброд с селедкой. Но много бы Малика не заработала.

Да и пробовала она уже свои силы и в качестве продавщицы, и в качестве официантки. И каждый раз со скандалом вылетала с работы...

Я понуро опустил голову.

– Э-эй, котенок, – Малика снова положила нежную ручку мне на руку. – Не грусти. Сегодня у меня день рождения!.. Давай веселиться!..

– Давай...

Сердце у меня ныло. Но я подумал: ведь в самом деле – сегодня день рождения Малики. И это я привел ее в «Звездный тигренок». Портить Малике удовольствие от малинового чая и шоколадного торта – как-то совсем не по-рыцарски. Я заставил себя улыбнуться.

Еще с полчаса мы сидели в кафешке. За чаем, сладким десертом и разговором. Я даже зачитал Малике кое-что из моих стихов – написанных в подражание восточным классикам. Наконец Малика сказала:

– Пора бы и закругляться.

И спросила – игриво выпятив губку:

– Ты же отвезешь меня домой?..

– Д-да... Отвезу... – с восхищением влюбленного глядя на Малику, ответил я.

Я вызвал такси, которое быстрее ветра домчало нас до подъезда Малики.

Я стоял – переминаясь с ноги на ногу. Вроде бы пора ска-

зять: «До свидания!..». Но когда я теперь увижу Малику?.. Мне захотелось превратиться в репей. Незаметно зацепиться за волосы любимой. Только бы с ней не расставаться!..

Малика неожиданно предложила:

– Зайдешь ко мне?..

Зайду ли я?.. Я чуть было не запел соловьем. Нет на земле силы, которая заставила бы меня ответить: «Нет»!..

В лифте Малика проворковала:

– Я чудесно провела день.

Я смотрел на нее – и растерянно улыбался.

Когда мы ступили в квартиру – вновь напоролись глазами на слоноподобную соседку с бородавкой на носу, медленно плывущую то ли в ванную, то ли в уборную. Недобро посмотрев на меня – мадам презрительно хрюкнула.

– Ну ты вешай куртку. И проходи ко мне в комнату, – пригласила Малика.

А я рад был послушаться.

В комнате Малики я присел на край кровати. Малика принесла с кухни два прозрачных бокала. Откупорила ту бутылку вина, которую получила от меня в подарок.

– Выпьем за мое здоровье, дорогой?..

На личике красавицы играла обворожительная улыбка. Малика разлила по бокалам темно-багровое вино. Один бокал подала мне – а другой поднесла к губам:

– Замечательное вино.

Вино было не только отменным – но и крепко ударяющим

в голову. Я не допил и половину второго бокала, когда мне стало совсем хорошо – да еще и жарко. Я сладко потянулся. И расстегнул рубашку на три верхних пуговицы.

Малика улыбнулась. Ее агатовые глаза лучились задором.

Она расплела косы. Сняла брюки и блузку – оставшись только в кружевном белье красного цвета. И – сделав очередной глоток из бокала – присела рядом со мной.

У меня перехватило дыхание. Вино и близость Малики околдовывали. Я откровенно таращился на красавицу. Глотая слюну – скользил глазами по ее бедрам, талии, струящимся черным волосам.

Малика мелодично рассмеялась. Взяла мою руку и положила себе на грудь.

– Малика?.. – несмотря на то, что разум мой помутился от вина, слегка растерялся я.

– Смелее, – ободрила меня Малика. – Ты же любишь меня. Значит – хочешь заниматься со мной сексом. Почему бы мне по-дружески тебе и не помочь?..

Это «по-дружески» больно меня кольнуло. Малика не любит меня. Она просто дарит мне себя на часок – «как другу». Она зарабатывает тем, что продает свое юное изящное тело. Так почему бы ей иногда и не преподнести это же тело в подарок приятелю?..

Но горькая настойка из ревности и тоски не могла погасить бушующее в моем сердце пламя страсти. Дрожащими руками я сорвал с Малики лифчик. И принялся мять и це-

ловать ее похожие на маленькие плодики груди. А она – тихонько постанывая – гладила мне волосы.

– Сейчас, пингвиненок. Погоди, – прошептала Малика. – Разденься пока.

Я освободился от одежды – а Малика достала пачку презервативов. (Конечно!.. У проститутки презервативы всегда под рукой!..). Надев презерватив на мой эрегированный член – Малика сняла с себя трусики и легла на спину.

Весь трепещущий – я покрыв поцелуями волосы, грудь и аккуратно выбритый лобок Малики. Кровь во мне так и бурлила. Я не поцеловал Малику только в алые нежные губы. Потому что усвоил правило: целовать проститутку в губы – табу.

Наконец я накрыл Малику собой. Жадно стиснул в объятиях. Легонько куснул ей мочку уха. Малика учащенно задышала и – в блаженстве – закрыла глаза. Ее черные волосы красиво разметались по белоснежной подушке.

Я проник в Малику и резко задвигался вперед-назад. Малика обвила ногами мой пояс, сплела руки у меня на шее. И – совершая встречные движения – ритмично постанывала:

– Да, да!..

Довольно быстро я достиг разрядки. Я испустил протяжный вздох – до того меня переполнила сладость.

Потом мы с Маликой долго лежали на чуть скомканной постели. Голые – допивали багряное вино. Лениво переговаривались.

– Милый, тебе в парке развлечений где больше всего понравилось?..

– Ох, даже не знаю. А тебе?..

– В тире. Ну конечно же – в тире. А еще – на колесе обозрения.

– Да. Мне тоже...

– Солнце. А еще куда-нибудь меня сводишь?..

– Да. Можно в зоопарк. В кино. Или просто в пиццерию.

Куда захочешь.

– Спасибо, котик...

Малика называла меня «котиком», «солнышком» и «милым». И эти нежные прозвища были точно яд, перемешенный с медом и сахаром. Тебе вкусно – но на деле ты отравился.

Я знал: так же, как и со мной, Малика делила постель еще со многими мужчинами. Давала им те же самые ласковые имена. Так в чем разница между мной и этими нечесаными похотливыми козлами?..

А разница проста. Сейчас Малика забавлялась со мной не за деньги.

Но все равно – не по любви. «По дружбе»!.. То ли из чувства симпатии – Малика решила доставить мне удовольствие. То ли она так расплатилась за катание на каруселях и угощение. Не знаю. Девичья душа – всегда темный омут. А душа проститутки – наверное – в особенности.

– Ну что?.. – игриво спросила Малика, увидев, что я снова

возбудился. – Повторим забег?..

Меня не пришлось упрашивать.

Я натянул новый презерватив – а Малика встала на постели на четвереньки. Я проник в Малику сзади. И – положив руки на ее упругие ягодицы – начал двигаться. Малика стояла. Красиво свешивались – достигая простыни – ее густые черные волосы.

– Я кончаю... кончаю... – горячо выдохнула Малика, падая на живот и увлекая меня за собой.

В этот момент и я – застонав – исторг семя.

В обнимку – утомленные и покрытые капельками пота – мы растянулись на постели.

– Мне было очень хорошо, – с улыбкой призналась Малика.

Да уж. Развлечения в парке аттракционов, посиделки в кафе и – под занавес – секс. Мне и самому сейчас было очень, очень хорошо.

Бутылка вина была опустошена. Накинув халатик – Малика сходила на кухню и принесла две чашки ароматного молочного кофе. Я – тем временем – успел одеться.

Мы долго смаковали горячий кофе – перебирая, как бузинки, события дня. Как нас с ветерком носило на американских горках. Как Малика в тире лихо сшибла пять дракончиков. Выигранная ею статуэтка стояла теперь на столе рядом с опорожненной бутылкой.

– Мой боевой трофей, – посмеялась Малика.

Кофе был выпит.

– Ну что?.. – сказала Малика. – Тебе пора домой?..

– Наверное, пора... – развел руками я.

– Спасибо тебе за отлично проведенное время!.. – прижалась к моему плечу Малика. – Давно я не отмечала день рождения так весело!..

Я почувствовал глубокую искренность слов Малики. Так что мне даже захотелось плакать.

Малика проводила меня до двери квартиры. И напоследок чмокнула в щечку.

В смешенных чувствах я спускался на лифте. Весь день я провел с любимой девушкой. Забыв все на свете – мы отрывались в парке аттракционов. Пировали в «Звездном тигренке». Черт возьми – мы даже трахались (простите мой французский)!.. И при всем при этом Малика осталась не моей. Кошкой, которая «гуляет сама по себе».

Так символично, что – отдавая мне свое тело – Малика не позволяла целовать себя в губы. От этого оставалось ощущение, что ты не сломал печать на письме. Не сорвал с куста самый яркий и душистый цветок. Как бы ни стонала и ни изгибалась красавица в твоих объятиях – а не принадлежала тебе до конца...

Такси домчало меня до дома.

– Откуда так поздно?.. – подходя с кухни, спросила бабушка, когда я переступил порог квартиры.

– Из университета... – привычно соврал я.

– Что-то ты весь взбудораженный какой-то, – заметила бабушка, ощупывая меня пронизательным взглядом.

Я пожал плечами.

– Я суп куриный сварила, – сказала бабушка. – Наливаю тебе?..

– Спасибо. Я не голоден.

В самом деле: мы с Маликой плотно закусили в «Звездном тигренке». Но еще более веской причиной не садиться за стол было нежелание хлебать суп под глазами у бабушки, которая полезла бы ко мне с новыми расспросами.

«А по каким предметам лекции у вас сегодня были?.. А когда семинар по уголовному праву?» – и т.д.

Поскорее я скрылся в своей комнате.

Разделся, погасил свет и лег в постель. Хотя за окном была еще не ночь. Сквозь серый воздух я смотрел в белый потолок. И думал о Малике.

10. Птенец покидает гнездо

Тянулись дни.

У меня не проходило нервное тревожное состояние. Я бы сказал, что чувствовал себя как-то... странно. По словам Малики: переспав с десятком мужчин – необратимо меняешься. Видимо, что-то такое происходит и когда бесплатно займешься сексом с проституткой – которую, вдобавок, любишь.

От острого ястребиного глаза бабушки не укрылось: что-то со мной неладно.

– Ты не перенапрягся на учебе?.. – с волнением спрашивала она. – Не посетить ли тебе доктора?.. Я не хочу, чтобы ты с треском провалился на летней сессии!..

– Все... все нормально, – лгал я.

Когда бабушка заговаривала про университет – я старательно отводил глаза. Потому что сам плохо представлял: как там – в университете?..

Я бессовестно пропускал занятия – совсем не беспокоясь о том, как летом сдам экзамены. Вместо того, чтобы – сидя в душной аудитории – конспектировать длинные речи какого-нибудь яйцеголового очкастого профессора, я возился в кошачьем отеле с хвостатыми постояльцами. Дородным желтым Леопольдом. Пятнистой Дымкой. Шустрым чернышом Семей. И другими.

Поменяв наполнитель в лотках, налив кошкам в миски фильтрованной воды и насыпав корм в блюдца – я, хрустя чипсами или уплетая прихваченный из дому бабушкин пирожок, утыкался в смартфон либо в блокнот, в который записывал стихи.

По дороге от работы к метро – я брал в киоске алкогольный коктейль и на ходу выливал себе в глотку. Только так мне удавалось чуток расслабиться.

В дни, когда не надо было на работу – я отлеживался дома. Просыпался после полудня. Шел на кухню – перекусывал

разогретым в микроволновке бабушкиным пирогом. Возвращался в комнату – и снова устраивался на постели, раскрыв томик Низами или Камола Худжанди. Так до вечера я читал и писал стихи. Смотрел на ноутбуке какой-нибудь фантастический супер-мега-боевик про героя-«нагибатора». И пораньше вечером заваливался спать.

Лишь изредка – как две шестерки при метании костей – выпадал день, когда я таки добирался до университета.

«Привет, дон Карлос!.. Привет, арап Петра Великого!..» – восклицал кто-нибудь из сокурсников мне в спину. Но я только дергал плечом – как бы отгоняя надоедливую слепня. Занятый собственными мыслями и переживаниями – я точно отрастил несколько слоев буйволового кожи для защиты от внешних раздражителей.

Все же отношение ко мне сокурсников изменилось. Они поглядывали на меня с любопытством и с чем-то похожим на уважение. Их удивляло, очевидно: почему такой пай-мальчик, как я, самый прилежный студент на факультете – вдруг перестал появляться на лекциях?.. А если и соблаговолит почтить своим присутствием семинар – то торчит за дальней партой и рыбой молчит в ответ на вопросы преподавателя?..

Снежана – да, та самая лисичка-Снежана, которая сходила со мной в театр, а потом жестоко, со смехом отвергла меня – на правах доброй знакомой поинтересовалась:

– Ты что – на работу устроился?..

Не помню, как я отмахнулся от Снежаны. Откровенни-

чать с несостоявшейся невестой ни капельки не хотелось. На что мне рыжая вертлявая лисица Снежана – если сердце мое занято жгучей смуглянкой Маликой с родинкой у нежных губ?..

О, я не забывал Малику ни на мгновение!.. После единственной прогулки в парке развлечений – наша своеобразная дружба не прервалась. Наоборот: мы переплелись, как две нити.

Почти каждый день мы обменивались сообщениями в приложении на смартфонах. Я отправлял Малике фото моих хвостатых четвероногих подопечных. А она отвечала со множеством смайликов: «Какая милота!..». В течение дня мы интересовались друг у друга: «Как делишки?». Перед сном желали: «Спокойной ночи!».

Иногда Малика отвечала с часовой или двухчасовой задержкой: «Извини. Я с клиентом была». Либо писала: «До связи, котик. Ко мне уже клиент подъезжает» – «Клиент у меня на всю ночь остается. Завтра пообщаемся, мой хороший».

Понимала ли Малика, что каждым таким сообщением наносит скользящий ножевой удар по моему сердцу?.. И каждый удар оставлял длинную полосу шрама.

Но я с нетерпением ждал сообщений Малики. Писал ей первый: «Ну как?.. Уехал клиент?..». И – до боли закусывая губу, чуть не плача – читал ответ: «Только выпроводила. Темпераментный дядечка попался. Чуть не раздавил меня

своим круглым – как глобус – животом».

Переписываться с Маликой – было как пить терпкое вино. Тебе горько – но ты не отрываешься от кубка. Лишь бы продлить блаженное состояние опьянения. Воистину: я был пьян Маликой.

Два раза мы виделись.

Первый раз посидели – болтая – в пиццерии. Это я зазвал туда Малику, пообещав угостить настоящей итальянской пиццей с сыром моцарелла. Впрочем, «угостить» не получилось: Малика заплатила за себя сама.

– Побереги червонцы, – по-дружески сказала мне она. – Сегодня не мой день рождения и не международный женский день. И я знаю: ты не так много зарабатываешь.

Во второй раз мы сходили в кино. Это была идея Малики – которой очень захотелось посмотреть нашу шумевшую историческую мелодраму «Призраки Тадж-Махала». Приятно было сидеть с соленым попкорном в темном зале и – затаив дыхание – следить за происходящим на экране. Будто мы и в правду влюбленные парень и девушка.

Да. Приятно. И одновременно – неопишимо больно. Потому что – на самом деле – у нас не любовь, а только непонятная «дружба». Потому что Малика спит с каждым, кто заплатит.

Малика стала моей музой. Со дня девятнадцатилетия Малики – который мы провели вместе – я с особой остротой почувствовал себя поэтом.

До сих пор мне приходилось наизнанку выворачивать мозг – чтобы, кряхтя, родить хоть строчку в духе Низами или Саади. А теперь стихи сами лились из меня – успевай только записывать. Казалось: их шепчет мне ангел, сидящий на моем правом плече.

Только стихи рождались совсем не похожими на произведения моих любимых восточных поэтов. Следуя за помахающей разноцветным хвостом птицей-вдохновением – я, себе на удивление, освоил абсолютно иной стиль. И писал уже не просто о женской красоте, жасмине и мотыльке – а обо всем, что происходило со мной. Что будоражило мне ум и заставляло сильнее колотиться сердце.

Стихи получались – например – такие:

*Мама, не плачь. Я люблю проститутку.
Мама, родная, ты дай мне совет.
Эта красотка в распахнутой куртке –
Ярче, чем лунный и солнечный свет.*

*Розы алее те губы в помаде.
Жаркую молнию мечут глаза.
«Кроме тебя никого мне не надо» –
Эти слова я не смог ей сказать.*

*Красться за нею хотел бы я тенью –
Сердце обречь на блаженную боль.*

*И наблюдать, как мой ангел за деньги
Дарит чертям и шайтанам любовь.*

*Мама, прости. И скажи, что мне делать.
Буду, наверное, деньги копить.
Лотосы, звезды и женское тело –
Все продается, все можно купить.*

Да. Навои, Джами и Хафиз грезили о сказочной гордой пери, взглядом сражающей наповал. О прекрасной девственной гурии – спустившейся из заоблачных райских садов. А я?.. Я слагал стихи о проститутке. О распустившемся у полойной ямы забрызганном грязью синем цветке.

Похотливые дядечки волосатыми ручищами мнут плодики-груди Малики, наставляя рога своим женам!.. Эта мысль ни на мгновение меня не оставляла – как вьющаяся вокруг головы оса.

Я сгорал в костре глухой ревности, точно жалкая хворостинка. И стал худым – будто эта самая хворостинка или зубочистка. За обедом кусок становился мне поперек горла.

По ночам я долго ворочался, комкая простыню. А когда – наконец – закрывал глаза, видел в страшном сне: переброшив Малику через плечо, косматый дэв (то ли гоблин) уносит мою красавицу в черную пещеру.

Иногда – стоя у зеркала – я нервно улыбался своему двойнику. И удивлялся: как? – это я?.. Я начинал учебный год

мальчиком-зайчиком. Послушным внучком своей бабушки. Усердным студентиком – у которого и в мыслях не было пропустить без уважительной причины (такой, как падение метеорита) хоть одну лекцию... А сегодня?..

Сегодня я почти как взрослый. Пока другие студизусы клянчат деньги у пап-мам, чтобы «сжечь» эти червонцы в ночном клубе – я зарабатываю сам. Бабушка варит мне жирные супы и печет пироги. Но по правде я в состоянии обеспечить себя пропитанием – пусть не таким обильным и сытным.

Да что там питание!.. Мне по карману снять комнату – и съехать ко всем чертям от бабушки. Начать самостоятельную жизнь. Обедать крольчатиной и ананасами тогда не получится. Зато я – как взмывшая в лазурное небо птица – упыюсь сладким воздухом свободы.

И за то, что я вырос из детских штанишек – которые затрещали на мне по швам – я должен благодарить Малику. Это она разожгла в моей груди огонь. Именно после того, как я увидел за прилавком свою красавицу – я захотел меняться. Если б не Малика – я так бы и остался прыщавым студентиком без сексуального опыта. Вгрызающимся в фолианты законов и кодексов – чтобы дорогой бабушке на радость выпуститься из университета с красным дипломом. (И не беда, что с опухшим фиолетовым лицом).

Ветер не задует пламя, если жарко горит целая копка сена. Наоборот: разнесет искры – дав распространиться пожару.

Так дело обстояло и с моей эмансипацией. (Господи, слово-то какое!..).

Устроившись на работу в зоогостиницу – я стал меньше зависеть от бабушкиных денежных подачек. Но я не мог на этом остановиться. Хотя ржавыми ножницами – я должен перерезать пуповину, соединяющую меня с бабушкой. Съехать в съемную комнату.

Или я сломаюсь. Уволюсь из кошачьего отеля – и снова буду покорно жевать бабушкины пироги и зубрить юриспруденцию. Чтобы в недалеком будущем сделаться клерком в очках и вязаном свитере. Записывать клиентов на прием к адвокату. Хвостом паршивой овцы трястись перед начальником...

Огонь либо потухнет – либо разрастется в пожар. Третьего варианта – не дано.

Я закусывал нижнюю губу. Нет. Я не сломаюсь. Не сломаюсь. Не сломаюсь!..

Но чтобы не сломаться – надо было действовать. Не ждать, что все само собой получится. А я топтался на месте. Я только в воображении собирал вещи и съезжал от бабушки. А на деле продолжал пить коктейли, хлебать уху и писать стишки.

К решительному шагу меня подтолкнули Малика... и бабушка.

Однажды утром (я уже открыл глаза – но еще не вылез из постели) мой смартфон пикнул. Я посмотрел: сообщение от Малики.

«Привет, ежик. Ты как?..»

«Привет. Норма, – настрочил я в ответ. – Как сама?..».

«Не очень. В хлам разругалась с соседкой по коммуналке».

Я отправил Малике несколько выражающих сочувствие смайликов.

«...Ты представляешь: эта самка мастодонта каждый раз оставляет после себя плиту залитой жиром. И при этом мне предъявляет претензии. Как будто не она, а я насвинячила. Пряма глаза хочется выцарапать этой толстой жабе!..».

«Может – пожаловаться квартирохозяйке?» – не зная, как поддержать Малику, написал я.

«Не в моем стиле жаловаться, – ответила Малика. – Я – на самом деле – давно хочу снять новое жилье...».

Я снова прислал смайлик.

«Слушай, – написала Малика. – А почему бы нам совместно не арендовать квартиру?..».

Я не успел ничего ответить – а Малика продолжила:

«Мы же оба работаем. Вполне потянем аренду хаты где-нибудь в живописном пригороде. Далековато от метро – ну да не беда. Зато нам не придется делить жилплощадь с чужими людьми... Ну что?.. Согласен?.. Не век же тебе сидеть под крылом у бабушки...».

Слова про бабушкино крыло – зацепили мое самолюбие. Нет – я не послушный внучок!.. Я способен отвечать за себя сам!.. А перспектива жить с Маликой под одной крышей –

поманила меня, как сыр мышонка.

«Согласен», – написал я Малике.

«Вот и славненько. Собирай вещи. Квартиру мы найдем быстрее, чем успеем вздохнуть».

Ближайший выходной я посвятил сбору вещей. Оказалось: их у меня не так уж и много. В один мешок поместились мои любимые книги: «Лейли и Меджнун» Низами – «Фархад и Ширин» Навои – томик Саади – лирический сборник Хафиза... В другой – свитера, носки, брюки, рубашки и прочее тряпье. Все остальное барахло я втиснул во вместительную сумку-тележку.

Я теперь – буквально – сидел на чемоданах. Ожидая только отмашки от Малики: «Есть подходящая квартирка. Едем смотреть!...». Но неизвестно, сколько бы я тормозил, боясь покинуть родное гнездышко, если б не... бабушка.

За кухонным столом я перемалывал пирог с мясом, луком и томатом и тупо пялился на фикус в кадке – когда вдруг нарисовалась отложившая вязанье бабушка и встала передо мной, как оловянный солдатик «по стойке смирно». Окаменелое лицо, по-змеиному пронзительный немигающий взгляд бабушки – не предвещали ничего хорошего.

– Мне. Нужно. С тобой. Поговорить, – железно отчеканила бабушка.

– А?.. – я чуть не подавился плохо прожеванным куском пирога.

– Мне. Нужно. С тобой. Поговорить, – суровая, как снеж-

ная королева, повторила бабушка.

Я отодвинул тарелку с пирогом – и облизал пальцы. Сердце мое забилося сильнее.

– Последнее время ты на себя не похож, – не меняя ледяного тона, перешла бабушка к сути дела. – Расхлябанный. Неряшливый. Нервный. Уж не знаю, о чем ты думаешь – но явно не о том, как успешно сдаться в летнюю сессию. И пропадаешь ты допоздна – конечно – не в библиотеке факультета. А дома я тебя вообще с учебником не видела. Ты если и читаешь – то только черта своего нерусского, Низами...

Я сглотнул и напрягся, как струна. Почувствовал: лицо мое пылает. А бабушка – даже с каким-то вдохновением (я бы сказал: остервенением) продолжила плющить мне мозги кувалдой тяжелых слов:

– От тебя – как от сиятельного индонезийского принца – не добьешься ответа на простой вопрос: как у тебя дела?.. Что там у тебя с учебой – я понятия не имела. Так что – уж не взыщи, сударь!.. – я позвонила куратору твоей группы...

– Ты позвонила куратору?.. – чувствуя, как во мне что-то закипает, одними губами прошептал я.

Нет, до чего бабушка дошла в стремлении контролировать мою жизнь!.. У меня за спиной звонит куратору!.. Я что – должен отчитываться в каждом шаге?.. Может мне и в туалет – пардон – отпрашиваться?..

А бабушка вколачивала гвозди мне в череп:

– Я позвонила куратору. Инессе Леопольдовне. Спросить:

а как у моего мальчика дела в университете?.. И что мне ответила Инесса Леопольдовна?.. Сказать – или сам догадаешься?.. Она ответила, что золотой мой внучок показывается в институте – в лучшем случае – раз в неделю. Пропустил два коллоквиума. Как прикажешь это понимать?..

Я отодвинул тарелку с пирогом. Вытер салфеткой рот. Поднялся на ноги. Губы мои дрожали. Но не от страха – а от возмущения.

– Ты звонила куратору?.. – снова выдохнул я. – С какой стати ты шпионишь за мной?.. Но – если тебе так важно знать... Я устроился на работу... Да!.. Я уже не первый месяц работаю... И у меня достаточно денег, чтобы снять жилье... Так что теперь я ухожу...

– Что?.. Как?.. – только и выдавила бабушка. Похоже – мои слова ее огорошили.

Бабушка – видимо – готова была услышать, что я пропадаю по ночным клубам. Что я связался с дурной компанией – с которой заливаю водкой глаза или, не дай бог, курю марихуану. Но то, что милый внучок, оказывается, зарабатывает деньги – стало для бабушки потрясением хуже разлома земной коры.

А я – раз уж начал – решил идти до конца:

– Я больше не пушистый птенец. У меня отросли перья и окрепли крылья. Теперь я способен летать!.. Спасибо тебе, что поила и кормила меня столько лет. Я перед тобой в неоплатном долгу. Но ты меня не удержишь: я ухожу – ухо-

жу, чтобы начать самостоятельную жизнь!..

– Но... – попыталась что-то сказать бабушка, но осеклась.

Она застыла каменным изваянием – точно встретила взглядом с Медузой Горгоной.

Я решительно повернулся – и вышел из кухни.

Прихватив из своей комнаты мешки с книгами и тряпьем, покотив сумку-тележку – я покинул квартиру.

Когда я спускался в лифте – в груди у меня покалывало. Я отдавал себе отчет в том, что жестоко обошелся с бабушкой. Наверное, это нестерпимо тяжело – годами ухаживать за дитятей, как за экзотическим растением в горшочке, а потом услышать от возмужавшего чада: «До свидания. Я ухожу. У меня своя дорога».

Но что поделать?..

Я ведь не тропический цветок в расписной вазе. Не золотая рыбка в аквариуме. Я живой человек. Я вырос – и начал задыхаться от навязчивой бабушкиной опеки. Икринка превращается в головастика. Головастик – в лягушонка. А лягушонку надо свободно прыгать...

Я не останусь комнатным растением. Нет. Нет.

11.Бабочки порхают допоздна

Я и Малика сняли квартиру на первом этаже панельного дома в красивом пригороде.

Был уже май с теплым солнцем и синим небом. В клумбах

пестрели яркие цветы. Вдоль аллей зеленели деревца. Среди желтых одуванчиков и сочной травы лениво бродили упитанные кошки – которых подкармливали местные старушки.

Метрах в четырехстах от дома протекала мутная речка с усыпанными камушками берегами. Не речке гоготали утки. Иногда мы с Маликой выходили покидать пернатой водоплавающей братии хлебные крошки.

Сидящим на скамейках бабусям я и Малика часто попадались на глаза держащимися за руки. Нас считали парой. «Какие молодые, хорошенькие!..» – умилялись бабуси.

Ох, знали бы они нашу подноготную!.. Небось, выронили бы вставные челюсти на асфальт.

Я горячо, всем сердцем, каждым атомом души любил Малику. А Малика искренне мне симпатизировала. Почему бы нам тогда и не быть парнем и девушкой?.. Но нет. Мы были просто друзьями. Только друзьями...

Все дело было в ремесле, которым промышляла Малика. Она занималась проституцией – и не видела в этом ничего зазорного. Пока я присматривал в зоогостинице за котами – Малика ублажала очередную жирную свинью.

Я просыпался от играющей на телефоне мелодии рано утром. Малика тоже приоткрывала глаза – и сладко зевала, натягивая одеяло по самый подбородок.

Я умывался, чистил зубы и причесывался. Шел на кухню – ставил чайник и нарезал бутерброды с колбасой и сыром.

Потом тормозил Малику.

– Будешь кофе?..

– Давай, дружок...

Заспанная, растрепанная – Малика поднималась с постели и набрасывала свой японский халатик. Мы пили ароматный молочный кофе. Закусывали бутербродами.

За скромным завтраком Малика щебетала беззаботной птичкой. Рассказывала, что видела во сне:

– Представь себе, солнышко: мне надо пересечь болото. И сделать это можно только прыгая по спинам крокодилов...

Или:

– Мне приснилось, родной, что я превратилась в блохастого уличного котенка. Роюсь в мусоре – чтобы найти себе пропитание. Шарахаюсь от здоровенных черно-серых ворон. А потом меня подбирает добрая девочка. Купает в тазике, в теплой водичке – и расчесывает...

Я слушал – и улыбался.

Малика называла меня «солнышком», «котиком», «родным». Но это было не столько выражением хорошего отношения ко мне – сколько профессиональной привычкой. «Ночная бабочка» флиртует с каждым, у кого что-то болтается между ног.

От понимания такой неприглядной истины мне становилось горько, как от касторки. И все-таки – я улыбался. Я радовался уже и тому, что вижу Малику каждый день. Что мы едим и пьем за одним столом. Что она – если разобраться

– выделяет меня из общего скопища мужчин. Все для нее – только грязные, похотливые самцы, с которых она стрижет деньги за секс. А я – друг. Мы вскладчину снимаем квартиру. Вместе затариваемся в ближайшем супермаркете.

Малика рассказывает мне свои сны. Наконец – она приняла от меня в подарок цветы.

После кофе и бутеров Малика снова ложилась в постель. Моя красавица никуда не торопилась. И могла позволить себе валяться хоть до одиннадцати утра.

А я – сунув в рюкзак контейнер с салатом из огурцов-помидоров – отправлялся на работу.

Утро в зоогостинице было самой страдной порой. Надо было подмести и вымыть коридор; убраться в каждом «аквариуме». Налить кошкам в миски свежую отфильтрованную воду. Насыпать корм в блюда.

Стоило открыть один бокс – как хвостатый постоялец выскакивал в коридор и пускался носиться по помещению. Нужно было проявить обезьянье проворство – чтобы вернуть прыгуна на место.

Потом я через прозрачное «аквариумное» стекло снимал котеек на телефон – и посылал фотки счастливым хозяевам четвероногих. Мол, докладываю: все у вашего Маси хорошо – только мяукает больно громко.

Покончив с делами – я утирал пот со лба. Кипятил воду в электрочайнике. Налив себе кофе – проваливался пятой точкой в пуфик и уставлял глаза в раскрытый томик Джами.

Поначалу я читал не отрываясь. Проникаясь терзаниями лирического героя – влюбленного в прекрасную, но гордую и жестокую, пери. Но скоро строчки начинали плясать у меня перед глазами. Я вспоминал собственную беспощадную пери – Малику. О, я принял от Малики никак не меньше мучений, чем лирический герой Джамии – от своего идола!..

«Вот сейчас ты сидишь читаешь стишки, – гнусавил мне в ухо чертенок с левого плеча, – а твоя Малика раздвигает ножки перед каким-нибудь блудливым хряком – зарабатывая красные червонцы».

Такие мысли были, как стая шершней – жалящих, жалящих меня. Я ронял книжку – и тер глаза, из которых струились непрошенные соленые слезы.

Тогда я доставал заветный блокнот, брался за шариковую ручку – и записывал лившиеся из меня вместе со слезами стихи.

Кофе пью. Не сплю вторые сутки.

Одолела головная боль.

Таю по красивой проститутке...

Боги, боги!.. Это ли любовь?..

Помню, как сплетались мы в постели.

Звездами тогда блистала ночь.

А на утро – тяжкое похмелье.

И рассол не может здесь помочь.

*Встала – и ушла она с рассветом...
Нового клиента убажжать.
И хотел я с быстротой ракеты
За продажным ангелом бежать.*

*А на простыне и одеяле –
Запахи чудесные духов...
Кофе пью. И думаю: не я ли
Подлинный дурак из дураков?..*

Страстная любовь к Малике сделала из меня действительно поэта. Верно говорят: художник должен страдать. Я отошел от подражания восточным классикам – и нащупал свой стиль. Мне больше не приходилось вымучивать строчки. Стихи – как бы сами по себе – пеной всплывали из чаши моего сердца. Оставалось только записывать. В особо урожайные дни я выдавал аж по пять-шесть стихотворений.

Смена в кошачьем отеле длилась одиннадцать часов. За это время я успевал исписать несколько страничек заветного блокнота. Напоить-накормить кошачью братию. Убрать за той же братией экскременты из лотков. Похрустеть чипсами со вкусом шашлыка – купленными в автомате на первом этаже БЦ. Обменяться сообщениями с Маликой.

Малика писала:

«Уфф... Я у себя в апартаментах... Спроведила перво-

го за сегодня дядечку... Скажу тебе: утомил меня знатно. Настаивал на позе «перевернутая наездница». Так что пришлось мне попрыгать... На вечер еще один кавалер намечается. Судя по голосу – неуверенный в себе мальчик. Девственник, наверное...».

Не знаю – неужели Малика не понимала, что своими откровениями насчет «дядечек» и «кавалеров» кромсает мне сердце, как ржавым ножом?.. Я был для нее вместо подружки – с которой делишься даже самыми стыдными секретами.

Я стискивал зубы. Сжимал кулаки. И плакал. Плакал. Как я ни крепился – струйки соленой влаги сбегали по щекам. Я хватал томик Джами – чтобы за чтением газелей и рубаи таджикско-персидского мастера забыть собственное едкое горе. Но лирикой Джами ненадолго удавалось отвлечься. Тогда я кидался к блокноту – чтобы записать уже свои стихи. Выхлестывавшиеся из меня, как багряная кровь из испорченной вены...

Домой я возвращался – обыкновенно – раньше Малики. Оно понятно: «бабочки» порхают допоздна. Как грустно мне было вступать в пустую квартиру – похожую на неандертальскую пещеру!..

Я не находил себе места. Меня опять кусали мысли, что прямо сейчас какой-нибудь бегемот тискает и мнет Малику.

«Скоро буду, котик», – приходило сообщение от Малики. Или иногда: «Сегодня не жди. Я до утра с клиентом».

Если Малика не возвращалась ночевать – мое сердце раз-

валивалось на кусочки, как ударенная о камень фарфоровая чашка. Хотелось выть, как псу с перебитой лапой. Я пил валерьянку – в слабой надежде, что от горьковатого настоя получится заснуть. Когда же я понимал, что забыться не удастся – шел на кухню и делал себе кофе. Я выливал в горло молочный кофе кружку за кружкой. И то и дело смахивал слезу с воспаленных глаз.

«А пока ты здесь рыдаешь, – издевался бесенок с левого плеча, – твою зазнобушку сношает какой-нибудь важный господин, по такому случаю поставивший тросточку в угол и снявший смокинг».

Ревность грызла меня бешеным волком. Как посмеялись надо мной боги, влюбив меня в проститутку!.. Я удивлялся: почему не обвалится потолок?.. Почему не задрожит земля?.. Почему я дышу и вижу – если Малика стала игрушкой для похотливых скотов?..

Чаще Малика – все-таки – возвращалась поздно вечером. К ее прибытию я успевал пожарить нарезанный соломкой картофель – к которому добавлял колечки лука и консервы «мясо цыпленка».

– Как вкусно!.. – Малика всегда хвалила мою стряпню, даже если картошка получалась малость горелой.

– Ухх... – откидывалась Малика на спинку стула. – Как я устала за день!.. Ну а ты?.. Как у тебя дела?..

Нервно сглатывая (при мысли о том, от чего так устала Малика) – я рассказывал про своих озорных котов.

– А стихи?.. – спрашивала Малика. – Ты писал сегодня стихи?..

– Да...

Я открывал блокнот – и зачитывал строки, которые сочинил на работе. Малика слушала с улыбкой – и не скупилась на комплименты:

– Bravo!.. Великолепно!.. Ты настоящий поэт!.. Ты повенчан с музой!..

Кажется, у Малики и впрямь был вкус к поэзии. Красавица находила, что мои «жизненные» стихи – о том, о чем я мечтаю, о любви к проститутке – на порядок выше моих же подражаний Низами и Саади. И к слову: Малику несколько не смущало, что проститутка, по которой сохнет до состояния газетного листа мой лирический герой – это сама Малика. Или проституткам в принципе неведомо такое чувство, как смущение?..

Малика убежденно говорила:

– Пойми: в отношении Навои и Джамии ты можешь быть только эпигоном. Для настоящего поэта важно идти собственной дорогой. И ты эту дорогу нашел. Продолжай!.. Пиши о своих чувствах, переживаниях. Тут ты неповторим...

Слушая Малику – я нервно покусывал нижнюю губу. Мне хотелось и смеяться, и плакать.

О, Малика такая понимающая!.. Как верно она рассуждает о поэзии!.. Да только делает вид, что не улавливает, кем вызваны эти самые «чувства-переживания».

Я люблю свою темноглазую колдунью. Люблю. Люблю. Люблю. Люблю. А она?.. Она относится ко мне как – извините!.. – к подружке с яйцами, которой можно пожаловаться на грубого клиента или на то, как ты устала после четырех часов секса с разными мужчинами.

Но, черт возьми, я дорожил и этим положением «подружки с яйцами». Я больше не смел говорить Малике о любви. Я должен поблагодарить небеса и за то, что могу быть рядом с Маликой хотя бы в качестве «подружки».

После ужина мы смотрели эпизод какого-нибудь легкого сериала. А затем отходили ко сну. Я укладывался на диван, а Малика на кровать – в разных концах комнаты.

Малика спала голой. «Не люблю, когда тело сжимают всякие резинки», – смеясь, говорила она. Без стеснения сняв лифчик и трусики – Малика ныряла под одеяло.

Я ощущал возбуждение, перемешенное с болью. В нескольких метрах от меня лежала обнаженная красавица!.. Я задыхался под одеялом. Утыкался лицом в подушку – чтобы не зареветь в голос.

Все же – Малика по-своему заботилась обо мне.

По ее инициативе – мы раз в неделю устраивали совместный выходной. В какой-нибудь день, когда у меня не было смены – Малика тоже не выезжала к клиентам. Чтобы провести время со мной.

В такой день мы просыпались поздно. Накинув свой «японский» халатик – Малика одаривала меня сияющей

улыбкой и шла на кухню за кофе. Расслабленно валяясь на моем диванчике – мы выпивали по три-четыре чашки бодрящего ароматного напитка, который заедали баранками и бутербродами с сыром.

При этом мы весело болтали. Вернее – Малика щебетала беззаботной птичкой. Припоминала смешные случаи из своего детства. Игриво взлохмачивала мои пшеничного цвета волосы и восклицала: «Ты Иванушка!.. Иванушка из сказки!..».

Затем мы заказывали пиццу и роллы. А я добежал до супермаркета – за двумя или тремя бутылками красного вина.

Балуя свои вкусовые рецепторы пиццей с томатами и грибами, попивая из прозрачных бокалов темно-багряную «Кровь дракона» – мы смотрели с ноутбука кино. Это могла быть эротическая мелодрама про Антония и Клеопатру. Романтическая комедия из жизни менеджеров по продажам. Марзматический блокбастер про «рыцарей света», самурайскими мечами сражающихся с демонами в открытом космосе.

После фильма – продолжая потягивать вино – мы играли в города, как перекидывали друг другу мячик.

– Астрахань!..

– Норильск!..

– Калуга!..

Или – вооружившись каждый листком и ручкой – тягались в «морской бой».

– «А-четыре»!..

– Ранен...

– «А-три»!..

– Убит...

При всем этом Малика не переставала веселиться – и веселить меня. Она резвилась, как подросший детеныш сайгака. Не смолкал ее золотой смех.

Гвоздем программы были мои стихи. Покрываясь от волнения мурашками – я зачитывал из блокнота какой-нибудь свой новый шедевр. Малика слушала – и хлопала в ладоши.

Малика действительно была мне другом. Она была единственная ценительница моих стихов. И горячо уговаривала меня:

– Довольно писать в стол. Опубликуй что-нибудь из своих стихов в интернете. Разошли по издательствам!.. Можешь положиться на мое мнение: ты найдешь немало поклонников своего таланта!..

– Спасибо, Малика...

Меня очень трогало, что Малика верит в мое поэтическое дарование. Но выставить свои творения на суд публики я откровенно трусил. Как говорится: и хочется – и колется. Как всякий поэт, я мечтал о славе. Но я боялся: топающими мастодонтами набегут критики и раскатают меня, как тесто на лепешку. Мол, и рифмы у тебя – так себе. Ничего свежее «кровь»–«любовь» не придумал. И размер выдерживаешь с трудом. Заниматься бы тебе, сударь, не стихосложением – а

вывозом мусора на тележке.

Совместный выходной заканчивался сексом.

Малика не любила меня, как девушка любит парня. Но – как преданный товарищ – заботилась об удовлетворении моих мужских потребностей. И раз в неделю бесплатно занималась со мной сексом. Не скажу, что Малика сама не получала от этого удовольствие.

Когда за окном темнело – только горели круглые оранжевые глаза фонарей – она зажигала люстру. Бросив на меня блестящий томный взгляд – освобождалась от своего распятого иероглифами халатика. И садилась – подобрав под себя ноги – рядом со мной на диванчик.

Я сглатывал наполнившую рот обильную слюну.

– Смелее, – говорила Малика. – Я знаю: ты этого хочешь.

Под рукой у нее весьма кстати оказывался презерватив.

Сперва я трепетал от волнения – бережно касаясь нежных, как жасминовые бутоны, грудей Малики. Потом, охваченный бешеной страстью – покрывал поцелуями волосы, шею и плечи моей прекрасной подруги.

– Только не целуй в губы!.. – предупреждала Малика.

Я не понимал, зачем она настаивает на соблюдении этого «профессионального» запрета.

Я валил ее на спину. Малика разводила ноги. Я проникал в нее и принимался резко двигаться, прижимая ее к дивану. После нескольких толчков я – застонав – выплескивал семя.

– Да!.. – изгибаясь дугой и закрывая глаза восклицала Ма-

лика.

Минут десять-пятнадцать мы отдыхали, растянувшись на диване. Когда я снова был готов к «бою» – Малика натягивала мне новый презерватив. Она опять ложилась на спину и поднимала колени.

Я входил в Малику. И двигался быстро-быстро – с каждой секундой наращивая темп. Малика змеей вилась в моих крепких объятиях, охая и постанывая.

На сей раз я держался дольше. А когда – наконец – финишировал, удовольствие разливалось по каждому квадратному миллиметру моего тела.

Мы делали еще один перерыв на четверть часа. После чего вновь соединялись в соитии.

Когда я достигал разрядки – мы допивали вино, доедали пищу, по очереди принимали душ и расходились по постелям.

– Спокойной ночи, золото, – ласково говорила мне Малика.

Я не сразу засыпал. После трех половых актов с любимой девушкой – мне было хорошо, так хорошо!.. Я испытывал эйфорию – как курильщик от кальяна. Я точно был вознагражден за все мучения, которые испытывал в течение недели. За каждую пролитую слезинку.

А назавтра все запускалось по-новому. Утренний кофе с бутербродами. Метро. Мяукающие – как бы приветствующие меня – кошки. Уборка в «аквариумах». Ревность, раз-

дирающая сердце. Стихи.

Так я и жил.

Несколько раз мне звонила бабушка. То она шипела, как королевская кобра – грозила, что разыщет меня через полицию. То сюсюкала меня, как малыша – обещая всевозможные коврижки за возвращение домой. «Я тебе пирог испеку, мальчик мой. С бараниной и грибами – как ты любишь...».

Но я был непреклонен.

Я сухо отвечал, что я взрослый человек и начал самостоятельную жизнь. Имею право: я совершеннолетний. Полицией меня не запугать – и пирогами не соблазнить.

Честно скажу: мне немного жаль было бабушку. Но куда сильнее было нежелание вновь оказаться у нее под туфлей. Так что я не раскаивался, что домашние пироги променял на покупную пиццу.

Я совсем забросил университет. И не появлялся там даже из любопытства. Я признался себе в том, что – на самом деле – всегда понимал: я не хочу быть юристом. До пенсии выносить лотки за кошками – да что там: даже мыть общественные туалеты – для меня лучше, чем протирать атласные брюки за телефоном в какой-нибудь адвокатской конторе.

Как ни больно мне было от того, что Малика спит с другими мужчинами – я чувствовал себя выпорхнувшей на волю птицей. И никаким отборным зерном меня невозможно заманить обратно в позолоченную клетку. Меня занимали в целом свете только кошки, поэзия и Малика.

12. Жук ползет на цветущий луг

Как-то после ужина (как всегда – мы поели жареной картошки с консервами) Малика взяла меня за руку:

– Ну, дорогой. Сегодня ты не отвертишься.

– А?.. – не понял я.

– Стихи!.. – сказала Малика. – Мы опубликуем в интернете твои стихи!..

– Да ну брось... – замямлил я, чувствуя, что краснею, как рак в кипятке.

– Пойдем, пойдем!.. – Малика чуть ли не силой поволокла меня в комнату. – Включай ноутбук.

Мы устроились с ноутбуком на диване.

– Та-а-ак, – деловито протянула Малика.

Она открыла сайт оседлай-хромого-пегаса-точка-ком.

– Может – не надо?.. – предпринял я вялую попытку сопротивления.

Хотя признаюсь: при виде заглавной страницы сайта у меня зажглись глаза. Какой служитель музы не грезит о признании?..

– Надо, надо, – с настойчивостью произнесла Малика. – Негоже зарывать свой талант.

Малика заставила меня зарегистрироваться на «Хромом пегасе». (Да я уже особо и не возражал). Она подобрала для моего профиля фото, на котором – по ее мнению – я отлич-

но удался. И звучный афоризм: «Если жук переползает от одной навозной кучи к другой – то когда-нибудь приползет на цветущий луг. Если жук просто сидит в навозной куче и размышляет – то никуда не приползет».

– Не время переминаясь с лапки на лапку, жучок!.. – весело сказала Малика. – Время ползти к славе!..

Из файла с моей лирикой Малика скопировала дюжину стихотворений – и разместила на вновь созданной страничке. Удовлетворенно заключила:

– Вот так. Прекрасно.

Подумав, предложила:

– Давай не заглядывать на твою страничку до следующего вечера. А когда посмотрим – там, наверное, будет уже туча комментариев.

– Ну что?.. – спросил я. – Теперь попьем чаю – и спать?..

– Не-ет!.. – шуточно погрозила мне пальчиком Малика. –

Мы еще не закончили с твоими стихами.

Малика пробила в поисковике: «Издательства ищут поэтов». И стала открывать – один за другим – сайты издательств. На каждом сайте Малика смотрела раздел «Контакты» – и отправляла на электронную почту издательства файл с моими стихами, лихо «настучав» сопроводительное письмо.

– Я уже вижу, – мечтательно проговорила Малика, – твоя книжка стихов на полке магазина!..

В файле было под семьдесят стихотворений. Пожалуй,

на тоненькую книжицу карманного формата действительно хватило бы.

– А издательства не завернут мои вирши?.. – высказал я опасение.

– Ну что ты, зайчик!.. – Малика игриво взъерошила мне волосы. – Двадцать девять издательств – может – и завернут. А тридцатое тебя обязательно опубликует. Я голову на отсечение даю: ты еще станешь знаменитым поэтом!..

Малика отправила мои стихи более чем трем десяткам издательств.

Потом мы гоняли чай с печеньем, вареньем и медом. Малика заливалась райской птичкой. Рисовала словами – как кисточкой – целые картины. Как я – с бледным лицом и горящим взглядом, с розой в петлице фрака – раздаю автографы на книжной ярмарке.

Я и сам отчасти заразился оптимизмом Малики. Так как в глубине души тоже считал: мои стихи должны звучать на публике. Мне живо представилось: полный зал; аккуратные мужчины и нарядные женщины. Профессиональный декламатор произносит с освещенной сцены:

Я обещал тебе с небес достать луну...

После чаю мы отправились спать. Малика напоследок чмокнула меня в щечку:

– И не забудь, дорогой: завтра на работе не смотри свою

страничку на «Хромом пегасе». Вечером в торжественной обстановке вместе прочтем все комментарии!..

– Да. А если никто не прокомментирует?.. – повесил я было нос.

– Выше голову, капитан!.. – засмеялась Малика и двинулась к постели, на ходу снимая свой японский халатик.

Полночи я ворочался с распахнутыми глазами. Все глядел во тьму. Малика разволновала меня вниманием к моей поэзии. Меня кидало – образно говоря – вверх-вниз, как на качелях.

То я верил, что меня ждет признание от тысяч читателей. Что мою книжку напечатают. То накатывало уныние: я мусорный бездарный рифмоплет – а не поэт. Мои вирши в интернете прочтут два с половиной калеки. И то – только затем, чтобы сказать свое веское: «Фу-у!.. Что это за дерьмо на лопате?».

Утром я накормил Малику яичницей с колбасой и колечками лука. Напоил молочным кофе. Я не слишком-то выспался. В голове шумело.

– Все хорошо? – взяла меня за руку Малика. – Сегодня вечером смотрим страничку на «Хромом пегасе». Так?.. Кстати, завтрак был восхитительный, мой Саади!..

«Саади»!.. Я кисло улыбнулся. По крайней мере, один человек – Малика – верит в мой поэтический талант. А заодно и в мое кулинарное искусство. Хех.

После завтрака Малика вернулась в постельку досматри-

вать сны. А я поехал к своим кошкам.

На работе я – как всегда – потчевал хвостатых постояльцев сухим и влажным кормом. Менял наполнитель в лотках. В перерывах – хрустел чипсами, зависал в телефоне, читал Низами.

Честно скажу: меня так и тянуло хоть одним глазком заглянуть на «Хромого пегаса». Интересны читателям мои стихи или нет?..

Больше всего я боялся пустоты на месте комментариев. Если какой-то критик с раздвоенным змеиным языком обольет твоё творение грязью – ты всегда можешь сказать: «Я художник – я так вижу. А ты ничего не понимаешь». Гораздо хуже – когда тебя просто не читают.

Но я помнил, о чем мы условились с Маликой – и не подсмотрел за происходящем на страничке ни краешком глаза.

Когда я приехал с работы – Малика, к удивлению моему, была дома.

– Приветствую нового Джами!.. – одарила меня красавица сияющей улыбкой.

Малика объяснила, что обошлась сегодня парочкой клиентов – чтобы пораньше попасть домой и зайти со мной на оседлай-хромого-пегаса-ком. В сердце у меня кольнуло – как всегда, когда что-либо напоминало, что Малика проститутка.

– Садись за стол, – пригласила меня нежная гурия. – Сперва поедим.

Оказалось: Малика шикарно позаботилась об ужине. Она подала румяное жареное мясо с фасолью, зеленью и помидорами. На запивку – ананасовый сок. К чаю – печенье и шоколадные конфеты.

Я удовлетворенно погладил себя по животу. Все же насколько лучше, когда по кухне прогулялись женские ручки. Каким бы там поваром в белом колпаке я ни был.

– Идем!.. – после сытного ужина Малика потянула меня в комнату.

Приземлившись на диванчик – мы включили ноутбук. Сердце мое затрепыхалось, как птичка в силках. Сейчас мы увидим: закидали меня на сайте комьями грязи или похвалили. Я смахнул каплю пота со лба.

– Не волнуйся, – беря меня за руку, нежно сказала Малика.

Мы открыли сайт.

«У вас пятьдесят непрочитанных комментариев», – гласило уведомление на моей страничке.

Я взмок. Пульс у меня подскочил. Что если эти пятьдесят комментов – пятьдесят плевков ядовитой желчью?..

А Малика радостно захлопала в ладоши:

– Ты посмотри: полсотни отзывов!.. Тебя читают, котик мой!..

Мы открыли комментарии.

«Кофе. Бессонница. Проститутки, – писал пользователь под ником Ромбический питон. – Это невозможно. Ничего

поэтического!..».

«Потому что это сама жизнь!.. – возражала Инесса ноль-два. – По-настоящему пронзительная лирика. Автор, спасибо!».

«Неужели не о чем писать, кроме как о любви к проститутке?.. – возмущался Ивашка семь. – Наш рифмоплет – должно быть – знатный ходок по борделям».

«А по-вашему, поэзия – это только про бабочек и цветочки?.. – парировал Ученый ягуар. – Нет!.. Литература должна освещать и самые темные стороны жизни человека и общества...».

Такого рода полемика кипела в комментариях под моими стихотворениями. Рецензенты почти поровну поделились на два лагеря. Одни превозносили мою поэзию за выразительность и жизненность. Другие – с не меньшим упорством – обвиняли меня в том, что я любитель порываться в испачканном зловонном белье.

– Твои стихи читают!.. Читают!.. – с блестящими глазами ликовала Малика.

– Сколько народу меня поругало... – сдулся я.

– Ну и что же?.. – отозвалась Малика. – Твои стихи – не апельсин, чтобы нравиться всем без разбору. Ты лучше считай, сколько людей оценили твое творчество. Да и критиков твоя поэзия явно задела за живое. Читая твои стихи – никто снисходительно не позевывал.

Я слабо улыбнулся: Малика была – конечно – права.

– А теперь давай рассылать твою лирику по издательствам, – сказала моя деятельная красавица.

– Но мы уже расслали... – замямлил я.

– Разослали в тридцать издательств – а надо в шестьдесят. Мы же не знаем, какое издательство заинтересуется твоими стихами, – заявила Малика.

Мы провозились за ноутбуком до ночи. И отправили файл с моими стихами – наверное – во все издательства, которые указали в интернете свою электронную почту.

– Из нескольких десятков издательств – одно, два, три захотят напечатать твою книжку, – сказала рассудительная Малика.

Выпив по стакану ананасового сока – мы почистили зубы и отправились спать. Малика – в кровать, а я – на свой диван.

Я уже начал дремать, когда услышал тихие шаги. Я разлепил веки: Малика подошла к моему дивану. Стянув с меня одеяло – она ловко надела мне на пенис презерватив. Затем сбросила халатик – под которым не было белья. И села мне на бедра.

– Награда великому поэту, – сказала Малика.

Мне показалось, что я и в полумраке вижу, как она улыбается.

Она ввела мой член себе в вагину и начала двигаться. Я застонал – до того мне было хорошо...

13.Как жаль, что мы не боги...

Пожаловало лето.

Если в мае еще случались дожди, то в июне солнце – лившее с бирюзовых небес расплавленное золото – не заслоняли даже белые барашки-облака. Стояли чудесные ясные деньки. А ночи были короткие, как вздох.

С приходом лета я почувствовал необыкновенную бодрость. Наш пригород казался мне филиалом рая. Все кругом меня радовало. И утки, плескавшиеся на речке. И нежный ветерок – от которого шелестели кусты. И разжиревшие на подачках сердобольных старушек полосатые, черно-белые и трехцветные коты – лениво прогуливающиеся по изумрудно-зеленой траве среди ярко-желтых одуванчиков. И смешно прыгающие воробьишки.

Идя от автобусной остановки к дому – я пил коктейль и улыбался.

Я начал лето стихотворением о праздничных посиделках, которые мы с Маликой устраивали в совместные выходные:

Я целовать тебя хотел бы вновь и вновь.

Я поднимаю тост за грешную любовь.

Со мною небеса сыграли злую шутку.

И в жилах у меня воспламенилась кровь.

Я страстно полюбил – всем сердцем!.. – проститутку.

Она ко мне пришла из горько-сладких снов.

*Платок узорный, весь затасканный – она.
Полудетая и с чашею вина.*

*Я с ночи до утра петь песни буду с нею.
И кубок двести раз я выпью с не до дна.
Не только от вина – от слез своих хмелею.
Ей ни любовь моя, ни верность не нужна.*

*Я до рассвета буду ей читать стихи,
Сгорая на костре из страсти и тоски.*

*Но днем пора идти ей к новому клиенту.
Ее оружие – помада и духи.
А я ей расточал зачем-то комплименты.
«Ты ярче, чем луна...». Нет большей чепухи!..*

*Напрасно я ищу спасения в вине.
От собственной любви – лекарства нету мне.*

Стихи были не лишены надрыва – но мне хотелось напевать их, как веселые частушки. Я сам цвел, как один из тех желтых одуванчиков, в которых играли уличные коты.

В чем тут было дело?..

Да в том, что это было первое лето, которое я встречал свободным человеком.

Июнь прошлого года был самым тяжким месяцем в моей жизни. Я сдавал чертову сессию в университете. Бабушка съела бы меня без соли и лука, если бы я провалился на экзаменах.

Это было как заколачивать гвозди в собственный череп. Или наизусть – не понимая ни слова, заучивать текст на бенгальском либо суахили. Я зубрил, зубрил юридические кодексы. Фолианты, над которыми я корпел – снились мне по ночам.

В июле бабушка – в награду за успешно сданные экзамены – вывезла меня отдыхать на море. Но это был отдых попугая, клетку с которым выставили на балкон. Под бдительным оком бабушки – не расслабишься. Коктейль не попьешь. Надо даже на мороженое выпрашивать денежку – как пацану в коротеньких шортиках.

Когда я заходил в воду – бабушка считала своим долгом крикнуть мне вслед: «Только не заплывай далеко!..». А когда – лежа под пляжным зонтом – я утыкался в книжку, ворчала: «Опять ты своего черта нерусского Низами читаешь!..».

Так было. А этим летом я был бодрее верблюда, шагающего без ноши. И пусть мне не светит поездка на море. Зато я сам зарабатываю себе на хлеб с маслом, вволю пишу стихи и живу под одной крышей с любимой девушкой.

Но Малика...

Она летом не расцвела. Наоборот – напоминала деревце, у которого под дуновением жгучего ветра свернулись лепест-

ки. Или потухшую свечку.

Малика стала задумчивой. Часто грустила, сидя у окна. Даже в наши праздники по выходным – не могла отдаться веселью. Казалось: Малика ждет, что вот-вот случится что-то плохое. Ей и при наших занятиях сексом не удавалось расслабиться.

Меня это очень огорчало.

Однажды – приехав со смены – я застал Малику дома. Она скучала у окна.

– Сегодня мне хватило и пары клиентов, – бесцветным голосом пояснила Малика.

Она достала из холодильника тарелку с жареной картошкой и поставила греться в микроволновку – мне на ужин.

Я подошел к Малике. И настолько расхрабрился, что взял ее за руку. Спросил:

– Малика. Кто-то из клиентов тебя... обидел?..

От такого предположения у меня задергался кадык.

– Как клиенты могли меня обидеть?.. – так же без выражения отозвалась Малика. – Они меня просто трахают.

Выбирать слова было не в привычках Малики.

– А почему ты такая печальная?.. – не отступился я.

– Так... Летом на меня накатывает... грусть.

Я смотрел выжидательно – и Малика нехотя продолжила:

– Летом полным-полно цветов. Но на первом же осеннем ветру их лепестки осыплются. Так и я... мы. Жизнь человеческая коротка – а молодость еще короче. Вот я пока что

цветущий куст. И на что я трачу юные годы?.. Я сплю с разными мужиками – только чтобы заработать на лекарства для мамы. Лет через десять я буду как изношенное пальто. Потом и вовсе – скрючусь и покроюсь морщинами. Чтобы в таком состоянии – когда у тебя зола изо всех щелей валится – доползти до края собственной могилы... Мне страшно об этом думать. Понимаешь?..

Я с изумлением глядел на Малику.

Впервые я видел ее уязвимой и слабой. Испуганной ланью на лесной лужайке.

– Малика... – я легонько сжал пальчики красавицы – не зная, как утешить свою зазнобу. Трудно было подобрать слова, которые прозвучали бы не фальшиво.

Вдруг внутри черепа у меня что-то стукнуло. Я сказал Малике:

– Подожди минутку.

И бросился из кухни в комнату.

В комнате я вынул заветный блокнот. И быстро-быстро – далеко не каллиграфическим почерком – записал так и выплеснувшиеся из меня строки.

Вернувшись на кухню – я с нежностью сказал Малике:

– Не грусти!.. Хочешь – я прочту тебе стихи?..

– Прочти... – подняла на меня глаза удивленная Малика.

И слегка глуховатым голосом – не без волнения – я продекламировал только что родившееся стихотворение:

*Любимая моя!.. Как жаль, что мы не боги.
И что недолог век душистого цветка.
Джейраном резвым будь – но охронеют ноги.
В глазах погаснет блеск. И подведет рука.*

*Но очарован я, как серый волк – луною,
Сиянием твоей невечной красоты.
И память о тебе – останется со мною.
Пока пишу стихи – не постареешь ты.*

*Я знаю: будет день, когда мы оба сгинем.
Цикадам не дожить до будущей весны.
И все же улыбнись: ни о какой богине –
Лишь о тебе одной, родная, вижу сны.*

*Пусть нам, любимая, жить вечно не под силу.
Пусть лотос розовый теряет лепестки...
Но пусть – когда тебя я называю «милой» –
Не капнет нам в вино соленый яд тоски.*

– Ну как?.. – с трепетом спросил я. Не хватало только, чтобы стихи – которыми я надеялся взбодрить Малику – только пуще расстроили бы красавицу.

Малика положила ладошку мне на грудь. По щекам прекрасной тюрчанки катились две слезинки. Она заглянула мне в глаза – и тихо сказала:

– Спасибо...

На мгновение мне показалось: сейчас встретятся наши гуды. И надо же было, чтобы в такой красивый момент у меня заиграл мелодию сотовый телефон.

– Ответь, – сказала Малика, вытирая мокрые глаза.

– Алло?.. – я принял вызов.

– Добренького вечера!.. Вы знаете: ваши стихи поражают в самое сердце. Мы читали всем издательством – и восторжались. Как вы относитесь к тому, чтобы издаться тиражом в полторы тысячи экземпляров?..

– Бр-р-р!.. – не совсем уловил я. – Вы хотите издать мою книжку?..

– Именно, именно!.. – подтвердил мой сладкоголосый собеседник. – Вы блестящий поэт!.. Я выслал вам договор об издании на электронную почту. Вам осталось прислать нам скан подписанного договора. И тогда мы выпустим ваш сборник стихов...

– Твою книгу хотят напечатать?.. – спросила Малика, когда я отложил смартфон.

– Д-да... – ответил я, все еще слегка ошарашенный.

– Это же... это просто сказка!.. – воскликнула Малика. – Это замечательно!..

Ее глаза – только что затуманенные слезами – просияли. Она чмокнула меня в щечку. С приоткрытым ртом я торчал на месте – не успевший переварить ни предложение издательства, ни быструю смену настроения у Малики.

– Ну что же ты стоишь?.. – с радостным смехом спросила Малика. – Ты победил!.. Твоя книга появится в магазинах!.. Такое дело надо отметить, солнце. Придется тебе прогуляться до супермаркета.

Сию секунду появились ручка и листок. Малика набросала список покупок. И – энергичная, улыбающаяся (как будто только что не плакала) – почти насильно выпихнула меня за дверь квартиры. Ошалелому – мне оставалась только исполнять поручение Малики; топать в супермаркет.

Вернулся я, пытая от тяжести двух пакетов. Я купил все в точности по списку: свежий хлеб – селедку – колбасную нарезку – фрукты...

– Так. Не путайся у меня под ногами, – прогнала меня с кухни Малика. – Ступай в комнату. Включи ноутбук и пощи нам фильм. Хочу посмотреть романтическую комедию.

Порывшись в интернете – я остановил выбор на ленте «Трасса для влюбленных». Тут подошла Малика. Грациозная, как индийская танцовщица – моя красавица несла блюдо с бутербродами.

Бутерброды были трехэтажные: соленая рыба – желтый ломтик сыра – копченая колбаска. Все это – как шапкой – прикрыто вторым куском хлеба и украшено веточкой зелени. У меня так и потекли слюнки.

Мы уплетали бутерброды и смотрели фильм

Сюжет «Трассы...» был незамысловатый. Веснушчатый – рыжий, как хороший апельсин – парень терпит бедствие на

пустынном участке связующей города автодороги. От двигателя машины «счастливчика» повалил дым. А буквально в ста метрах впереди проколола сразу два колеса спортивного автомобиля эффектная брюнетка Лика.

Два «везунчика» пешком направляются в сторону ближайшего населенного пункта с шиномонтажом и автосервисом.

Лика – дама суеверная. И во всем винит Рыжика. Мол, это он притягивает неудачи.

Малика по-детски беззаботно хохотала над злоключениями переругивающихся героев. Над тем, как визжала Лика при виде неизвестно откуда взявшейся черной кошки. И над тем, как незадачливый Рыжик наступил в коровье дерьмо.

Я – должно быть глуповато – улыбался. Юмор, на котором строился фильм – казался мне примитивным, как биологическое строение таракана. Но я расцеловал бы режиссера и сценариста в щеки. Этим господам удалось развеселить мою Малику.

К тому моменту, когда Рыжик и Лика добрались до придорожного отеля – мы умяли бутерброды. Малика подала фрукты: виноград, очищенные мандарины, четвертинки яблок, порезанный дольками сочный ананас.

Наблюдая за происходящим на экране – Малика не переставала смеяться. Так звенит маленький декоративный колокольчик.

Фильм закончился почти что свадьбой. Рыжик и Лика по-

няли, что не могут друг без друга. «Я так счастлива!.. Так счастлива!..» – шептала Лика, повиснув на шее у своего веснушчатого рыцаря. Лика забыла и про проколотые шины, и про черную кошку. И про то, что номер автомобиля Рыжика заканчивается числом тринадцать.

Спать нам с Маликой не хотелось. Вдобавок, завтра мне не надо было на работу.

Доев фрукты – мы переместились на кухню. Малика налила нам чаю с лимоном. Поставила на стол тарелку с печеньем и вазочку с конфетами. Мы развлекались тем, что загадывали друг другу загадки.

– Что такое: оранжевое, квадратное, на полке стоит?.. – вся лучась весельем, спросила Малика.

– Похоже на апельсин – но почему квадратное?.. – развел руками я.

– Чтоб не укатился!.. – радостно воскликнула Малика.

Отсмеявшись, она задала новый вопрос:

– А сколько бегемотиков уместится в автобусе?..

– Не знаю, – сдался я.

– Полный автобус!.. – с торжествующей улыбкой просветила меня Малика. – Ну а жирафиков сколько уместится?.. Догадаешься?..

– Тоже полный автобус?.. – нерешительно предположил я.

– Неправильно!.. – воскликнула Малика. – Нисколько не уместится: автобус уже заняли бегемотики.

Малика звонко, заливисто – до блестящих слезинок в гла-

зах – смеялась. Не поверить, что два часа назад слезы у нее лились отнюдь не по причине беззаботного смеха. А теперь Малика была обольстительна и весела.

«И это благодаря мне!.. – ликовал я. – Малике радостно, что мою книжку напечатают».

Уже ради одного этого стоило не один год упражняться в стихосложении.

Заиграл мелодию телефон. На этот раз у Малики.

– Салем, – не перестающая улыбаться Малика приняла вызов и поздоровалась на родном языке.

Но скоро улыбка стерлась с ее лица – которое приняло хмурый и сосредоточенный вид. Малика задавала глухим голосом вопросы на тюркском языке и с напряжением слушала ответы.

Я сидел притихший. Я ни слова не понимал из того, что говорит в трубку Малика. Но ясно было: разговор серьезный.

Впрочем, скоро Малика отложила телефон. Опустив голову, закусив нижнюю губу – она смотрела в пол.

– Все... все нормально?.. – задал я нелепый вопрос.

Какое уж тут «нормально»!.. Очевидно же: Малика расстроена, убита!..

– Моя мама умерла, – сказала Малика.

14. Поцелуй

Я сидел с отвисшей челюстью – застыв истуканом – и не

знал, что сказать. В самом деле – какие слова не покажутся фальшивыми и неуместными, когда твоя девушка сказала, что потеряла дорогого человека?..

Если б Малика заплакала – я бы бережно обнял красавицу. Гладил бы волосы нежной тюрчанки. И шептал бы ей на ушко: «Не надо. Не плачь».

Но глаза Малики оставались сухими. Только блеск в них погас.

Малика выпрямила спину. Спокойно допила чай – и отодвинула чашку. Встала – и пружинящими шагами направилась в комнату.

– Малика?.. – я поспешил за своей зазнобой.

В комнате Малика достала из шкафа свои кофточка, блузки, юбки – и свалила на кровать. Рядом положила пакет, в котором хранила паспорт, визу и другие документы. Продолжила обшаривать комнату – выцепила и отправила на кровать пачку прокладок, губную помаду, баночку духов...

С открытым ртом – я наблюдал за Маликой.

Она выволокла на середину комнаты чемодан. И принялась укладывать в него вещи.

– М-м-алика... что ты делаешь?.. – наконец выдавил я.

– Собираюсь. Надо ехать, – глуховатым голосом ответила Малика.

– Ехать?.. К-куда?..

– На родину. В Восточный Туркестан. Домой.

– Зачем?.. – задал я глупый вопрос.

– Звонила мамина аульская соседка, – стала терпеливо объяснять Малика. – Живет через улицу от мамы. Хорошая тетенька, вскормившая семерых детей. Все это время – пока я в Расее подавала пончики посетителям быстро или ублажала в постели мужиков – соседка заботилась о моей маме. Поила куриным бульоном. Убирала в доме. Стирала. А теперь мама умерла... Мне надо в родной аул.

– И ты... поедешь?.. – снова не блеснул я умом.

– Ну а что меня держит в Расее-матушке?.. – с грустным – чуть шаркающим – смехом ответила Малика. – Я приехала в Расеюшку только для того, чтобы заработать маме на лекарства. Довольно Петры да Иваны имели меня во все щели. Пора в отчий край.

Широко раскрытыми глазами я смотрел на Малику. «Имели... во все щели». Моя красавица отдавала себе отчет в том, каким грязным ремеслом до сего дня занималась. Но при этом она умудрилась сохранить самоуважение. И относится к своему положению с едким – как щелочь – юмором.

Воистину: достоинство – это что-то внутреннее. Что носишь в себе, как хрустальный шар. Есть мойщики туалетов и проститутки с не растоптанной гордостью. И – с другой стороны – принцы и министры, у которых от хрустального шара остались одни осколки.

Малика уселась на до отказа набитый чемодан и уткнулась в смартфон.

– А теперь... что ты делаешь?.. – несмело поинтересовал-

ся я.

– Заказываю через интернет билет на поезд... – ответила Малика. – ...Заказала. Взяла последний билет. Верхняя полка в хвостовом вагоне. Отправление – завтра.

– Завтра?..

Мне стало плохо от мысли, что завтра я навсегда расстанусь с Маликой. Малика уезжает в Восточный Туркестан. Подумать только!.. Ведь мы сейчас уплетали бутерброды с колбасой, сыром и селедкой. Фрукты. Печенье. Я читал Малике свои новые стихи... Мы радовались, что издадут мою книжку. И нам даже не снилось, что Малике придется уезжать.

А теперь...

– Ты чего?.. Побледнел весь, – спросила Малика.

– Все... все в порядке... – солгал я. Хотя уже с трудом стоял на ногах.

– Ты завтра отвезешь меня на вокзал?..

– Д-да. Конечно...

Малика встала со своего чемодана. Подошла ко мне. Взяла мою руку. И сказала, заглядывая мне в глаза:

– Спасибо, что был со мной... эти дни.

Я только всхлипнул.

Время было позднее – нужно было ложиться спать. Усталой покорной овцой потащился я к своему дивану.

– Постой, – нежно сказала Малика. И потянула меня к кровати.

Малика сбросила халатик – под которым не было нижнего белья. На белоснежной простыне мы занялись любовью.

Я старался быть особенно ласковым с Маликой. Легонько касался ладонями ее затвердевших сосков. Запускал пальцы в ее густые темные волосы. Осыпал поцелуями ее руки и плечи.

Мы оба приглушенно и жарко стонали. Нам было хорошо – очень хорошо. Постепенно мы становились бесстыднее и смелее. Как будто вдохнули опьяняющий дурман.

В этот раз мы израсходовали не три – как обычно – а четыре презерватива. Мы довели друг друга до умопомрачения.

Наконец – доверчиво пристроив головку мне на грудь – Малика закрыла глаза и тихонько засопела. Положив руку на Малику – я тоже незаметно соскользнул в сон. Подумав напоследок: эти знойные объятия мне вовек не забыть.

Прежде чем расстаться со мной – Малика преподнесла мне подарок. Наверное, другого подарка и не стоило ждать от девушки, промышляющей продажей собственного тела. Но – засыпая – я чувствовал какое-то особенное тепло. Малика была сейчас моей. Только моей.

Спал я долго и без сновидений. Как будто меня засосала черная бездна. Когда очнулся – голова Малики по-прежнему покоилась у меня на груди.

«Сегодня Малика уезжает от меня», – вспомнил я. И почувствовал, как сердце мое укололось, точно о шип розы.

Осторожно я вылез из-под Малики. И – в трусах и шле-

панцах – прошел на кухню. В это последнее утро я сделаю Малике чудесный завтрак.

Я поставил кипятиться пузатый чайник. Разбил несколько яиц над горячей сковородой – на которую предварительно капнул масла и покрошил репчатый лук. Занялся нарезкой сыра, помидоров и колбасы на бутерброды.

Подошла растрепанная заспанная Малика. Слабо-слабо улыбнулась:

– Привет, милый.

За обильным завтраком – который запивали светло-коричневым молочным кофе – мы молчали. Не раздавался мелодичный смех Малики. Она не отпускала тонкие шуточки. Видимо, как и меня – сон не совсем освежил Малику.

Доев яичницу и бутерброды, допив кофе – красавица сердечно поблагодарила меня и направилась в комнату. Я поспешил за Маликой.

Малика села на кровать – расчесывать волосы. Потом покрасила лаком ногти, помадой – губы и тушью – ресницы.

Я наблюдал за Маликой – едва дыша. Я смотрел на нее, стараясь запомнить каждую черточку ее облика. Каждое движение. Не так ли вглядываешься в белое лицо покойника – прежде чем того заруют в холодную землю?..

Мое сердце рвалось по швам при мысли, что завтра – перевернувшись с боку на бок на своем диване – я не увижу на кровати в противоположном конце комнаты мирно спящую Малику.

Не для кого будет стряпать завтрак. Некого будет ждать по вечерам. Я снова останусь один под бесконечным синим небом. Как отбившийся от стаи перелетный дикий гусь. Как утопающий моряк в открытом море.

– Ну что?.. – Малика посмотрела на меня долгим взглядом. Ее красивые брови были чуть нахмурены. Надо ехать. Вызови такси.

Через десять минут мы погрузились на заднее сиденье авто: я, Малика и чемодан. Такси покатило в сторону вокзала.

Мы молчали. Широко раскрытыми глазами – изумленно, как ударенный по голове хорошей дубинкой – я смотрел за стекло на проплывающий мимо город. Казалось: все происходит в каком-то не самом радужном – муторном – сне.

Как?! Я везу Малику на вокзал, чтобы потерять ее навсегда?.. Неужели такое возможно?.. Молодой муж вглядывается в лицо больной раком жены – и отказывается верить, что скоро останется вдовцом. Так я не в силах был вообразить, что Малика меня покидает.

Малика нашарила мою руку – и положила свою руку поверх моей. Я посмотрел на красавицу со слабой улыбкой – как бы говоря: «Спасибо!..». Малика тоже улыбнулась. Слегка приподнялись краешки ее губ.

Так колесили мы по городу. Безучастный ко всему – как бы с вырезанным из дерева лицом – таксист крутил баранку. Я ощущал пальчики Малики – и был в каком-то полузабытьи, точно между сном и явью. Казалось: в салоне такси –

только мое тело. А душа – на белых крыльях парит над авто, бросая беспокойные взгляды по сторонам.

Опомнился я только под тяжелыми сводами грохочущего вокзала, на перроне – когда невидимый диктор объявил: «До окончания посадки на поезд «Московия-Манас» осталось семь минут...».

Огромный чемодан был поставлен на асфальт. Малика и я застыли друг напротив друга.

– Что... что ты планируешь делать... когда... когда приедешь в Восточный Туркестан?.. – выдавил я вопрос.

Конечно – спрашивать о таком нужно было еще вчера. Дома. А не теперь – когда зеленая змея состава вытянулась вдоль платформы; когда до отбытия поезда – всего-то семь минут. Но – похоже – я вплоть до сего мгновения не мог окончательно поверить, что расстаюсь с Маликой.

Малика пожала плечами и по-детски выпятила губку:

– Что буду делать?.. Не знаю... Прежде всего надо позаботиться о похоронах мамы. А там... Наверное – продам аульский дом... Деревенская жизнь не для меня: не могу представить, что – повязав платочек – буду сыпать курам пшено или лить воду в корыто для телят... Переберусь в город. И... попробую выйти замуж. Ведь в Восточном Туркестане никто... никто не знает, что я была... проституткой...

Голос Малики дрогнул.

Ее лицо начало размываться – это на глаза мои навернулись слезы. Горло мне забил ком.

Я хотел схватить Малику за руку, воскликнуть: «Не уезжай!.. Прошу тебя: не уезжай!.. Тебе нужен муж?.. Вот он – перед тобою!.. Я люблю тебя. Люблю!.. Выходи за меня замуж. Клянусь: я и словом тебя не попрекну за то, что ты за деньги спала с мужчинами...».

Но я только всхлипнул.

Малика подошла ко мне. Положила свою ладошку мне на грудь. И спросила:

– Ну а ты?.. Что будешь делать?..

– Я... я не знаю...

Малика с нежностью поглядела на меня. И сказала тихо и рассудительно:

– Одному тебе не потянуть аренду квартиры. Но и возвращаться в душные бабушкины объятия ты – конечно – не захочешь. Сними комнату. Это тебе по карману...

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Затем Малика произнесла почти шепотом:

– И – прошу тебя – не прекращай писать стихи... Стихи – это то, что у тебя прекрасно получается... Я сообщу тебе свой почтовый адрес. А ты пришли мне твою книжку – когда она выйдет из печати. Тогда у меня будут две любимые книги...

– Две?.. – не понял я. – Одна – сборник моих стихов. А вторая?..

– «Гуль и Навруз» Лутфи, – слабо улыбнулась Малика. – Книжица, которую ты подарил мне на день рождения.

– Спасибо тебе, Малика!.. – от души поблагодарил я.

Я уже не сдерживал слез – которые сбегали и сбегали по моим щекам.

Я обеими руками взял руку Малики и легонько пожал.

– Не плачь, что я уезжаю... – прерывисто дыша, сказала Малика. – Запомни меня такой, какая я сейчас: красивая, молодая. Пусть я останусь твоей вечно юной музой. Я не хотела бы стареть у тебя на глазах – сесть и покрываться морщинами...

«До отправки поезда Московия-Манас осталось три минуты, – ревом трубы архангела разнесся над вокзалом голос диктора. – Просим провожающих покинуть вагоны – а пассажиров занять свои места».

– Надо идти... – выдохнула Малика.

Но сама не торопилась. Запрокинув голову, смотрела на меня снизу вверх – агатовыми глазами, полными слез. Нежные губы Малики были полуоткрыты.

И я не сдержался.

Я приник губами к губам красавицы. Она не отшатнулась. А – наоборот – ответила на мой поцелуй. Сплела руки у меня на шее. Я обнял Малику за талию.

Так странно, так чудесно было впервые целовать девушку, с которой успел не раз заняться сексом!.. Я будто бы «наизусть» знал тело Малики. Каждый волосок и ноготок. Но мне показалось: по-настоящему Малика отдалась мне только сейчас – когда подставила губы, а не раздвинула ноги.

– Надо, надо идти, – взволнованно сказала Малика, аккурратно освобождаясь от моих объятий. Личико ее горело.

Она поспешила к вагону. Я следом поволок чемодан. Малика заскочила в вагон. Я успел передать ей чемодан – и помахал рукой. Вагон медленно поплыл.

Я размашистыми шагами двинулся по платформе – стараюсь до последнего не упускать из виду Малику, которая появилась в мутном окошке вагона.

Поезд набирал скорость. И через считанные секунды умчался вдаль – оставив меня на оконечности платформы.

Я остановился, задыхаясь. Из глаз моих лились слезы.

– Я люблю тебя, Малика. Я люблю тебя, – шептал я, хотя Малика уже не могла меня слышать.

Эпилог

Так я расстался с милой Маликой. Нежной тюрчанкой. Пери. Девушкой моей мечты.

Своим отъездом Малика ранила меня в самое сердце. Но сама же перед тем позаботилась о том, чтобы боль от раны не была нестерпимой: на губах моих остался сладкий вкус от губ Малики.

Этот вкус напоминал мне: недели и месяцы, проведенные с Маликой – не были сном. Восхитительная гурия мне не пригрезилась. Мы на самом деле были вместе – делили стол и постель. Я действительно испытал на земле райское бла-

женство.

Вернувшись с вокзала в пустую квартиру – я упал на свой диван. Зарылся лицом в подушку – и заплакал. Как ни странно – слезы облегчили мне душу.

Что было дальше?..

Мы с Маликой время от времени списывались и созванивались. Малика сообщала: у нее все относительно благополучно. Она похоронила маму – и теперь подыскивает покупателя для своего аульского дома. А заодно – квартиру в городе.

После каждого телефонного разговора – я бросался на постель и плакал. Плакал, вспоминая самую чудесную девушку на свете – Малику. Я давился рыданиями и закусывал губу – чтобы меня не услышали через стенку соседи по коммуналке. (Я теперь снимал комнату в коммунальной квартире в том же живописном пригороде).

Но – кажется – вся моя «конспирация» была напрасной. Сталкиваясь со мной на кухне или в коридоре – соседи с некрасивым любопытством заглядывали мне в глаза. Мол, с чего бы такому здоровенному лосю – парю двадцати лет – лить слезы, как маленькая девочка?..

В августе издательство выпустило сборник моей лирики. Совсем тоненькую книжицу. Но как же я ей гордился!.. На обложке художник изобразил восточную девушку с распущенными длинными волосами – стоящую под дождем из розовых лепестков.

Книжка появилась в интернет-магазинах. С трепетом я знакомился с отзывами читателей. Мне было бальзамом на сердце, что меня – в восьми комментариях из десяти – хвалили.

Я отправил книжицу Малике – сделав дарственную надпись и приложив пространное письмо, в котором рассказывал, как у меня дела.

В ответ Малика прислала красочную открытку с взволновавшими меня поздравительными словами.

Тогда – на вокзале – Малика сказала: «Путь я останусь твоей музой». Так и случилось. Даже отделенная от меня расстоянием в две тысячи километров – Малика вдохновляла меня. Так горько – но одновременно непередаваемо сладко – было припоминать утром сон, в котором видел свою прекрасную возлюбленную.

В сердце моем полыхал костер. Творчество давалось мне легко – как сырный шарик катится по щедро политой маслом наклонной поверхности. Я точно выхватывал слова из пространства – и переносил на бумагу.

За три с хвостиком месяца я написал стихов на новый сборник. Центральным мотивом в этих стихах была боль разлуки.

Мой лирический герой – глотая слезы – стоял на платформе, глядя уходящему поезду. В голос стонал по ночам – смотря в окно на луну, звезды и одноглазые уличные фонари. Погружался – как аквалангист в морскую глубину – в

воспоминания о тех днях, когда был с любимой.

Нетрудно догадаться: мой лирический герой был я сам. Поэзия не давала мне сойти с ума, провалиться в черную депрессию. Я обрел твердый моральный стержень. И за это я благодарил Малику.

Помимо лирических стихотворений – я написал романтическую поэму «Фархад». В поэме я подражал восточным классикам – но по-умному, с оглядкой, не превращаясь в эпигона.

Богатырь и каменотес Фархад – совершая подвиги на благо народу – странствует в поисках прекрасной Ширин, которую полюбил по портрету.

Я стремился к простоте слога – не перебарщивал с пышными сравнениями. Так же – в отличие от Навои – я не довел повествование до трагической гибели влюбленных. А закончил на том, что – после долгих испытаний – счастливый Фархад находит свою Ширин.

После «Фархада» я взялся за роман в стихах с провокационным названием «Я люблю проститутку». Как вы понимаете – это должна была быть история моих отношений с Маликой. Работы над «крупным полотном» было на год.

А пока я пристроил «Фархада» в то самое издательство, которое напечатало сборник моих стихов. «Фархад» пришелся ко двору. Издательство выпустило красивую книжицу с цветными иллюстрациями, стилизованными под старинные восточные миниатюры.

Я отправил экземпляр Малике. Подумал: «Теперь у нее будет три любимых книги». Но моя бандеролька вернулась с пометкой: «Адресат выбыл».

Сердце у меня треснуло по швам. Конечно – я бросился звонить Малике. Но (как я со страхом и ожидал) ледяной машинный голос в трубке отчеканил: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети» – а затем повторил эту фразу по-тюркски.

Мне захотелось швырнуть телефон в окно. А затем разбить себе голову о стену. Я прикусил губу – чтобы не заскучить, как щенок, которому отдавили лапу.

Малика, моя Малика – канула неизвестно куда!.. Это почти то же самое, как если бы она умерла!..

До сих пор звонки Малике, несчастный обмен электронными письмами, общение в мессенджерах – согревали мне душу. Позволяли чувствовать себя не таким одиноким. А теперь?.. Мне показалось: мир рухнул – точно сбылось пророчество индейцев майя.

Плохо помню, как я провел день. (Мне не повезло: это был выходной. Так что я не мог отвлечься на своих кошек). По-моему – я просто тарасился в одну точку или разглядывал (с пристальностью ученого, приникшего к микроскопу) рисунок обоев. И слизывал слезы – докатывавшиеся до краешков рта.

После полуночи я кое-как зарылся в постель – и отрубился.

Проспал я долго. (Мне не надо было на работу). И проснулся – на удивление – свежим. С ясностью в голове. Будто бы крохотные человечки прочистили мне извилины. Сердце колело от мыслей о Малике – но это не была боль как от ржавого ножа.

Я понял: мне не следует горевать о том, что Малика пропала со всех радаров. Я отпустил ее еще тогда, когда помог ей донести чемодан до вагона. С того момента у Малики – своя жизнь, а у меня – своя. Может быть, до этого мы шли рука об руку – но мы достигли развилки тропинки. И каждый из нас повернул в свою сторону.

Если Малика решила разорвать последние связывающие нас ниточки – значит, так тому и быть. Я должен принять ее выбор.

Я подошел к зеркалу – попытался поправить свою растрепанную шевелюру. Желудок заурчал – напоминая, что пора бы подкрепиться.

Возиться с приготовлением завтрака не хотелось. Не выпив даже кофе – я оделся, потуже зашнуровал свои утепленные мехом шипастые ботинки и вышел на улицу.

Я шагал под медленно падающим с мутно-серого неба белым пушистым снегом, мимо растопыривших голые ветки черных горбатых деревьев. Был уже декабрь.

Завернул в кафешку – единственную на весь пригород. Кафешка была маленькая и уютная. С всегда чистым полом и улыбчивым персоналом. Взяв бургер с мраморной говяди-

ной, картошку фри и большой стакан брусничного чаю – я сел за столик. Уставив взгляд в окно – я следил за полетом снежинок.

А мысли мои были заняты одной Маликой.

Пометка «адресат выбыл» – с которой вернулся «Фархад» – могла означать только одно. Малика осуществила свой план: продала дом в ауле – и перебралась в город.

Но почему она не сообщила мне свой новый адрес?.. Больше того: сменила телефон и исчезла из мессенджеров?..

Почему?..

Я кисло улыбнулся. Ощущение было такое, будто я хлебнул микстуры. Вроде бы и понимаешь пользу от лекарства – а все равно горько.

С какой стати Малика вообще должна поддерживать со мною связь?.. Кто я для Малики?..

Пусть это прозвучит конфуцианским парадоксом, но – если разобраться – мы даже не были любовниками. Хотя и столько раз – я извиняюсь – совокуплялись.

Я относился к Малике как к пери из стихов Низами, волшебной звездочке, богине. А сам был для Малики сначала клиентом – а потом просто хорошим парнем, вкладчину с которым красавица-проститутка снимала квартиру. Не было у нас того особого сродства душ, которое непременно возникает у любовников!..

Малика прекрасно ко мне относилась. Потому время от времени «награждала» меня сексом. Это как котенка поба-

ловать вареным мясом. Какой бы замечательной девочкой ни была Малика – а у моего продажного ангела срабатывала психология проститутки: хочешь сделать мужику приятное – разденься и раздвинь ноги. Мол, ни о чем другом борода-тая половина человечества думать не способна.

Отдаваясь мне – Малика изгибалась, стонала и закатывала глазки. Но она оставалась эмоционально не вовлеченной в... процесс. С таким же успехом можно было бы «обрабатывать» резиновую женщину с компьютерным мозгом и живыми волосами.

Малика, мой душистый цветок Малика – промышляла проституцией!.. За сутки успевала разделить постель с несколькими мужчинами. Что удивляться, если в глазах Малики я лишь немножко отличался от этих нескольких?.. Такой же любитель сладкой клубнички, как и все «носители яиц».

Ну так что?..

Малика вернулась на родину. Продав дом в ауле – устроилась в городе. Наверное, у Малики сносная работа – да хотя бы кассиршей в супермаркете. И – конечно – нет больше необходимости торговать своим телом.

Само собой – Малике хочется забыть свое прошлое «гулящей девки». А я – раздражитель-напоминание. Не потому ли Малика и решила окончательно порвать со мной?.. «С глаз долой – из сердца вон».

На самом деле – я должен только порадоваться за Малику.

И понадеяться, что она реализовала свои планы на сто процентов. Не только продала дом в ауле и нашла жилье и работу в городе – но и вышла замуж.

Тогда уж Малике тем более следовало вычеркнуть меня из памяти. Как страшный сон забыть те десятки голых потных мужиков, с которыми спала – а заодно и меня. Не расскажет же она мужу о своем богатом сексуальном опыте!..

Я потихоньку умял бургер и картошку фри. Допил ягодный чай. Вытер губы салфеткой.

Но отклеиваться от стула не хотелось. Я смотрел и смотрел в окно на падающий снег. Это было умиротворяющее зрелище.

На ум пришла утешительная мысль.

Малика – вполне справедливо – раз и навсегда порвала со мной. Но это не значит, что она порвала и с моим творчеством. Тоненький сборник моих стихов так и останется любимой книжкой Малики. Перечитывая эти стихотворения – Малика нежно улыбнется. Она вспомнит, кем вдохновлены мои строчки.

А может быть...

Может быть – «Фархад» (как – потом – и «Я люблю проститутку») тоже попадет в руки Малики. Поклонница моего таланта – Малика будет время от времени мониторить интернет-магазины на предмет моих новых книг.

Трудненько, но не невозможно книгу из Расеи получить в Восточном Туркестане. Можно оформить в интернет-ма-

газине почтовую доставку. А еще я слышал: в крупных городах южных республик действует торговая сеть «Расейская книга». В одном из магазинов сети Малика откопает мои новинки.

«А если я прославолюсь на всю Евразию, – мысленно пошутил я сам с собой, – у Малики точно не будет проблем с тем, как достать мои книги. Заодно и по ТВ меня увидит...».

Ах, Малика, Малика...

Дни, проведенные рядом с нею – были самыми прекрасными в моей жизни. Даже притом, что Малика занималась проституцией. Роза останется розой – хотя бы на лепестки и попала грязь.

Сейчас я снимаю комнату. Балуюсь поэзией в свое удовольствие. И все благодаря Малике.

Кем бы я был – если б не она?.. Ха!.. Послушным бабушкиным внучком без собственной воли – которому периодически надо накачиваться «вертолетом» или «отверткой», чтобы не чувствовать себя ничтожеством.

Любовь к Малике стала для меня движущей силой, без которой я бы не устроился на работу, не съехал бы от не в меру сердобольной бабушки, не напечатался бы в издательстве.

Можно проще сказать: благодаря Малике я стал человеком. Когда мой гроб будут опускать в могилу – даже тогда я прошепчу на прощание фиолетовыми губами: «Спасибо. Спасибо, тебе Малика!...».

Снежинки за окном – падали и падали. Пикировали белы-

ми бабочками. Каждая снежинка была непередаваемо красива. А Малика – подумал я – прекраснее и чище любой снежинки...

2021-2022